

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность
История Журнал филологических
и историко-культурных
исследований
№ 4 2021

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

Главные редакторы:

С. А. Семячко и Д. О. Цыпкин

Адрес редакции:

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Сайт: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>

e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2021

© Журнал «Словесность и история», составление, 2021

© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2021

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

i Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 4 2021

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

Editors in Chief:

S. A. Semiachko and D. O. Tsyppkin

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К. А. Баршт. Алексей Карамазов — последователь архимандрита Феодора (А. М. Бухарева)	7
В. А. Фатеев. Два лика «цинического реалиста» В. П. Буренина	36
Т. В. Игошева. Распутин и другие в романе М. Е. Зенкевича «Мужицкий сфинкс» (материалы к комментарию)	59
В. Н. Быстров. Творческая история драмы А. Ремизова «Царь Максимилиан»	82
Г. Н. Боева. «...Совершенно, совершенно мое ощущение мира»: рецепция творчества Л. Андреева в дневниках Г. Алексеева	95

Публикации

С. А. Ипатова. Неизвестная статья В. Р. Ваврика «„Двенадцать“ Александра Блока»	110
--	-----

In memoriam

К 190-летию со дня рождения К. Н. Леонтьева	
Прот. Павел Хондзинский. Два эстетизма: Блаженный Августин и К. Н. Леонтьев	133
О. Л. Фетисенко. «Гордость и предубеждение», или О том, что консул Леонтьев упустил из виду на Востоке	145
В. А. Котельников. «Имеет достоинство историческое» (К. Н. Леонтьев и Б. М. Маркевич)	157
В. А. Фатеев. 125-я годовщина кончины Н. Н. Страхова	167
Список сокращений	174
Наши авторы	174

CONTENTS

Articles

Konstantin A. Barsht. Alexey Karamazov as a Follower of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)	7
Valery A. Fateyev. Two Guises of the "Cynical Realist" Victor Burenin	36
Tatyana V. Igosheva. Rasputin and Others in the Novel <i>Peasant Sphinx</i> by Mikhail Zenkevich: Materials for Commentary	59
Vyacheslav N. Bystrov. The History of Aleksey Remizov's Play <i>Tsar Maximilian</i> and Responses of His Contemporaries	82
Galina N. Boeva. "... Absolutely, Absolutely My Sense of the World": The Reception of Leonid Andreev's Work in the Diaries of Gennady Alekseev	95

Publications

Svetlana A. Ipatova. " <i>The Twelve</i> by Alexander Blok" The Unknown Article by Vasily R. Vavrik	110
---	-----

In memoriam

In Commemoration of the 190th Anniversary of Konstantin Leontiev

Fr. Pavel Khondzinskii. Two Types of Aestheticism: St. Augustin and Konstantin Leontiev	133
Olga L. Fetisenko. "Pride and Prejudice", or What Consul Leontiev Overlooked in the East	145
Vladimir A. Kotelnikov. "It Has the Merit of a Historical Work" (Konstantin Leontiev and Boleslav Markevich)	157
Valery A. Fateyev. 125th death Anniversary of Nikolay Strakhov . . .	167
List of Abbreviations	174
Authors	174

К. А. Баршт

АЛЕКСЕЙ КАРАМАЗОВ — ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ АРХИМАНДРИТА ФЕОДОРА (А. М. БУХАРЕВА)¹

Резюме

В статье анализируется влияние, которое оказало на творческую историю романа «Братья Карамазовы» знакомство Ф. М. Достоевского с вызвавшими большой общественный резонанс книгами архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева; 1822–1871) «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской», «О Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа» и др. Ряд идей, на которых основывал Бухарев свою концепцию свободного, деятельного пути к Богу, обладают значительным сходством с положениями, которые развивает в своих «записках» старец Зосима. Призыв к активной «деятельности в миру», с которым выступил архимандрит Феодор в 1860-е гг., вызвал бурную полемику в церковных и светских общественных кругах, в ней принял участие и журнал братьев Достоевских «Время», явно симпатизировавший опальному священнику. В статье выдвигается гипотеза о существовании связи между сюжетом и идеологией романа «Братья Карамазовы» и жизненным «подвигом» и религиозно-философской концепцией архимандрита Феодора.

Ключевые слова: роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», архимандрит Феодор, отказ от монашества, идеология «христианской жизни в миру»

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00263 «Комплексная автоматизированная база данных „Объединенный цифровой архив рукописей Ф. М. Достоевского“».

ALEXEY KARAMAZOV AS A FOLLOWER OF ARCHIMANDRITE THEODORE (A.M. BUKHAREV)

Abstract

The article analyzes the impact which the influential books by Archimandrite Theodore (Alexander Matveevich Bukharev, 1822–1871) — *On the modern spiritual needs of thought and life, especially Russian, On the New Testament of our Lord Jesus Christ* and others — had on Fyodor Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. A number of ideas on which Bukharev based his concept of the free, active path to God are quite similar to the notions that Elder Zosima develops in his notes. The call for taking part in the "activity in the world", made by Archimandrite Theodore in the 1860s, caused a heated debate among the church and secular public. The magazine *Vremya*, published by the Dostoevsky brothers, openly sympathized with the disgraced priest and took part in the debate. The article suggests a hypothesis about the essential connection between the plot and the ideology of the novel *The Brothers Karamazov*, on the one hand, and the life and the religious and philosophical concepts of Archimandrite Theodore, on the other.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, novel *The Brothers Karamazov*, Archimandrite Theodore, rejection of monastic life, ideology of Christian life in the secular world

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-7-35

Характер Алексея Карамазова, носителя почвеннического идеала, представлял собой главную творческую задачу писателя; пребывание героя романа в монастыре в качестве инок, а затем выход из монастыря образуют ключевую канву сюжета произведения. Мотивы и смысловые корни этих поступков героя изучены, на наш взгляд, недостаточно. В Полном собрании сочинений писателя указывается, что он подпал под обаяние «силы, которой обладал Зосима», «„славы“, которая его окружала», а покинул монастырь, выполняя завет старца, из «человеколюбия» [Кийко, с. 414]. Указание на то, что поступление Алеши в монастырь не было данью «мистике», а после ухода в мир из монастыря «его ждут великий иску́с, потери и новое обретение в драматических борениях совести и сложных связях с людьми утраченных им нравственно-религиозных духовных ценностей» [Фридлендер, с. 401], мало что объясняет в мотивах этих поступков персонажа, подобного рода мотивировка придает им слишком уж легкомысленный характер.

Б. Филиппов рассматривает поступок Алеши как «подвиг деятельной любви», направленный на «великое дело» [Филиппов, с. 28, 30], не соглашаясь с тем, что этот шаг есть результат утраты Алексеем Карамазовым «религиозных духовных ценностей», после того как он покинул монастырь.

Более точное, на наш взгляд, объяснение содержится в работах С. Аскольдова, который указывает, что путь «иночества в миру», который избирает Алеше Зосима, связан с самыми серьезными «религиозными чаяниями и надеждами» писателя на установление в стране «жизненно активного христианства», возможного, по его мнению, только в будущем [Аскольдов, с. 44, 45]. По мнению исследователя, Достоевскому грезилось «наступление новой религиозной эпохи», в которой особое значение будет иметь «новая миссия христианства, „иночество в миру“» [Аскольдов, с. 48].

Уход в монастырь в отечественной культуре является выбором человека, стремящегося полностью отдаться делу духовного спасения, жертвуя при этом всеми существующими связями с мирской жизнью. Иногда этот поступок оказывался актом отчаяния при конфликте между личными религиозными убеждениями и требованиями социальной жизни. Так произошло в жизни однокашника Достоевского по Главному инженерному училищу Дмитрия Александровича Брянчанинова (1807—1867), будущего епископа Игнатия: находясь на военной службе в период начала войны с Турцией, не желая проливать кровь или даже брать с этим намерением в руки оружие, он покинул воинскую службу и поступил в монастырь [Битюгова, с. 175—190]. Достоевский знал об этой истории. Важным для него примером обращения к теме перехода человеком границы, отделяющей сакральную зону от остального мира, стала повесть А. В. Корвин-Круковской «Михаил», которую он опубликовал в своем журнале «Эпоха» (1864. № 9. С. 1—58). В центре сюжета этого произведения находится одушевленный высокими идеями молодой человек, который поступает в монастырь и становится иноком, однако затем отказывается принять монашество в связи с постигшим его разочарованием: его религиозные убеждения оказались несовместимыми с жизнью в монастыре. Достоевский высоко оценил повесть, написав автору 14 декабря 1864 г., что ее герой «не может *по натуре* {...} помириться с чем-нибудь, что *ниже идеала*, идея глубокая и сильная» [Достоевский, т. 28, кн. 2, с. 108].

Однако помимо этого, в 1960-х гг. вокруг Достоевского разворачивались события, с еще большей силой и достоверностью указывавшие на мощь личности человека, который не соглашается ни с чем, что оказывается ниже его идеала. Мы имеем в виду отречение от сана и ряд публикаций, породивших бурю в русском обществе, блестящего духовного писателя архимандрита Феодора (А. М. Бухарева). Наибольший гнев одних и восхищение других вызвали его книги, в особенности «О православии в отношении к современности» [Бухарев 1860], «О Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа» [Бухарев 1861] и «О современных духовных потребностях мысли и жизни,

особенно русской» [Бухарев 1865]. Впрочем, последующие его труды только подливали масла в огонь². Книги Бухарева, сам его отказ от сана архимандрита повлекли бурную реакцию в обществе, «потрясение во всех религиозных кругах, в том числе и среди поклонников и учеников» [Егоров, с. 120]. Эта история обрела характер общественного движения, возникали своего рода партии, формировавшие свои ряды по критерию одобрения, отрицания, снисходительного оправдания или горестного сожаления о поступке архимандрита. Среди изданий, вносивших существенную лепту в обсуждение, следует назвать книгу М. П. Погодина, статьи А. В. Старчевского, многообразные публикации в журналах «Странник», «Сын Отечества», «День» и др. Такова была реакция здоровой части русского общества на жестокую травлю, развернутую в отношении Бухарева — обладателя младенчески чистой души, по мнению многих, знавших его лично. П. А. Флоренский отметил, что «архимандрит Феодор — одно из наиболее важных бродильных начал» русской общественной жизни, он положил начало многим до времени скрытым, но очень важным процессам развития русского общественного самосознания [Карпов, с. 677]. К этому мнению присоединялся Н. А. Бердяев, многие идеи «Смысла творчества» которого со всей очевидностью почерпнуты из трудов Бухарева: «Он интегрировал человечность целостному христианству. Он требует приобретения Христа всей полнотой человеческой жизни. Всякая истинная человечность для него Христова. Он против умаления человеческой природы Христа, против всякой монофизической тенденции» [Бердяев, с. 127]. С. Булгаков ставил Бухарева в один ряд с самыми выдающимися гениями земли Русской — прп. Серафимом Саровским и А. С. Пушкиным [Булгаков, с. 589].

Оставляя в стороне достаточно хорошо изученную историю быстрого взлета А. М. Бухарева по лестнице церковной иерархии и постриг в монахи по совету архим. Евгения (Сахарова-Платонова), отметим: в ранней юности владела им мысль о самопожертвовании ради принесения миру максимальной пользы, с тем чтобы отстаивать «во Христе и обыкновенное, земное» [Лаврский, с. 149], научиться «приводить Христову благодать и истину и в земное, никак не изменяя чему-либо истинно Христову» [Карпов, с. 647]. Тяжкий, полный страданий жизненный путь Бухарева описан с достаточной полнотой [Антология, с. 92–792], и в видах нашей цели важнее сосредоточиться на главном моменте: выходе архимандрита Феодора из монашества и лишении его всех званий и даже диплома Духовной академии — основном

² Список сотен рецензий, статей, очерков, отражающих реакцию общества на идеи богослова, см. [Антология, с. 772–792].

событии, определившем развитие сюжета романа Достоевского «Братья Карамазовы». Из других частностей следует отметить книгу Бухарева «Святой Иов Многострадальный. Обзорение его времени и искушения по его книге» (М., 1864); в рукописях к «Подростку» [Достоевский, т. 17, с. 317, 330, 140—141, 346, 405] и «Братьям Карамазовым» [Достоевский, т. 15, с. 82, 202, 204, 210, 245, 330] много внимания уделяется этой теме, вопрос о влиянии книги Бухарева на эти произведения может быть решен только в рамках специального исследования.

В нашу задачу не входит подробное освещение всех обстоятельств травли Бухарева ретроградами во главе с В. И. Асоченским, закончившейся в пользу последнего, на эту тему существует обширная литература, см.: [Розанов, с. 24—37]. Заметим, что Достоевский не только пристально следил за развитием этой коллизии, со всей очевидностью находясь на стороне о. Феодора, но и участвовал в полемике вокруг вопросов о догме, авторитете, церковных уставах и свободе веры своими статьями и публикациями сотрудников по журналу «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865), в частности, Ап. Григорьева и Н. И. Соловьева, откликнувшихся на возникшую полемику.

Требование Ап. Григорьева о более активном участии «Времени» в защите опального архиерея привела к конфликту между ним и М. М. Достоевским, который, опасаясь цензурных преследований, избегал слишком открыто поддерживать философа, перед которым к этому моменту уже закрылись двери многих издательств и журналов — сказывались последствия клейма «еретика» и «богоотступника», навешенного на него Асоченским, а также репутация «расстриги», уволенного со всех должностей и лишённого всех званий и даже диплома, ссыльного (в Никитском монастыре г. Переславля Владимирской епархии).

Причиной снятия сана было давление, которое оказывала на него церковная цензура. Получив многочисленные отказы в публикации своих книг, и особенно спасительного для страны и мира, как верил он, толкования на Апокалипсис [Бухарев 1916; Гиляров-Платонов, с. 312—314], Бухарев принял решение, сформулировав причины следующим образом: «В среде монашества стали меня стеснять в служении слову Божию; мне такого монашества не нужно, потому что я и в монашество пошел ради слова Божией истины» [Карпов, с. 663]. Подав прошение о снятии сана, так изложил он свои мотивы. В письме к А. В. Горскому от 14 июля 1862 г. он свидетельствует: «Если Господь сохранит мне жизнь, желаю идти путем служения Христу (Богу) Господу в мире до самых даже крайних пределов внешней мирской жизни» [Соловьев, с. 301].

Расстрижение архимандрита длилось мучительных два года и два месяца, за процессом следила русская светская и церковная общественность: одни с ужасом (например, редакция «Времени» братьев Достоевских, редакции «Странника» и «Сына Отечества»), другие со злорадством (В. И. Аскоченский и его соратники по «Домашней беседе»), третьи с досадой (митрополит Филарет, священник Лебедев и другие сочувственно относившиеся к Бухареву иерархи Церкви). Эта громкая история окончилась поражением обеих сторон: нецензурными проклятиями А. А. Григорьева в адрес Синода, воплощавшего своими решениями отношение к этой истории консервативных кругов светской и церковной общественности, а также гибелью надежд на какие-либо сдвиги к лучшему в деле строительства в стране подлинно христианской культуры. Достоевский справедливо полагал, что если программа почвенничества, фактически вбиравшая в себя основной корпус идей Бухарева, не исполнится, страну ждут тяжелые потрясения. Не случайно после смерти Бухарева в 1871 г., когда Достоевский работал над романом «Бесы», публицистика писателя и его художественные произведения — романы «Подросток» и «Братья Карамазовы» — оказались посвящены вопросу воспитания «нового человека» и формирования в стране христианской культуры. Основой этого религиозно-политического проекта была идея о духовном самоопределении человека, лежащем в основании строительства им своей жизни и жизни общества.

Журнал «Время» вступился за вызвавшую большое негодование у консервативно настроенной части общества книгу Бухарева «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской», ответив на жесткую критику этой книги со стороны В. И. Аскоченского и А. Н. Загоскина³ полной праведного гнева статьей А. А. Григорьева «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия» [Григорьев], выражавшей точку зрения редакции на предмет. Разумеется, журнал братьев Достоевских был не единственным, кто защищал смелые идеи Бухарева от нападок обскурантов; следует отметить книгу А. А. Лебедева «Приемы, знания и беспристрастие в критическом деле редактора Дом. беседы Виктора Ипатьевича Аскоченского: Разбор критики на соч. архим. Феодора о православии, помещенной в XIV вып. Дом. бес. за 1861 г.» (СПб.: Тип. В. Головина, 1862). Интерес к личности и писаниям Бухарева сохранялся в редакции журналов братьев Достоевских начиная с конца 1850-х гг., личный контакт опального священника с редакторами состоялся в 1863 г. Согласно «Списку статьям (рукопи-

³ С начала 1861 г. практически каждый номер журнала В. И. Аскоченского «Домашняя беседа» содержал нападки на А. М. Бухарева. Список этих публикаций см.: [Антология, с. 785–786].

сям) журнала „Время“ (1863 г.)», который вел М. М. Достоевский, Бухарев предлагал братьям Достоевским свою работу о Гоголе⁴. В разделе списка под заглавием «Романы, повести и рассказы» значится: «№ 6 Письмо к Гоголю. Архимандрита Феодора» [Нечаева, с. 282]. Вне зависимости от того, в какой форме произошел этот контакт, каждый из двух писателей чувствовал в другом родственную душу. Позже Бухарев написал обширную статью о романе «Преступление и наказание»⁵, указав на то, что, являясь преемником Гоголя, автор изображает «внутренний процесс духовной жизни своих героев» [Серебренников, с. 12]. По свидетельству вдовы философа А. С. Бухаревой, «Достоевский сам, еще во время издания „Эпохи“, сочувственно отзывался об Александре Матвеевиче и с укором относился к другим за враждебное к нему отношение» [Серебренников, с. 12]. Бухарев явно ощущал идейную близость почвеннической идеологии «Времени» своему взгляду на роль религии в современной жизни, отмечал, что журнал «образа мыслей свежего, жизненного во многом, только еще не зрелого, не довольно точного или не совсем отчетливого» [Бухарев 1865, с. 359].

Необходимо упомянуть еще об одном неприметном контакте Бухарева и Достоевского. Писатель находился в тесной дружбе, сотрудничестве по журналам «Время» и «Эпоха» и родственных отношениях с философом, публицистом, впоследствии ректором Петербургского университета Михаилом Ивановичем Владиславлевым (1840—1890). М. И. Владиславлев был женат на Марии Михайловне Достоевской, дочери старшего брата писателя, Михаила Михайловича. Он принадлежал к «новгородской ветви» этого старого нетитулованного дворянского рода, его родственник из «тверской» ветви фамилии, Василий Федорович Владиславлев (1821—1895), протоиерей, духовный писатель, редактор журнала «Тверские епархиальные ведомости», в период обучения в Московской духовной академии находился в дружеских отношениях с А. М. Бухаревым, эти отношения продолжались и после их выпуска из академии.

Само название журнала Достоевского «Время», организованного в 1860 г., связано с идеей Бухарева о том, что наступило время перемен, которые ощущаются далеко не всеми, но ясно сознаются и живо переживаются только избранными, «хотя бы разъяснение и удовлетворение этих потребностей предлагалось всем открыто» [Бухарев 1865, с. III]. Известная

⁴ Вероятно, это было продолжением темы книги «Три письма к Н. В. Гоголю», написанной в 1848 г. и опубликованной в 1860 г.

⁵ Статья «О романе Достоевского „Преступление и наказание“ по отношению к делу мысли и науки в России» была написана Бухаревым в 1867 г., в 1870 г. доработана, но опубликована лишь после смерти Достоевского, в 1884 г. (М.: Унив. тип. [М. Каткова], 1884. 50 с.)

донкихотская редакционная политика «Времени» и в еще большей степени — «Эпохи», на которые обрушился в связи с проповедью почвенничества девятый вал критики и со стороны «нигилистов», и со стороны консервативного «Русского вестника», могла бы быть объяснена словами из книги Бухарева: «В такие времена большинство современников обыкновенно или с тупым непониманием и невниманием, или даже с ожесточенною враждою относятся к разъяснению и удовлетворению самых неотступных и настоятельных современных потребностей. Это — времена трудных и тяжелых духовных посевов», и только в будущем можно рассчитывать на получение «плодов» [Бухарев 1865, с. IV–V]. Эта мысль о «будущем получении плодов» от «деятельности на благо России» была зафиксирована и в редакционном объявлении об издании журнала «Время» [Достоевский, т. 18, с. 66], затем повторена в «Дневнике писателя» [Достоевский, т. 26, с. 149]. Почвенничество братьев Достоевских, возникшее на основе трудов старших славянофилов, далее впитывало идеи отца Феодора, который доказывал, что дело не столько в способности современной культуры обрести христианский характер, сколько в том, возможно ли православие положить в основу современной жизни общества.

Не случайно в своей статье «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия», направленной в защиту Бухарева и против официально одобренных «догм» и штампов, Григорьев ставит в один ряд с А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским «полное веры, любви и жизни слово архимандрита Феодора», подвергающегося нападкам «слепых поборников застоя» [Григорьев, с. 4]. Критикуя взгляды А. Н. Загоскина, его рутинные формулы религиозности и сравнивая его с другим ретроградом, В. И. Аскоченским, проповедующим, по словам Григорьева, «теорию мрака», Григорьев анализирует и в результате резко отрицает фальшь в литературе, религии и самой жизни. Он говорит достаточно осторожно, опасаясь цензуры, но со всей определенностью: «...это была борьба духа с плотью, с мертвою, отжившею и извращенною буквою, тогда как у наших мраколюбцев стало это — борьбою мертвой буквы против живой жизни» [Григорьев, с. 15].

Общественное значение борьбы с идеями Бухарева со стороны церковных и светских консерваторов лишь возрастало в связи с тем, что Бухарев фактически защищал нарождающийся институт старчества, несшего иную сравнительно с официальной Церковью модель отношения Слова Божьего к миру; равным образом защита института старчества, которую мы видим во всех трех романах Достоевского 1870-х гг., являлась компонентом апологии почвенничества, органически связанной с идеями о свободном, не скованном догмами «народном христианстве», о котором писал и на котором

настаивал и Бухарев. В обоих случаях речь идет о пронизанности каждой мысли, каждого поступка, каждого общественного деяния человека, чем бы он ни занимался, сочетаемостью с нравственным и онтологическим идеалом Христа.

Свобода светской печати, образовавшаяся после известных реформ начала 1860-х гг., резко контрастировала с жесткой церковной цензурой, уже пропускавшей, конечно, научные публикации о староверах, однако ревниво следившей за «чистотой» текстов в их соответствии «догмам». Требование отказа от жесткого церковного регламента или смягчения его в пользу реального наполнения христианскими делами жизненного пути человека сказалось в существенном отличии описания монастырской жизни, которое дает Достоевский, от общепринятой модели, что заметили многие. К. Н. Леонтьев с сожалением констатировал: «...как-то мало говорится о богослужении, о монастырских послушаниях; ни одной церковной службы, ни одного молебна... Отшельник и строгий постник Ферапонт, мало до людей касающийся, почему-то изображен неблагоприятно и насмешливо...» [Леонтьев, с. 208]. Заметим, что это обвинение, адресованное Достоевскому, уже звучало много лет назад в адрес книг Бухарева: его упрекали в том, что, слишком сосредоточившись на Христе, он преднамеренно молчит о роли Церкви [Бухарев 1866, с. 28, 32]. Казалось бы, безупречные в церковном смысле публикации житий старцев тем не менее встречали жесткий отпор со стороны духовной цензуры. С огромными трудностями и многочисленными согласованиями были напечатаны писания старца Серафима Саровского в книге «Краткое начертание жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка» (1839 г.) и «Сказания о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима» (1841 г.) [Радость моя, с. 595]. То же можно сказать и о книге «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского» (1847 г.), см. [Неизвестная Оптина, с. 127], и о трудах Исаака Сирина, лежавших неопубликованными полвека [Неизвестная Оптина, с. 55]; весьма характерно, что публикация состоялась благодаря участию известного защитника христианского свободомыслия И. В. Киреевского. Исследовательница этого вопроса Е. О. Блинова указывает на «настороженное отношение к подлинной восточнохристианской мистике, носителями и продолжателями которой стал сонм русских старцев — последователей преподобного Паисия Величковского, а конкретно — к традиции исихазма, то есть мистического созерцания (или „умного делания“ — в соответствии с монашеской терминологией) и всему, что было с ней связано» [Блинова, с. 107]. Это отразилось на судьбе книг Георгия Затворника и Марка Молчальника, которые также с огромным трудом смогли продвинуть в печать

митрополит Московский Филарет (Дроздов) и наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Антоний (Медведев) [Тертышников, с. 104]. Родство малопримлемых для ретроградов писаний Зосимы с этим апофеозом практики старчества подчеркивается тем фактом, что небольшой отрывок из романа «Братья Карамазовы», в котором формулировались основные положения его учения, был запрещен церковной цензурой в издании для народного чтения. Это произошло после смерти писателя, в 1886 г. Запрет состоялся с характерной мотивировкой, заставляющей вспомнить о тоне критики книг Бухарева В. И. Аскоченским: «...вследствие заключающегося в нем мистически-социального учения, несогласного с духом учения Православной веры и Церкви и существующими порядками государственной и общественной жизни» [Лебедев, с. 123–124].

Согласно мнению церковного начальства, учение старца Зосимы вредно как имеющее «только видимое сходство с учением Христа, но в сущности совершенно противоположное доктрине Православной веры» [Лебедев, с. 124]. Такого же мнения придерживался обер-прокурор Священного Синода К. Н. Победоносцев: «Духовное мешается со светским, чистое с нечистым, отвлеченное с конкретным (...) В духовной жизни начинается сложный и запутанный процесс, который иные склонны смешивать с органическим процессом развития. (...) Это процесс болезненный, совершенно подобный тому процессу, который совершается в физическом организме при эпидемическом разложении крови» [Победоносцев, с. 523].

С подобным отношением к проповедуемому им институту старчества как мощного инструмента христианизации социальной жизни в стране сталкивался и Достоевский в процессе работы над «Братьями Карамазовыми». Редакция «Русского вестника», при всем англофильстве главного редактора М. Н. Каткова, не была чужда схоластическим и охранительным началам, и любые творческие усилия, религиозный опыт, выходящий за рамки предписанных «догм», вызывали негативное отношение. Несмотря на огромную осторожность, которую проявлял Достоевский, формируя образ Зосимы, дабы не навлечь на себя гнев охранителей, писатель осознанно взял сторону Бухарева в его споре с Синодом, оправдываясь в письме от 7/19 августа 1879 г. редактору своего романа Н. А. Любимову: «В этой книге, надеюсь, ничего не найдете вычеркнуть или поправить как редактор, ни словечка, за это ручаюсь» [Достоевский, т. 30, кн. 1, с. 103]. Ранее, работая над романом «Подросток» и образом воплощающего его почвеннический идеал философа-христианина из народа Макара Ивановича Долгорукого, он сознается в письме к А. Н. Плещееву от 21 августа 1875 г., что его «старец» говорит чрезвычайно осторожно («я сам держал цензуру каждого слова»), и призы-

вает секретаря «Отечественных записок» помочь «хоть капельку» [Достоевский, т. 29, кн. 1, с. 64].

За несколькими словами в зачине «Братьев Карамазовых»: «...надо бы здесь сказать несколько слов и о том, что такое вообще „старцы“ в наших монастырях...» — скрывается проблемный пласт русской общественной и церковной жизни второй половины XIX в., периода, когда шла ожесточенная борьба вокруг вопроса о легитимизации старчества, немаловажной репликой в которой явился роман «Братья Карамазовы», со всей ясностью показавший, на чьей стороне писатель. Посещение им Оптиной пустыни (1878) и беседы со старцем Амвросием укрепили его ранее существовавшее представление о насущной необходимости обновленного православия, в котором будут ослаблены позиции «догм», ритуала и авторитета и воцарится дух свободного религиозного поиска человеком своего места во вселенной с опорой на нравственный и онтологический идеал Иисуса Христа. Именно эту идею, в продолжение пафоса книг Бухарева, осуществляет по завету своего «старца» Алеша Карамазов. Трудно сказать, случайно или нет, но многие черты характера героя романа Достоевского роднят его с известными описаниями юношеского облика о. Феодора: задумчивость и серьезность, бескорыстие и отсутствие гордыни, целомудрие, твердое намерение прожить свою жизнь во Христе. Нельзя исключить, что Достоевский был знаком с «Автобиографией» А. М. Бухарева, вышедшей в 1875 г. [Бухарев 1875, с. 21–32]. В ней Бухарев разрабатывает описание своего «приятеля» как персонажа литературного произведения, указывая на его выдающуюся способность вызывать доверие людей, «душевный огонек», человеческое обаяние, нравственную привлекательность. Достоевский не мог бы без волнения читать, что, согласно описанию Бухарева, «странный мальчуган» предпочитал чтение и размышление «всякой ребяческой игре» [Бухарев 1875, с. 27], — ведь именно этими свойствами юности отличался сам Достоевский, за что получил от сверстников, однокашников по училищу, насмешливо-уважительное прозвище Монах Фотий.

Резкое разделение между сферами светской и духовной жизни общества было основной проблемой, тревожащей Бухарева [Фатеев, с. 400], и одной из важнейших тем творчества Достоевского, а в романе «Братья Карамазовы» — главной темой произведения. Намечая в черновике диалоги персонажей, записывая реплики беседующих монахов, действующих лиц своего произведения, Достоевский фиксирует глубокий раскол, который проходит по всем сословиям русского общества, не минуя и монастыри: «Отцы и учителя, не сердитесь, что вас собрал, чтоб такие пустяки вам поведать, что давно уже вы знали, и меня во сто крат больше научите, от восторга говорю вам,

и простите мне слезы мои. — Нельзя сказать: „Простите“. И вот на этом на одном уже видно, как неправильно устроен мир, на другую дорогу вышел» [Достоевский, т. 15, с. 247]. «Неправильная дорога», с которой сворачивает старец Зосима, а вслед за ним и Алеша, — поворот Православной церкви от жизни «внутри себя самой» к жизни в пределах всего общества, не минуя ни одного уголка страны и последнего грешника. Такова была основная мысль жизни и писаний Бухарева, а в рукописи к своему роману, не называя имен, Достоевский отмел существовавшие к моменту его работы обвинения опального богослова в мистицизме и фанатизме, доходящих до «юродства», которые исходили от сторонников «коротенького» православия В. И. Аскоченского и А. Н. Загоскина, ведь это были именно те обвинения, которые могли обрушиться на голову его героя: «Мистик ли? Никогда! Фанатик? Отнюдь!»; вера Алеши — это вера настоящего «реалиста» [Достоевский, т. 15, с. 199]. Эти слова можно считать ответом писателя на многократные манифестации «христианского реализма», звучавшие в книгах Бухарева, утверждавшего при этом, что его реализм «высшего смысла»: «...выше всякого *идеализма* — возвышаться нам, в мысли и жизни, к Самому Господу; хотя, держась Самого Господа, сошедшего в наш мир чрез Свое воплощение и вземлющего на Себя грехи мира чрез Свой крест, мы не чужды будем и объемлющего всякую мирскую и материальную действительность *реализма* (...) не впали ли вы вместе и в тот худой материализм или реализм многих, который, стараясь благоустроить и возвышать вещественную сторону земного быта мирян и духовных, остается бесчувственно-равнодушным к выяснению и *упрочению и за эту сторону Христовой благодати, открытой для всего человеческого к спасению его от скверны и лжи греха*» [Бухарев 1866, с. 33–34]⁶. Возможно, называя себя «реалистом в высшем смысле», писатель формировал реминисценцию этого замечания Бухарева, отрицая присвоенную ему репутацию «психолога» [Достоевский, т. 27, с. 65].

Порожденное его книгами мощное течение православного протестантизма, в котором живая христианская мысль боролась с косным догматизмом [Блинова, с. 107–111], «фарисейской» и «языческой» линиями, согласно терминологии Бухарева, продолжалась и после его смерти, вплоть до 1917 г., когда ей был положен конец Октябрьским переворотом. Примирение православия с современной русской жизнью, стоявшее во главе угла и в писаниях архимандрита Феодора, и в поздних произведениях Достоевско-

⁶ Курсивом А. М. Бухарев выделил цитату из своей книги «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской».

го (не исключая публицистику), спасительное, по мнению обоих мыслителей, для России в виду наступающего на нее «нигилизма» в смеси с марксизмом, оказалось на долгие годы в центре внимания русской общественной мысли, включая труды русских религиозных философов конца XIX — начала XX в., сборники «Вехи» и «Из глубины». Леонтьев называл эти идеи «ересью», «односторонним» вариантом христианства с «сентиментальным» или «розовым» оттенком, не сулящим России ничего хорошего, соглашаясь с тем, что он привлекает многих, образуя своего рода весьма распространенную «еретическую общину» [Леонтьев, с. 154, 168, 199]. Достоевский с известным клеймом «розового христианина» и архимандрит Феодор, издевательски названный «российским Ламенне» [Серебренников, с. 11]⁷, не были единственными пострадавшими в этой борьбе — досталось даже, казалось бы, незыблемому авторитету, митрополиту Московскому Филарету, во взглядах которого ревнители веры также обнаружили следы злокозненной социологизации православия. Но первой жертвой, принесенной на алтарь войны за единение Церкви и современного общества, был архимандрит Феодор, жизнь и идеи которого продолжил Достоевский в художественном мире «Братьев Карамазовых».

Следование букве, но не духу христианства Бухарев называл «современным иудейством», враждебным «истинному духу веры и благодати», для которого «невыносимо духовное законоположение Христовой истины и благодати, как прямо противоположное этому мертвому иудейству». Продолжая бороться с обскурантизмом, он замечает: «Только для одного духовного ослепления и упорства были недоступны Христовы откровения истины и благодати, которые и открываемы были ослепленным только в обличении и осуждении из вольной слепоты» [Бухарев 1861, с. 120]. Новый Завет, пишет Бухарев, возник по воле Провидения в период, «когда Ветхий закон был извращен до той последней уже степени, что во имя самого Божия закона и убили Начальника жизни благодатной, что от Царя истины и благодати торжественно отрекся самый избранный Его народ» [Бухарев 1861, с. 122].

Считая, что русское общество в духовном отношении сползло к новой версии «фарисейства» и «иудаизма», Бухарев готов положить свою жизнь на то, чтобы вернуть «новозаветный порядок», при котором благодать была бы «открыта всецело» [Бухарев 1861, с. 15]. Речь идет о том, чтобы нравственный идеал Христа, пребывающий в мыслях человека, перестал быть только предметом поклонения и стал реальным руководителем всех его по-

⁷ Ламенне Ф. Р. де (1782–1854) — французский богослов и общественный деятель, апологет идеи «католического социализма», сторонницей которого была Жорж Санд.

ступков не только в Церкви, но и в сфере практической жизни. Причиной жестких нападков церковных консерваторов был отказ архимандрита от центральной роли ритуала и обряда в жизни Церкви, обилие которых он считал признаком язычества. Отвергая упрек в том, что он отказывается от богослужения как такового, он писал, что необходимо заменить «сделавшееся бездушным» «наружное богослужение» — «новым духовным богослужением», исполненным благодати и отрешенным «от мертвой законной буквы, от лицемерного иудейства» [Бухарев 1861, с. 62].

Настаивая на возвращении к живому первоизданному христианству, Бухарев был уверен в спасительности этого для страны — и в религиозном, и в общественном аспектах. Перемену старого православия на новое он сравнивает с переходом двухтысячелетней давности от Старого Завета к Новому: подобным же образом, при сохранении власти Господа, меняется в соответствии с новым состоянием человечества Его Слово, обращенное к людям: «...благопотребно и благоугодно было Господу устроить новозаветный порядок в Церкви, не только без малейшего оскорбления и насилия ветхозаветному, а напротив, из внутреннего его значения и к уяснению истинного его достоинства» [Бухарев 1861, с. 65]. Вторая половина XIX в., по Бухареву, требует подобного существенного, но органического перехода к новому положению человечества относительно Слова, сказанного, но до сих пор еще не примененного человечеством всецело. Протестующих против этого Бухарев называет новыми «книжниками и фарисеями», «упорно стоящими за мертвую букву (...) ожесточенно вооружаясь против Господа» [Бухарев 1861, с. 65]. Крики ретроградов, требующих сохранения дуализма «Церковь / мир» он сравнивал с воплями младенца, которого перенесли из прежнего, темного и мрачного помещения в новое, светлое [Бухарев 1861, с. 15–16].

На протяжении всей своей книги «О Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа» (1861), рассуждая о переходе ветхозаветной веры в новозаветную, о. Феодор намекает на то, что современная Православная церковь сохраняет немало черт, роднящих ее с иудаизмом, которые имеют значение как основание для перехода на новозаветный стиль богослужений, соответствующий нынешней эпохе. Именно это вызвало наибольшее негодование Синода, и именно это вызвало восторг Ап. Григорьева как идеолога почвенничества. Ведь в программе Достоевского — Григорьева также содержались планы строительства новой христианской культуры, призванной заменить фарисейско-языческое устройство русского общественного быта в пользу ценностей «прямоблагодатной» Церкви, по той модели, которая уже имела место в истории человечества: «...открытый новозаветный порядок заменял

мертвую букву закона и вообще изветшавшие <...> формы ветхозаветного порядка; сам в себе Новый Завет представлял дух и истину, отрешенные от „вещественных начал мира“, от всего образно-плотского, и вводил верующих в благодатную свободу» [Бухарев 1861, с. 134].

Эта благодатная свобода, обеспеченная отсутствием многослойных правил и ограничений для верующих, не всем пришлась по душе, возник анклав спасающихся «мертвой верой», который органически сочетался с принципом «все позволено»: «И в самом деле нашлись в Церкви такие люди, которые думали спастись мертвою, отвлеченною от всех внешних дел, верою, которые и сами в жизни не стеснялись никакими границами, и другим обещали такую же необузданность свободы; были и такие проповедники мнимой духовности, которые даже не исповедовали и Христа *во плоти пришедша*» [Бухарев 1861, с. 135]. Для Достоевского в «Братьях Карамазовых» и во всех предыдущих больших романах этот вопрос о «внешней религиозности», легко сочетающейся с глубоко укоренившимся внутренним сатанизмом, был важнейшей темой начиная с «Записок из подполья». На этом концепте в «Братьях Карамазовых» стоит сюжетная коллизия противостояния Федора Павловича своим сыновьям Дмитрию, Ивану и Смердякову. Мысль о безусловной зависимости нравственного состояния человека от его веры в личное бессмертие (т. е. веры в Бога) является центральной в философском аспекте творчества писателя. В «Братьях Карамазовых» эта мысль разворачивается в «бухареvской» плоскости, являя в центре сюжета вопрос о противостоянии язычника (Ф. П. Карамазов, Дмитрий), атеиста (Иван Карамазов), фарисействующего (Смердяков), иудействующего — действующего в реальной жизни мстительно, по принципу «око за око» (Дмитрий), — деятелям Церкви Христа (Зосима, Алеша). Две тысячи лет назад, при обновлении Слова Божьего, пишет Бухарев, требовалось определить «истинный и совершенный закон благодатной свободы Нового Завета; выставить на вид благодатный порядок новозаветной Церкви, независимый от буквы и форм ветхозаветного порядка» [Бухарев 1861, с. 135], и сегодня этот вопрос снова актуален.

Героическая борьба Бухарева против церковной администрации за свободу религиозного творчества имела сильный общественный резонанс, сопровождаясь десятками разнообразных публикаций — рецензий на его сочинения, репликами по сути поднятых им проблем, а после смерти — многочисленными некрологами и воспоминаниями. Он настаивал на том, что мирская жизнь не просто возможна во Христе, но и совершенно невозможна без Христа: «...в наше время оторвать от начал Христовых какую бы то ни было сторону человеческой жизни — значит немедленно осудить ее на

полную безнадежность» [Тареев, с. 565]. Эту мысль Бухарев иллюстрировал, как это верно заметил М. М. Тареев, личным примером. А затем последовал пример в виде художественного произведения, созданного Достоевским: Алеша Карамазов выходит из монастыря по тем же причинам, что и Бухарев, повинувшись идее Зосимы о христианизации мирской жизни, с незримым эпиграфом в виде основного смысла книги Бухарева «Три письма к Гоголю», где он подхватывает и развивает мысль Н. В. Гоголя о том, что «монастырь ваш — Россия» [Серебренников, с. 11].

В процессе смены Ветхого Завета на Новый, пишет Бухарев, необходимо было отгородить тлетворное старое от формирующейся Церкви Христовой. Лишь несколько учеников Христа были вполне проникнуты духом Нового Завета и несли «основные во Христе камни», в то время как их окружали иудеи — «питомцы Ветхого Завета» [Бухарев 1861, с. 190]. Бухаревская трактовка апостолов как строителей новой Церкви, разносящих камни фундамента нового Храма, заставляет вспомнить финал «Братьев Карамазовых», в котором Алеша проводит свое неформальное богослужение, более напоминающее речь «старца», обращенную к жаждущему истины прихожанину, около «Илюшиного камня», подчеркнуто символизированного писателем как сакральное место [Достоевский, т. 15, с. 194—197], в которой отчетливо звучит основная мысль бухаревских писаний — о спасительной силе любви, способной преобразить внутренний и внешний мир человека, о готовности пострадать за другого, об управлении мыслями и делами человека со стороны «святых воспоминаний». Проповедь «живого христианства» — это и есть то самое «дело», о котором говорится в зачине произведения, где Алеша определен как «деятель неопределенный, невыяснившийся. {...} человек странный, даже чужак. {...} только чужак „не всегда“ частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» [Достоевский, т. 14, с. 5]. Это определение общественной аффилиации Алеши Карамазова чрезвычайно похоже на описание характера деятеля в зачине книги Бухарева «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской», где содержится апология жизни как «деятельного следования за Христом, пришедшим из небесных своих обителей» [Бухарев 1865, с. 381], провозглашается общественная и религиозная ценность человека, «с горячностью или с самоотвержением служащего какой бы ни было мысли и делу, от которых современники большею частью отворачиваются», который «причисляется многими только к энтузиастам-мечтателям» [Бухарев 1865, с. III]. Однако ведь само христианство, под-

черкивает Бухарев, вначале казалось многим безумием, «только избранные, любящие истину до готовности жертвовать для нее собою, умели во *Христе распятом* (...) принимать вседержавную *Божью силу*» [Бухарев 1865, с. IV]. Согласно логике Бухарева, подтвержденной словами старца Зосимы, жить среди людей — более точное исполнение Христова завета, нежели замыкание себя в монастырской келье. «Выйти в мир — следовать за Христом», — писал он в своей вызвавшей столь бурную реакцию книге, ведь сидя в монастыре, «христианин тем самым подтверждает этот мир уже несправимою, отверженною областью греха» [Бухарев 1866, с. 52]. Идя из монастыря в мир, Бухарев утверждает личным примером возможность «раскрытия и применения духа и силы Христова снисхождения в мир и самопожертвования за этот грешный мир (...) должно по возможности не только словом, но и делом твердо выдерживать дух крестного самопожертвования Агнца Божия за мир, сколько бы чрез такое слово или дело ни усилился соблазн креста Христова в не хотящих знать истинной, живой силы этого креста» [Бухарев 1865, с. 344–345].

Продолжая эту мысль, Бухарев развивает идею «свободного соработничества Богу», и Алеша Карамазов своими словами и «деятельностью» органически выполняет эту задачу. Стремление практической поддержки Творения своими усилиями и добрыми делами на основе их сочетаемости с нравственным идеалом Христа находится в центре идеологии почвенничества, развиваемой Достоевским с известными соратниками в журнальной работе первой половины 1860-х гг., однако с еще большей силой сказалось в его романах 1870-х гг. — «Бесах», «Подростке» и «Братьях Карамазовых», — где сюжет о пути человека к Богу через многие мытарства, но не стесненный специальными догмами и ограничениями, раскрывается в полной силе. Бухарев подчеркивал, что новая Церковь, отказавшаяся от «фарисейства», «иудаизма» и «язычества», будет основана на «первоначальных основаниях, в своем живом духе — духе самой благодати и любви Христовой» [Бухарев 1861, с. 199]. Отвечая на упрёки Асоченского, что он еретик и богоотступник, Бухарев писал: «Я своею верою стою за единую Св. Церковь (...) именно как за благодатное тело Самого Христа или как за такую Его полноту, в которой Он наполняет все во всем Самим Собою, в силе Святого Своего Духа и по благоволению Своего Отца (Ефес. I, 22, 23)» [Бухарев 1866, с. 53]. Суммируя эти идеи, Бухарев писал: «...новозаветное человечество ведет к более и более существенному уразумению и усвоению своего света, с проведением его во все среды, не только духовно-церковные, но и гражданские, семейные, и физические, условиям которой подчинялся ради нас Спаситель» [Бухарев 1865, с. 23].

Сравнивая видимую им, возникающую на его глазах новую Православную церковь в конфликте с консервативным, охранительным православием, с противостоянием Нового и Ветхого Заветов две тысячи лет назад, Бухарев подчеркивал, что религиозный опыт в парадигме Ветхого Завета был безусловно полезен для принятия нового Слова: «возбужденное в учениках Христовых духовное рассуждение только давало им понять, что спасительная истина — не в букве притчей» [Бухарев 1861, с. 80]. Работая над романом «Бесы», Достоевский воспроизвел корневую идею христологии Бухарева, формируя образ Князя, христианина нового типа, который реагирует на реплики воспринимающих наследие Христа как некое «учение»: «А там и учения-то нет, там только случайные слова, а главное, образ Христа, из которого исходит всякое учение» [Достоевский, т. 11, с. 192–193]. Новое время, и по Бухареву, и по Достоевскому, естественным образом требует обновления внешних атрибутов Церкви, так как, объясняет архимандрит Феодор, Новый Завет есть Слово Божие, адаптированное к возможностям слушателей Христа, выросших в религиозной культуре Ветхого Завета, отягощенных старой парадигмой: «Вера учеников Христовых только еще вводилась в духовную область Нового Завета (...) следовательно, сама по себе не могла еще различать духовной существенности царства Христова от его образов» [Бухарев 1861, с. 92].

В своих тяжких размышлениях на эту тему Бухарев исходит из отказа в какой-либо основательности «любым претензиям на монопольное обладание истиной, именем которой называл Себя Христос». Это касается и вопроса о различии между верой и знанием: «...насколько кто честно трудится и успевает в области знаний, настолько он работает истине — Христу, хотя бы еще и не довольно узнал Его — как следует» [Бухарев 1865, с. 347; Дмитриев, с. 171]. Близость воззрений Бухарева и Достоевского в этом вопросе отмечена в научной литературе: «Особенно проницателен был его взгляд на творчество Достоевского, художественный мир и идейные убеждения которого, несомненно, близки мировоззренческим позициям богослова» — оба были проповедниками христианского возрождения России [Дмитриев, с. 189, 197]. Как и Достоевский, Бухарев ратовал за преодоление морально-го дуализма, когда верующий верит, только находясь в церкви, а в реальной жизни ведет себя как хищный и беспринципный обыватель; оба надеялись на построение христианской культуры, основанной на практическом применении заповедей Христа к каждой мысли и каждому поступку человека: «Ведь, в самом деле, невелика находка для христиан и, особенно, для духовенства — улучшить свой земной быт, но не поставив и этот быт сознательно под Христову благодать» [Бухарев 1866, с. 61]. Случайно ли Достоевского

так занимала картина Тициана «Динарий кесаря» (1516 г.), не вспоминали писатель при этом важнейший тезис практической христологии Бухарева: «...и в заботах о житейских потребностях, и в делах купли и продажи можно быть и действовать со Христом, нисходившим до наших естественных потребностей (...) все может быть поприщем для служения Христу, в Котором одно истина и спасение для всего» [Бухарев 1866, с. 62] — мысль, в которую он горячо верил, которая и является центром идеологии в «записках» старца Зосимы. Идеи Зосимы созвучны книге «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской» (1865), основная мысль которой — заполнение Духом Святым всего социально-культурного пространства человечества, начиная, разумеется, с России. Это, считал Бухарев, возможно и оправдано схождением Сына Божьего на Землю, для того чтобы сделать небесным все земное, научиться «благодатные начала» Христа применять к мирской жизни. Необходимым условием принятия Слова Христова, считал Бухарев, является духовная свобода, которой в реальности лишены верующие из-за сурового администрирования со стороны института Православной церкви. М. П. Погодин вспоминает, что подобное состояние верующих относительно Церкви Бухарев называл неприемлемым «жестким рабским направлением», вредным и для Церкви, и для страны в целом и осужденным «в самом слове Божиим, особенно чрез апостола языков Павла» [Погодин, с. 332].

Основные тезисы «завещания» старца Зосимы: лик Божий в цивилизованном человечестве грубо искажен, подчинить всего себя своей плоти — тяжелая ошибка современного человека, в мире угасает мысль о служении человечеству и идеалу братства, свобода без Бога обращается в рабство, мир Христа — любовь, ад — состояние, когда любовь невозможна, современные средства связи сами по себе не соединяют людей в братство, уединение в монастыре спасает уединившегося, в то время как задача иная — спасти ближнего своего, любви достойны все, и святые, и грешники, и животные, и растения, спасение земли Русской в иноках, связывающих в одно целое Божественный духовный мир и Божественный земной, нужна установка камня веры: «Камень, который отвергли зиждущие, стал главою угла» (Мф. 21: 42). Все эти мысли легко отыскиваются в творениях архимандрита Феодора, которые можно считать комментарием и развитием этих идей. Нельзя не заметить, что и идеологически, и по своей стилистике они чрезвычайно напоминают «записки» старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», а также некоторые статьи «Дневника писателя». Например, «приняв закон любви, придете к Христу же. Вот это-то и будет, может быть, второе пришествие Христово (...) все это случится, или по крайней мере начнет случаться при

нас. (...) Ждать смирения, то есть победить зло красотой моей любви и строгого образа воздержания и управления собою» [Достоевский, т. 24, с. 165]. Этот и другие подобные тексты написаны в стилистике отца Феодора. В целом и «почвеннический» роман «Братья Карамазовы», вместе с предшествовавшим ему «Дневником писателя» 1876—1877 гг., и книги Бухарева, призывавшие отказаться от администрирования религиозной жизни людей, были частью единого процесса — мощного подъема религиозно-философского движения в стране, участниками которого был и Н. Ф. Федоров, искавший Христову правду в земной материи, и Вл. С. Соловьев, который, как замечено, часто говорил бухаревским языком. По мнению Серебренникова, понять учение Бухарева о «деятельной любви Достоевский мог более, чем кто-либо: не только в беседах старца Зосимы данная, а и всей жизнью Достоевского выношенная правда о Христе jako нравственном начале, о вере как высшем знании, о принципе совинности и любви друг к другу (даже к пребывающему во грехе), о необходимости всенародного единения и устройства России — все это в работах Бухарева есть» [Серебренников, с. 8].

Учение Зосимы проникнуто идеями о прочной связи, которую необходимо установить между всем, что делает и о чем думает человек, с нравственно-онтологическим идеалом Христа. Эту идею ставил в центр своей деятельности Бухарев, считая ее спасительной для страны, которую ждут тяжелые времена, если общество не откажется от существующего ныне раскола, которое, верил философ, скоро приведет русское общество к ужасу «завистливого равенства» — царству несвободы. В этом пункте старец Зосима, устами которого тут говорит Достоевский, и Бухарев полностью сходятся: монастырь как место тотального действия слова Бога распространяется на весь мир Божий, тем самым будет преодолен раскол и начнется строительство подлинной, а не отстраненной от общественной жизни христианской культуры, утверждал Бухарев. Оба мыслителя, и Достоевский в своем почвенничестве, и Бухарев в своем требовании прямой христианизации каждого движения человека в общественной жизни, исходили из тезиса о реанимации задавленного «ложным направлением» внутреннего религиозного потенциала человека. Набрасывая тезисы учения Зосимы, Достоевский записывает эту бухаревскую идею: «Самообладание, самопобеждение, труд. Мы, монастыри, — образ того» [Достоевский, т. 15, с. 243]. Однако настоящий «монастырь» обновленного христианства образуют в романе «Братья Карамазовы» не Паисий и Ферапонт, но Зосима и Алеша Карамазов: «Монашество есть соревнование ангелам, которые посылаются и движутся Христовым человеколюбием на служение спасения людей на земле; потому монах, отрекаясь собственно от похоти плоти, похоти очес и гордости

житейской — от этих стихий растленности мирской, не отрекается от дела служения спасению людей в Мире» [Бухарев 1865, с. 28].

Важно отметить, что Алеша не принадлежит монастырю всецело, в романе не указано ни одной церковной службы, в которой он принял бы участие, весь его «монастырь» — это один только старец Зосима. Эта позиция, как мы увидим далее, существенно важная, была определена с самого начала работы над романом: «Жил в келье у старца, который был очень добр к нему. Алеша мог выходить из монастыря. Жил в келье и носил подрясник, по благослов(ению), не принадлежа, однако же, вовсе монастырю» [Достоевский, т. 15, с. 200]. В каком-то смысле не полностью принадлежит монастырю и старец Зосима, и это отношение к нему отмечает повествователь «Братьев Карамазовых», указывая, что наряду со всеми безмерно уважаемым старцем, осуществлявшим живую связь между монастырем и миром, были и непримиримые противники института старчества, ретрограды, люди «с коротеньким, нерушимым мировоззрением» [Достоевский, т. 14, с. 51]. Их представлениям о православии претил дух свободных бесед старца с прихожанами о самых обыденных вещах, тревожащих их ум и души. «Вот против этих-то братских „исповедей“ и восставали противники старчества, говоря, что это профанация исповеди как таинства, почти кощунство, хотя тут было совсем иное»; не чувствуя этого «иног», ревнители веры писали доносы начальству [Там же, с. 145]. В таком «старческом» ключе — в виде свободной беседы с верующими и неверующими — проводил свои богослужения и писал свои книги архимандрит Феодор, имевший множество поклонников и еще больше ретивых врагов, которым в конечном итоге удалось свести его в могилу.

Старец Зосима благословляет Алешу на подвиг во Христе «великого послушания в миру» [Там же, с. 71], примером которого для Достоевского являлись последние восемь лет жизни опального архимандрита Феодора. Погружение в мир в обоих случаях, и в жизни Бухарева, и в судьбе героя «Братьев Карамазовых», сопровождается принятием на себя всех его условий и правил, не случайно Алеша Карамазов объявляет Лизе Хохлаковой о намерении жениться на ней, спокойно и с улыбкой отражая ее реплику, что она «урод», и предлагая катать ее в инвалидном кресле. Бухарев женился вскоре после сложения сана и обрел «жену-помощницу», «чтобы и в браке следовать пути Христову» [Карпов, с. 665]. Наставление Зосимы о выходе из монастыря Алеша пересказывает Лизе Хохлаковой: «...как только умрет старец Зосима, сейчас должен буду выйти из монастыря. Затем я буду продолжать курс и сдам экзамен, а как придет законный срок, мы и женимся. Я вас буду любить. Хоть мне и некогда было еще думать, но я подумал, что

лучше вас жены не найду, а мне старец велит жениться...» [Достоевский, т. 14, с. 167]. Это, на первый взгляд, странное требование христианского подвижника, адресованное его ученику, может восприниматься как парадокс, если не принимать во внимание, что здесь скрыта аллюзия на жизненный путь Бухарева, фигура которого маячит за спиной старца Зосимы как автора «записок», в роли источника идеологии «старчества» как примирения Церкви и мира, а также и сюжетной линии Зосимы — Алеши в романе Достоевского: решение жениться с целью максимально полного погружения в мир было принято Бухаревым немедленно после расстрижения из монашества.

Достоевский повторил этот мотив в сюжете своего романа. Потеряв единственную свою связь с Церковью, олицетворенную Зосимой, Алеша Карамазов также покидает скит. Позже В. Розанов называл поступок архимандрита великим историческим подвигом. Этот мотив встречается и у П. Я. Чаадаева, он заявлял о том, что Россия призвана «обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого (...) таков будет логический результат нашего долгого одиночества: все великое приходило из пустыни» [Чаадаев, с. 239]. Это еще один отблеск темы монаха, который выносит из монастыря в мир духовный опыт для распространения среди людей. Личность отца Феодора не могла не понравиться Достоевскому, всю жизнь с любовью искавшего «донкихотов» вокруг себя. Особенностью образа жизни этого человека была не только проповедь близких Достоевскому взглядов, но и полное соответствие того, о чем он писал в своих богословских сочинениях, с тем, как он практически выстраивал свою жизнь. Он был автором концепции «нового религиозного сознания», своего рода христианского персонализма, во многих чертах совпадавшего с почвенничеством Достоевского, оказавшего глубокое влияние на людей, окружавших писателя, в частности Вл. С. Соловьева, А. А. Григорьева.

Таким образом, выход Бухарева из монастыря, повторенный Алешей Карамазовым, вовсе не итог отхода от Церкви Христовой, но, напротив, точное исполнение Завета. В беседах старца Зосимы получила адекватное отражение христология Бухарева: «Свет Христов, светящийся и во тьме внецерковной, я признаю собственностью этой же полноты Христовой — Св. Церкви, как *свет православия, простирающийся на всевозможные среды*» [Бухарев 1866, с. 47], при этом «внешним храмом» оказывается весь мир, но не какие-то конкретные здания. «Книга моя, — пишет Бухарев, — говорит прямо о *Божием храме, находясь в котором на небеси стояти мним, по выражению церковной песни*» [Бухарев 1866, с. 48]. О христологических взглядах Бухарева существуют весьма содержательные работы [Знаменский 1891; 1896; 1902], что избавляет нас от необходимости

дальнейшего углубления в этот предмет; для наших целей важно отметить равновеликое отталкивание бухаревской теории и от лжи фарисейства, и от лжи материализма — любых идеологем, отдаляющих человеческую мысль от Нового Завета. Два основных позитивных пункта его мировоззрения — воплощение Христа и совершение Им искупления человечества, что требует не только уважения и почитания со стороны христианина, но и следования по жизни путем жертвенного дела, пример которого указан свыше. Жизнь и писания Бухарева полностью и без всяких оговорок соответствуют выдвинутому им требованиям; заметим, что примерно такова же оценка Алеши Карамазова со стороны других персонажей романа, как «ангела во плоти» [Достоевский, т. 14, с. 24, 25, 97, 100, 130–131, 176–177, 178 и др.]. Заметим, что у Бухарева в довольно большом кругу сочувствовавших ему служителей Церкви и мирян сложилась репутация «ангела, сошедшего на землю»: «укреплялась легенда, что о. Феодор, подобно Агнцу Божьему, принял мир в свои объятия и пожертвовал собою ради общего спасения» [Серебренников, с. 13]. Не оценивая это сравнение, хромающее, как и любые другие, заметим, что одно свойство ангела у отца Феодора, равно как и у главного героя «Братьев Карамазовых», было точно: безраздельная и безусловная принадлежность Христу. Этот принцип строго выдерживал в своей жизни и писаниях Бухарев, это же мы видим и в романе «Братья Карамазовы». Алеша, падая на землю в религиозном экстазе [Достоевский, т. 14, с. 327–328], переживает искреннее религиозное вдохновение, соприкасаясь с «мирами иными», повторяя тем самым действие Иисуса Христа, когда Он молился в Гефсиманском саду, «пав на землю», — любимый и многократно комментируемый Бухаревым эпизод Евангелия, которому богослов придавал важное символическое значение. Ранее мысль о важности такого мистического акта формулирует в «Братьях Карамазовых» старец Зосима [Там же, с. 285].

Как позже и главный герой романа «Братья Карамазовы», Бухарев вступил в монастырь и вышел из него, руководствуясь одним и тем же мотивом: как лучше применить свою жизнь на благо человечества и в угоду Богу. Для обоих — и для опального архимандрита, и для героя романа Достоевского — монашество само по себе не имело никакой специальной ценности, но было лишь средством обретения опыта и знаний, которые затем можно применить в миру, среди людей, в стремлении тем самым «поработать Богу» и принести пользу Провидению в осуществлении своей «деятельности», ради которой, согласно их уверенности, они рождены на свет. Этот момент в жизни Бухарева тонко подметил Г. Флоровский, который писал, что с самых первых проблесков самосознания Бухарев был «схвачен волей к действию,

у него была неодолимая потребность строить новый мир и новую жизнь»; и уход в монахи, и выход из Церкви были его подвигом во славу Христа [Флоровский, с. 438—439, 442], реализацией жертвенного Ему служения.

В поминальном богослужении Алеши у «Илюшина камня» на практическом уровне подтверждается и иллюстрируется тезис Бухарева о том, что молиться и служить Богу можно в любой точке Земли, качество молитвы и богослужения зависят исключительно от искренности веры и никак не связано с топографией: «Пред Отцом Небесным, как пред чистейшим и любвеобильнейшим Духом, благоугодно не такое богослужение и поклонение, которое основывает свою важность только на выборе внешнего места (...) но поклонение самым сердцем и умом, поклонение в духе живой веры в Божию во Христе любовь, в духе и силе Божией благодати. И наступает время, и уже наступило, когда взамен законного, мертвого уже богопоклонения откроется это новоблагодатное служение Богу духом и истиною, искреннею духовною верою, с которою будут открытым пред Отцом Небесным сердцем взирать на открытую Его благодать в Сыне Его (...) усыновления или приведения всех людей к Отцу» [Бухарев 1861, с. 61—62]. Мир проникнут Божественной волей и правдой, считал Бухарев, и эта мысль становится центральной в писаниях старца Зосимы, где также мир в целом понимается как храм Господень. Как и архимандрит Феодор, Алеша Карамазов преодолевает секуляризм изнутри его существа, погружаясь в мир и действуя в нем как «сорботник Богу» в пределах вещественного мира, который также есть мир Божий. В эту идею органически входят «деятельность» Алеши Карамазова, писания Зосимы, богословие архимандрита Феодора и его подвиг выхода в мир для полного осуществления его намерения следовать по пути Христа.

Литература

- Антология — Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 832 с.
- Аскольдов — Аскольдов С. Религиозно-этическое значение Достоевского // Ф. М. Достоевский, 1881 — 100 — 1981. London: Overseas Publ. Interchange, 1981. С. 31—59.
- Бердяев — Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
- Битюгова — Битюгова И. А. К восприятию Достоевского на грани XIX—XX веков: (Забывтый фельетон А. С. Суворина) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 175—190.
- Блинова — Блинова Е. О. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и синодальная цензура // Филология: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 107—111.
- Булгаков — Булгаков С. Н. На пиру богов: Pro и contra: Современные диалоги // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 564—626.

- Бухарев 1860 — *Бухарев А. М.* О православии в отношении к современности, в разных статьях архимандрита Феодора. СПб.: Странник, 1860. 334 с.
- Бухарев 1861 — *Бухарев А. М.* О Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа. СПб.: [б. и.], 1861. 203 с.
- Бухарев 1865 — *Бухарев А. М.* О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской: Собрание разных статей А. М. Бухарева. М.: Изд. книгопродавца Манухина, 1865. 634 с.
- Бухарев 1866 — *Бухарев А. М.* Моя апология: По поводу критических отзывов о книге «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской». М.: Изд. книгопродавца Манухина, 1866. 78 с.
- Бухарев 1875 — *Бухарев А. М.* Мой герой: Автобиография в трех частях // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 21–32.
- Бухарев 1916 — *Бухарев А. М.* Исследования Апокалипсиса. Сергиев Посад: Изд. редакции «Богословского вестника», 1916. 649 с.
- Бухарев 1917 — *Бухарев А. М.* Письма архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева) к казанским друзьям: В. В. Любимовой, А. И. Дубровиной и протоиерею В. В. Лаврскому / Изд. и пояснил примеч. свящ. Павел Флоренский. [Отт. из «Богословского вестника» за 1917 г.]. Сергиев Посад, 1917. 136 с.
- Гиляров-Платонов — *Гиляров-Платонов Н. П.* [А. М. Бухарев: Некролог] // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 311–315.
- Григорьев — *Григорьев А. А.* Оппозиция застоя: Черты из истории мракобесия // Время. 1861. № 5. С. 1–35.
- Дмитриев — *Дмитриев А. П.* А. М. Бухарев (архимандрит Феодор) как литературный критик // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1996. Т. 2. С. 160–201.
- Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Егоров — *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана: История русской литературы и культуры: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2018. 273 с.
- Загоскин — *Загоскин А. Н.* О недостатках сочинения «О православии в отношении к современности». СПб.: Тип. Э. Веймара, 1860. 14 с.
- Знаменский 1891 — *Знаменский П.* История Казанской Духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. Вып. 1. [4], X, 380, [1] с.; 1892. Вып. 2. [4], IV, 592, [1] с.; Вып. 3. [4], IV, 466, [1] с.
- Знаменский 1896 — *Знаменский П.* Печальное двадцатипятилетие. Казань, 1896. 32 с. (Православный собеседник).
- Знаменский 1902 — *Знаменский П.* Богословская полемика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. 102 с.
- Знаменский 1906 — *Знаменский П.* Вместо введения. О жизни и трудах Александра Матвеевича (архимандрита Феодора) Бухарева // Архимандрит Феодор (Бухарев А. М.). О православии в отношении к современности. 2-е изд. СПб.: Синод. тип., 1906. С. V–XXVIII.
- Карпов — *Карпов А. Ф.* А. М. Бухарев (архимандрит Феодор) // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 645–677.

- Кийко — *Кийко Е. И.* [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 411–447.
- Лаврский — *Лаврский В. В.* Мои воспоминания об архимандрите Феодоре // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 139–283.
- Лебедев — Орывок из романа «Братья Карамазовы» перед судом цензуры / Публ. В. К. Лебедева // Русская литература. 1970. № 2. С. 123–125.
- Леонтьев — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.]. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. 9: Статьи и рецензии 1860–1890 гг. 979 с.
- Неизвестная Оптина — Неизвестная Оптина / Сост. и вступ. ст. аноним. авт. СПб.: Знамение, 1998. 557 с.
- Нечаева — *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864–1865. М.: Наука, 1975. 301 с.
- Победоносцев — *Победоносцев К. П.* Духовная литература и церковная проповедь // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 522–525.
- Погодин — *Погодин М. П.* Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 330–338.
- Радость моя — «Радость моя...»: Книга о преподобном Серафиме, Саровском чудотворце: Житие, чудеса, духовные наставления. М.: Трифонов Печенгский монастырь; Ковчег, 2003. 655 с.
- Розанов — *Розанов В. В.* Аскоченский и архимандрит Феодор Бухарев // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) о духовных потребностях жизни. М.: Столица, 1991. С. 24–37.
- Серебренников — *Серебренников Н. В.* Архимандрит и отделение критики // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 7–15.
- Соловьев — *Соловьев Н. И.* Консисторский суд над А. М. Бухаревым // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 297–307.
- Тареев — *Тареев М. М.* Архим(андрит) Феодор Бухарев // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 560–578.
- Тертышников — [Тертышников Г., архим.] Архимандрит Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры: Жизнеописание. Сергиев Посад: Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1990. 144 с.
- Фатеев — *Фатеев В. А.* Бухарев Александр Матвеевич (в монашестве Феодор) // Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. 6. С. 398–401.
- Филиппов — *Филиппов Б.* Не мир, но меч // Ф. М. Достоевский, 1881 — 100 — 1981. London: Overseas Publ. Interchange, 1981. С. 9–30.
- Флоровский — *Флоровский Г.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 849 с.
- Фридлендер — *Фридлендер Г. М.* [Примечания. § 1] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 399–401.

Чаадаев — *Чаадаев П. Я.* Философические письма, адресованные даме. М.: Рипол-Классик, 2017. 554 с.

References

- Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra: Antologiya* (1997). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. 832 p.
- Askol'dov, S. (1981). 'Religiozno-ehlichesкое znachenie Dostoevskogo', in: *F. M. Dostoevskii. 1881 — 100 — 1987*. London: Overseas Publ. Interchange, 31–59.
- Berdyayev, N. (2008). *Russkaya ideya*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. 320 p.
- Bituyugova, I. A. (2000). 'K vospriyatiyu Dostoevskogo na grani XIX–XX vekov (Zabytyj feleton A. S. Suvorina)', in: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 15, 175–190.
- Blinova, E. O. (2014). 'Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" i sinodal'naya tsenzura', *Filologiya. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2 (2), 107–111.
- Bukharev, A. M. (1916). *Issledovaniya Apokalipsisa*. Sergiev Posad: Izdanie redaktsii "Bogoslavskogo vestnika". 649 p.
- Bukharev, A. M. (1997). 'Moi geroi. Avtobiografiya v trekh chastyakh', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 21–32.
- Bukharev, A. M. (1866). *Moya apologiya. Po povodu kriticheskikh otzyvov o knige "O sovremennykh dukhovnykh potrebnostyakh mysli i zhizni, osobenno russkoi"*. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa Manukhina. 78 p.
- Bukharev, A. M. (1861). *O Novom Zavete Gospoda nashego Iisusa Khrista*. Saint Petersburg: [s. n.]. 203 p.
- Bukharev, A. M. (1860). *O pravoslavii v otnoshenii k sovremennosti, v raznykh stat'yakh arkhimandrita Feodora*. Saint Petersburg: Strannik. 334 p.
- Bukharev, A. M. (1865). *O sovremennykh dukhovnykh potrebnostyakh mysli i zhizni, osobenno russkoi. Sobranie raznykh statei A. M. Bukhareva*. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa Manukhina. 634 p.
- Bukharev, A. M. (1917). *Pis'ma arkhimandrita Feodora (Aleksandra Matveevicha Bukhareva) k kazanskim druž'yam: V. V. Lyubimovoi, A. I. Dubrovinoi i protoiereyu V. V. Lavrskomu*. P. Florenskii, svyashchennik, ed. Sergiev Posad: Izdanie redaktsii "Bogoslavskogo vestnika". 136 p.
- Bulgakov, S. N. (1993). 'Na piru bogov. Pro i contra. Sovremennye dialogi', in: Bulgakov, S. N. *Sochineniya*. 2 vols. Moscow: Nauka. Vol. 2, 564–626.
- Chaadaev, P. Ya. (2017). *Filosoficheskie pis'ma, adresovannye dame*. Moscow: Rpol-Klassik. 554 p.
- Dmitriev, A. P. (1996). 'A. M. Bukharev (arkhimandrit Feodor) kak literaturnyi kritik', in: *Khristianstvo i russkaya literatura*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 2, 160–201.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka.
- Egorov, B. F. (2018). *Ot Khomyakova do Lotmana. Istoriya russkoi literatury i kul'tury*. Moscow: Yurait. 273 p.
- Fateev, V. A. (2003). 'Bukharev Aleksandr Matveevich (v monashestve Feodor)', in: *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya ehntsiklopediya". Vol. 6, 398–401.

- Filippov, B. (1981). 'Ne mir, no mech', in: *F. M. Dostoevskii. 1881 — 100 — 1981*. London: Overseas Publ. Interchange, 9–30.
- Florovskii, G. (2009). *Puti russkogo bogosloviya*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 849 p.
- Fridlender, G. M. (1976). '[Primechaniya. § 1]', in: Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka. Vol. 15, 399–401.
- [Gilyarov-Platonov, N. P.] (1997). '[A. M. Bukharev. Nekrolog]', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 311–315.
- Grigor'ev, A. A. (1861). 'Oppozitsiya zastoya. Cherty iz istorii mrakobesiya', *Vremya*, 5, 1–35.
- Karpov, A. F. (1997). 'A. M. Bukharev (arkhimandrit Feodor)', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 645–677.
- Kiiko, E. I. (1976). '[Primechaniya]', in: Dostoevskii, F. M. *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka. Vol. 15, 411–447.
- Lavrskii, V. V. (1997). 'Moi vospominaniya ob arkhimandrite Feodore', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 139–283.
- V. K. Lebedev, ed. (1970). 'Otryvok iz romana "Brat'ya Karamazovy" pered sudom tsenzury', *Russkaya literatura*, 2, 123–125.
- Leont'ev, K. N. (2014). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 9. Stat'i i retsenzii 1860–1890 godov. 976 p.
- Nechaeva, V. S. (1975). *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha". 1864–1865*. Moscow: Nauka. 301 p.
- Neizvestnaya Optina (1998). Saint Petersburg: Znamenie. 557 p.
- Pobedonostsev, K. P. (1997). 'Dukhovnaya literatura i tserkovnaya propoved', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 522–525.
- Pogodin, M. P. (1997). 'Vospominanie ob Aleksandre Matveeviche Bukhareve', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 330–338.
- "Radost' moye...". *Kniga o prepodobnom Serafime, Sarovskom chudotvortse. Zhitie, chudes, dukhovnye nastavleniya* (2003). Moscow: Trifonov Pechengskii monastyr'; Kovcheg. 655 p.
- Rozanov, V. V. (1991). 'Askochenskii i arkhimandrit Feodor Bukharev', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev) o dukhovnykh potrebnostyakh zhizni*. Moscow: Stolitsa, 24–37.
- Serebrennikov, N. V. (1997). 'Arkhimandrit i otdelenie kritiki', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 7–15.
- Solov'ev, N. I. (1997). 'Konsistorskii sud nad A. M. Bukharevyim', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 297–307.
- Tareev, M. M. (1997). 'Arkhim(andrit) Feodor Bukharev', in: *Arkhimandrit Feodor (A. M. Bukharev): Pro et contra. Antologiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 560–578.
- [Tertyshnikov, G., arkhim.] (1990). *Arkhimandrit Antonii (Medvedev), namestnik Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry. Zhizneopisanie*. Sergiev Posad: Izdanie Troitse-Sergievoi lavry. 144 p.

- Zagoskin, A. N. (1860). *O nedostatkakh sochineniya "O pravoslavii v otnoshenii k sovremennosti"*. Saint Petersburg: Tipografiya E. Veimara. 14 p.
- Znamenskii, P. (1902). *Bogoslovskaya polemika 1860-kh godov ob otnoshenii pravoslaviya k sovremennoi zhizni*. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta. 102 p.
- Znamenskii, P. (1891–1892). *Istoriya Kazanskoi Dukhovnoi akademii za pervyi (doreformennyi) period ee sushchestvovaniya (1842–1870)*. Vol. 1–3. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta.
- Znamenskii, P. (1896). *Pechal'noe dvadtsatipyatiletie*. Kazan': Pravoslavnyi sobesednik. 32 p.
- Znamenskii, P. (1906). 'Vместо введения. О жизни и трудах Александра Матвеевича (архимандрита Феодора) Бухарева', in: Архимандрит Феодор (Бухарев, А. М.). *О православии в отношении к современности*. 2nd ed. Saint Petersburg: Sino-dal'naya tipografiya, V–XXVIII.

В. А. Фатеев

ДВА ЛИКА «ЦИНИЧЕСКОГО РЕАЛИСТА» В. П. БУРЕНИНА

Резюме

Статья посвящена исследованию личности и критических воззрений В. П. Буренина (1841–1926), фельетониста, сатирика и пародиста второй половины XIX и начала XX в. Отмечается, что в творческом наследии этого сатирика с репутацией бульварного и к тому же реакционного критика имеется и немалое количество серьезных критических этюдов, которые до сих пор изучены недостаточно. Начиная Буренин свою деятельность в оппозиционных изданиях, преимущественно в «Санкт-Петербургских ведомостях», уже тогда печатно декларируя свой метод «цинического реализма». Репутация циничного бульварного журналиста, не брезгующего переходом на личности, окончательно сложилась у Буренина в период сотрудничества в популярной консервативной газете «Новое время» (1875–1917), издававшейся А. С. Сувориным при активном участии Буренина. Этот период творчества отмечен существенным отходом от прежних либеральных взглядов, в результате чего творческий портрет Буренина обретает двойственные черты. Ярким примером радикального изменения воззрений Буренина стали противоположные оценки нововременским критиком творчества Н. Н. Страхова. Если в 1860-е гг. сатирик-нигилист низвергал на консервативного критика свои насмешливые фельетоны, воспринимая его как идейного противника, то в 1880-е и 1890-е гг. он активно выступал в защиту критика-почвенника, сам находясь отчасти под влиянием идеологии почвенничества и разделяя симпатии Страхова к Л. Н. Толстому. Приводятся отзывы писателей и исследователей, показывающие, что обширное творчество Буренина заслуживает более тщательного изучения с целью выявления в его разнообразном и порой контрастном творческом наследии наиболее удачных и глубоких работ, характеризующих его как талантливого литературного критика.

Ключевые слова: В. П. Буренин, Н. Н. Страхов, Л. Н. Толстой, В. В. Розанов, А. С. Суворин, «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время», «цинический реализм», бульварная пресса, критический очерк, почвенничество

TWO GUISES OF THE "CYNICAL REALIST" VICTOR BURENIN

Abstract

This article is devoted to the study of the personality and critical works of Victor P. Burenin (1841–1926), a journalist of the late 19th and early 20th centuries. It is stated that the legacy of this satirist with the reputation of a gutter press and reactionary journalist also contains a large number of serious critical essays, which, however, have not been adequately explored so far. Burenin began his career working for oppositional editions, mainly the *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, publicly declaring his method of "cynical realism". His reputation of a cynical gutter press journalist finally took shape in the popular, more conservative newspaper *Novoye Vremya* (1875–1917), edited by Alexey Suvorin in close cooperation with Burenin. This period was marked by Burenin's departure from liberal views, which added a different quality to his portrait as an author. The radical change of Burenin's opinions can be vividly illustrated by his practically opposite attitude to the writings of the critic Nikolay Strakhov in the *Novoye Vremya* period. Whereas in the 1860s the nihilist satirist published sharp feuilletons against this conservative critic, in the 1880s and 1890s Burenin actively defended him. At that time he himself was partly under the influence of the Native Soil movement ideology and shared Strakhov's sympathy for Leo Tolstoy. The article also presents opinions of some writers and researchers who suggest that Burenin's vast creative heritage is worthy of a more thorough investigation in order to reveal his most successful and profound works that characterize him as a talented literary critic.

Keywords: Victor P. Burenin, Nikolay N. Strakhov, Leo Tolstoy, Alexey S. Suvorin, Vasily V. Rozanov, newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, newspaper *Novoye Vremya*, "cynical realism", gutter press journalism, critical essay, Native Soil movement

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-36-58

Нововременский сатирик Виктор Петрович Буренин — чрезвычайно яркая и при этом почти гротескная историческая личность. В литературном мире предреволюционной России его репутация была одной из самых скандальных. Получив за публичные насмешки и издевательства прозвище Терсит по имени язвительного персонажа поэмы Гомера «Илиада», бранящийся Буренин олицетворял собой один из тех вечных общечеловеческих типов, наподобие рефлектирующего Гамлета, мечтательного борца с ветряными мельницами Дон Кихота или искателя философского камня Фауста, которые существуют издревле в народных представлениях и никогда не переводятся.

Одиозная известность Буренина сложилась довольно рано и, что характерно, намного превосходит знакомство общества с его обширным

творческим наследием. Первое сочинение Буренина было опубликовано в «Колоколе» Герцена, а с 1862 г. он печатался в различных оппозиционных изданиях, преимущественно в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Буренин был при всем своем типичном радикализме необычным литератором. Своеобразие Буренина было уже в том, что каким бы отъявленным нигилистом этот сатирик ни предстал перед публикой, он не был лишь беззаботным пересмешником и вкладывал в свои фельетоны определенные, пусть и несколько странные, воспитательные идеи. При этом он не только не скрывал своего цинизма, но и в 1872 г., вдохновленный романами Золя, даже придумал свой особенный метод, который назвал «циническим реализмом». Буренин обосновал необходимость такого «цинического метода» торжеством цинизма в современном обществе и необходимостью борьбы с ним. Он писал: «Я выскажу сейчас мнение, которым рискую возмутить многих критиков не только эстетического, но даже „гражданского“ лагеря, которое с первого раза может показаться парадоксом, но которое, тем не менее, вовсе не так парадоксально в своей сущности. Я утверждаю, читатель, что искусство в его современном направлении должно стремиться и необходимо стремиться к циническому реализму, что это стремление есть новый шаг от реализма эстетического, господствовавшего до сих пор и уже совершившего свой круг» [Буренин 1872, с. 1].

Находя, что «наше время есть по преимуществу время поругания всяких „высших идей“ в политике, в философии, в морали», время поклонения грубым инстинктам и силам, торжества цинизма, Буренин опирается на трюизм, что и искусство этого времени, которое является отражением жизни, должно быть проникнуто цинизмом: «Если это искусство желает в самом деле быть серьезным, если оно хочет отражать в себе „веяния“ современной жизни, оно по необходимости должно быть циничным. Дело всё только в том, чтоб этот цинизм был не развращающего, а *отвращающего свойства*». И уточняет: «У сатиры иная цель: она желает возбудить отвращение правдивым изображением гадкого факта» [Буренин 1872, с. 1].

Таким образом, Буренин ощущал себя своего рода целителем общественной жизни, чистильщиком межличностных отношений, полезным хищником вроде санитаря леса волка, причем с самого начала выступая обычно как независимый литератор по собственному усмотрению против как псевдолибералов, так и псевдоохранителей. При этом в первое десятилетие он активно выступал на стороне революционного движения, защищая принципы освободительной демократии и обличая силы «реакции».

* * *

Особенность творческой манеры Буренина состояла в том, что хотя в ранний период он идейно принадлежал к революционно-демократическому направлению, в своей публицистической деятельности он, печатаясь преимущественно под псевдонимами из-за преследования цензуры, руководствовался не только партийными, но и собственными предпочтениями, словно потешаясь над своими жертвами, хотя и вел активную борьбу с противодействующими направлениями общественной жизни.

С начала 1860-х гг. Буренин выступал с сатирическими произведениями, обличающими идейных противников оппозиции, и к главным объектам резких нападок принадлежал почвеннический журнал «Время» братьев Достоевских. Например, установлено, что стихотворный фельетон «Ванна из „Почвы“, или Галлюцинации М. М. Достоевского. Фантастическая сцена», напечатанный в № 7 «Искры» за 1863 г., был написан Бурениным.

Но еще больше активизировался «шестидесятник» Буренин в своей сатирической борьбе с «реакцией» к концу нигилистического десятилетия, когда от «Санкт-Петербургских ведомостей», где он вел тогда журнальное обозрение под псевдонимом, изрядно претерпел еще один почвеннический журнал, «Заря», редактором которого выступал Н. Н. Страхов.

Сразу после выхода первого номера «Зари» в 1869 г. Буренин начал атаковать своими насмешливыми заметками «ретроградный» журнал, не находя в нем достоинств: и внешний вид сер, и стихи в нем плохи, и беллетристика (роман Писемского «Люди сороковых годов») не лучше. А во второй месяц своего существования, в феврале 1869 г., журнал «Заря» пережил крайне неприятные минуты: присланное в журнал и напечатанное редакцией стихотворение «Дикарка» за подписью Аф. Фета оказалось фальшивкой. Более того, эта пародия на Фета была еще и акростихом: первые буквы стихотворения составляли фразу: «ЗОРЯ КАШПИРЕВА УМИРАЕТ». Никто в содеянном не признался, но уже на следующий день после выхода журнала в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась издевательская статья обозревателя журналов под псевдонимом Z., под которым скрывался Буренин, по поводу «курьезного акростиха» и плохого вкуса редакции «Зари», не умеющей отличить подделку от настоящего Фета. Само собой, все предполагали, что проделка с ехидным акростихом «псевдо-Фета» была в духе Буренина, но общественное возмущение некрасивым поступком было так сильно, что автор дерзкой шутки не решился признаться в содеянном.

Буренин и дальше не оставлял журнал Страхова в покое. Он неустанно из месяца в месяц всячески высмеивал идейных противников, прибегая,

помимо прямых насмешек, к замалчиваниям и сознательным искажениям. Сатирические приемы Буренина были часто однотипными. Например, Буренин изображал, будто Н. Н. Страхов, редактор и основной критик журнала, написал искусную *пародию* на роман Толстого «Война и мир». Под видом похвалы этому якобы фельетону Буренин, приводя подлинные цитаты из известной статьи Страхова, впервые вознесшей гениальный роман Толстого на подобающую ему высоту, и перемешивая их со своими псевдообъяснениями, высмеивал претензии писателя на величие. Z. писал: «Было бы слишком долго следить в подробности за прекрасной критикой-пародией г. Страхова, и потому я отказываюсь от этого занятия. Скажу только одно: (...) он, под видом восхваления и превознесения гр. Толстого, роняет его беспрестанно во мнении читателей, этим остроумным приемом забавляясь над эстетической критикой. У г. Толстого, например, какую-то особенную роль носителя какого-то особенного русского духа играет солдатик Каратаев, чрез сообщение с коим таинственно „обновляется“ Пьер Безухий...» [Буренин 1870, с. 1]. Сатирик долго продолжал вышучивать автора, исказить содержание и мистифицировать читателя в том же вкусе и завершил едкий фельетон такими словами: «Как видят читатели, г. Страхов выдержал шутку до конца: восторженный сумбур и сумбурная восторженность достигают своего предела в его статье. Так именно пишут исключительно эстетические критики, так они должны писать. Более злая и удачная пародия едва ли возможна» [Там же, с. 2].

Подобного рода издевательства над журналом Бурениным было опубликовано немало. Но, как известно, статья Страхова о «Войне и мире», не говоря уже о самом романе, получила широкое признание, и никакой Буренин не мог помешать этому закономерному успеху и тем более опорочить сам роман. Однако Буренин и в дальнейшем продолжал писать о «Заре» в таком же полушутливом, полуиздевательском тоне, то иронизируя над серенькими по виду и тощими по содержанию книжками журнала, то жалуясь на скуку из-за тянущегося из номера в номер ученого трактата Данилевского или представляя однозными и высмеивая заявления авторов почвенного направления о «гниении Запада» и самобытности России.

В 1870 г. Страхов опубликовал в «Заре» еще одну блестящую статью, «Вздых на гробе Карамзина», в которой, защищая историка и писателя от упреков в консерватизме, он в пух и прах разделал либерального публициста А. Н. Пыпина, автора крайне сомнительного по своей тенденциозности, но весьма широко разошедшегося позже термина «официальная народность». Буренин же в своем язвительном разборе этой яркой и остроумной статьи Страхова снова использовал тот же прием, что и год назад: он сделал вид,

будто Страхов придает высокое значение Карамзину опять-таки только в шутку.

Страхов узрел в самой манере Буренина упадок современной журналистики. Он возмущался, что Буренин почти вовсе не рассуждает и не излагает ни своих, ни чужих мыслей, а только «коварствует», и предрекал, что когда-нибудь его неизбежно постигнет кара небесная. Наконец, не выдержав издевательств злого шутника из «С.-Петербургских ведомостей», Страхов ответил ему в «Заре» остроумной статьей «Новый вздох на гробе Карамзина» [Страхов, с. 231–242], с тонкой иронией развенчав те запрещенные в приличной литературе приемы высмеивания, умолчания и искажения, к которым прибегал сатирик.

Страхов отметил, что хотя на таком язвительном устройении творческого мира сатирика, конечно, сказались своеобразные полемические нравы нигилистического времени, но прежде всего они обусловлены именно особым складом его собственного природного таланта: «Для меня не может быть сомнения, что ум его от самой природы наклонен к некоторому извращению вещей и понятий. Иначе, поверьте, и быть не может. Сообразите только эти бесчисленные фальши, эти непрерывные и многолетние обезображения всяких чужих мыслей и слов, и подумайте, возможно ли это делать нарочно, умышленно, сознательно? Нет, я не верю в такую испорченность человеческой природы; ради чести г. Буренина я не думаю даже, чтобы он обладал такою силою воли, такую страшную способность насиловать самого себя. Заставьте человека правдивого лгать, человека, ясно понимающего вещи, — путать и напускать туман, человека откровенного и прямодушного — притворяться, и вы увидите, как трудно и почти невозможно это сделать. Целые годы идти против внушения своей природы — да ведь это героизм, ведь это мука и каторга. Поверьте, милостивый государь, что дела легче делаются на свете. Ложь, глупость, ябеда, всякого рода фальшь и обман зарождаются просто и естественно, без усилий и дальних расчетов. Случалось ли вам слышать хорошего лгуна? Для него ложь не только не труд, а приятнейшее дело, наслаждение, поэзия; ложью он живет и только когда лжет, чувствует себя в своей стихии» [Страхов, с. 237].

Страхов утверждал, что Буренин по-своему искренен и даже получает удовлетворение от своих искажений и глумлений: «Для меня ясно, что он производит свои искажения и умолчания с любовью, со вкусом, следуя внутреннейшему влечению своей природы; следовательно, он действует не без прямодушия, не без искренности. Одаренный большими способностями к искажению, он увлекается ими, и я уверен, он никогда сам хорошенько не может сказать, насколько он сфальшивил и насколько остался верен правде. Здесь

всё правда, и если есть некоторое преувеличение, то совсем незначительное» [Там же].

Можно было бы долго продолжать этот рассказ о нигилистических проделках шутника-обличителя из «Санкт-Петербургских ведомостей» над «Зарей», но для этого нет ни места, ни особого интереса, тем более что Страхов фельетониста больше своими ответами не утомлял.

Надо признать, что фельетоны и пародии Буренина при всей примитивности и грубости приемов были довольно бойкими, читались легко и пользовались успехом у определенной публики. Буренин *кусал* больно, и поэтому широкое хождение имела, например, остроумная эпиграмма Д. Д. Минаева о собаке на Невском, которая опасается, как бы ее не укусил Буренин.

Хотя сатирические опусы Буренина и не воспринимали как высокую литературу, а справедливо относили к бульварной журналистике, благодаря безжалостному методу «цинического реализма» он часто обличал реальные недостатки и пороки общества и отдельных личностей, порой не взирая на идейное направление и социальное положение своих жертв, и у него рано начала складываться репутация неприятного, но значительного писателя.

* * *

После длительной полемики с известным либералом Н. К. Михайловским в 1872 г. Буренин разорвал с «Отечественными записками», а вскоре его перестали печатать и в «Санкт-Петербургских ведомостях».

В 1875 г. Буренин получил от А. С. Суворина приглашение печататься в «Новом времени», и он сотрудничал в этой влиятельной газете до ее закрытия после революции 1917 г.

Историки литературы справедливо отмечают, что Суворин с Бурениным произвели в русской журналистике настоящую жанровую революцию. Они начали ее еще в пору сотрудничества в «Санкт-Петербургских ведомостях», но успешно осуществили именно в «Новом времени», завоевавшем при Суворине и Буренине чрезвычайную популярность. Фельетон стал в газете основной литературной формой, главной приманкой для непритязательных читателей. Потакая обывательским вкусам, «Новое время» не являлось ни казенным, ни оппозиционным изданием и импонировало читателям своей независимостью. Самостоятельность мышления, ставшая отличительной чертой «Нового времени» и основной причиной успеха, состояла в том, что, отказавшись от прямого морализаторства, газета при демонстративной обывательщине и внешнем соглашательстве (отсюда «чего изволите?») предлагала чрезвычайно богатый и разнообразный литературный материал на разные вкусы читателей — от самых грубых фельетонов для мещан до

утонченных философских бесед для интеллектуалов. «Новое время» позволяло себе критиковать или вышучивать неугодных ему представителей как либеральных, так и консервативных кругов. Острые фельетоны и рецензии Буренина составляли в газете если и не слишком изысканное блюдо, то, несомненно, острую приправу.

Эта газета была явно консервативнее «Санкт-Петербургских ведомостей», хотя Буренин и в ней по-прежнему казнил и миловал по собственному усмотрению. Внешне его творческие принципы не слишком изменились. Он всё так же азартно глумился над своими жертвами, часто далеко не невинными. Но теперь в число объектов его беспощадного глумления все чаще стали попадать представители либерализма.

Буренин отнюдь не оставил свой метод «цинического реализма», и более того, 8 декабря 1878 г., через три года работы в газете «Новое время», «освежил» некоторые его «кусательные» тезисы: «Я с тех пор, как вступил на поприще литературы, поставил себе целью, по мере моего умения и моих сил и способностей, преследовать и изобличать всякую общественную и литературную фальшь и ложь, и в особенности фальшь и ложь, которые топорщатся и лезут на пьедестал, которые прикрываются павлиньими перьями псевдолиберализма или псевдоохранительства, псевдокосмополитизма; которые, будучи, в сущности, поверхностным легкомыслием и фиглярством, силятся изобразить из себя нечто глубокое и серьезное...» [Буренин 1878, с. 2].

Но заметно и существенное изменение: усиливается антилиберальная направленность его фельетонов, хотя и охранительство в крайних формах не перестает быть ему враждебным.

Буренина воспринимали как бранчливого, равнодушного к литературе и глумящегося над высокими идеями циника. Известно, что Буренин был убежденным атеистом и не упускал случая обличить лживость «церковников» и посмеяться над возвышенными идеями. Однако в собственном «циническом реализме» Буренин усматривал своего рода духовную миссию: «Отрицание и изобличение, смех, само собой, должны преобладать надо всем, когда избираешь для себя такую роль в журналистике. Нельзя требовать примиряющего и елеяного тона от того, кто решился принять на себя эту тяжелую роль. А роль эта действительно нелегка: надо быть человеком не от мира сего» [Буренин 1878, с. 2].

* * *

После перехода в «Новое время» в творческом репертуаре Буренина остались все те разнообразные развлекательные и сатирические жанры,

в которых он преуспевал с самого начала участия в литературном процессе. Тем не менее со временем вся влиятельная оппозиционная рать, возмущенная его обличениями, ополчилась на Буренина. Дело в том, что относительно незаметно за чередой подобных развлекательно-обличительных произведений к концу 1870-х гг. с Бурениным произошла очень существенная внутренняя метаморфоза: в «Новом времени» он окончательно перешел на консервативную сторону. Нет, он, как и раньше, мог разбранить любого, даже крупного чиновника или консервативного автора, если видел в своей жертве такие очевидные отрицательные качества, как тщеславие, хвастовство, лицемерие, пустые претензии. Но всё же он стал особенно часто высмеивать именно либералов и революционеров. Проследить этот процесс идейных изменений в подробностях — дело будущего, так как объем практически не изученного газетного творческого наследия Буренина невероятно велик.

В либеральной прессе широко освещались исключительно безобразные проступки Буренина: шокирующие нападки на известных личностей — например, на поэта С. Я. Надсона, первого доктора медицины В. А. Рудневу-Кашеварову или критика А. Л. Волынского-Флексера. Либеральные публицисты вроде М. М. Стасюлевича не раз подавали на него в суд, а на рубеже веков он особенно отличался злым высмеиванием ненавистных ему литературных модернистов и декадентов всех мастей. Всё это вместе создало Буренину соответствующую репутацию, и он действительно часто нарушал в своих выступлениях правила общественного приличия.

* * *

Именно по этой причине к творческому наследию Буренина долгое время относились весьма пренебрежительно, и только в 2010-е гг. началось систематическое изучение лучшего в его публицистике. Историки литературы, надо сказать, давно стали обращать внимание на то, что среди критических работ Буренина попадаются очень неглупые статьи, лишённые пресловутого «цинического реализма» и привносящие в обсуждение крупных литературных имен яркую самостоятельную нотку. Но до основательного систематического изучения его серьезных литературных выступлений дело не доходило.

Однако в последнее десятилетие защищены по крайней мере три кандидатских диссертации, посвященных литературной критике Буренина [Игнатова 2010; Лобзова 2010; Шабалина]. Следует отметить тот отрадный факт, что одна из диссертантов, И. Б. Богданова (Игнатова), опубликовала в «Новом литературном обозрении» библиографический перечень статей Буренина, напечатанных в «Новом времени» за 25 лет, с 1876 по 1900 г. [Игнатова 2012; 2013]. Хотя библиография охватывает менее половины всего твор-

ческого периода писателя, она позволяет ориентироваться в значительной части его обширного наследия. Только в этом перечне зафиксировано около 700 публикаций.

Исследователи критического творчества Буренина обратили внимание прежде всего на две книги, опубликованные в издательстве А. С. Суворина и доступные в Интернете: «Литературная деятельность Тургенева. Критический этюд» (1884) и «Критические этюды» (1888).

Совершенно очевидно, что в этих книгах по сравнению с фельетонами, пародиями и другими сатирическими эскападами перед нами предстает совсем другой «лик» Буренина — взгляд зоркого, вдумчивого и, как это ни удивительно, серьезного критика.

Этот «лик» не был очевиден всем, и в имеющихся отзывах современников «другой» Буренин отразился не в полной мере. Поразительно, например, что чуть ли не все, кто писал о нем, — Лесков, Страхов, Писемский, Толстой, Короленко — отмечают, что Буренин всё время «дерется», нападает, в то время как в критических этюдах, включенных в эти его сборники, он сосредоточен именно на защите классических писателей. Очевидно, что Буренин в упомянутых книгах выступает уже не насмешливающим нигилистом, а представителем консервативной литературной критики.

Эти книги состоят из очерков (он предпочитает называть их «критическими этюдами»), посвященных классикам отечественной литературы. Критик, когда-то щеголявший своим нигилистическим радикализмом, выступает здесь против оппозиционной и либеральной журналистики, защищая таких больших писателей, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, от нападков оппозиционной критики, требовавшей от больших писателей усиления социальных мотивов.

Можно сказать, что в 1880-е гг. Буренин из лагеря застрельщиков воинствующего радикализма окончательно перешел в более серьезный ряд критиков умеренно-консервативного направления. Хотя он никогда не прекращал писать развлекательные и обличительные фельетоны, сатиры и пародии, типа сочинений графа Алексиса Жасминова, по этим книгам критических этюдов можно сделать вывод, что с годами в его литературных рецензиях и разборах, регулярно помещаемых в «Новом времени», набралось немало серьезных и глубоких сочинений, позволяющих отнести его к вдумчивым, самостоятельным аналитикам литературы.

В книге, посвященной Тургеневу (этот обширный «критический этюд» первоначально тоже печатался в «Новом времени»), обращает на себя внимание тот очевидный факт, что Буренин не раз ссылается на суждения Ап. А. Григорьева и Н. Н. Страхова как авторитетных личностей в области

литературной критики. То упоминается «хищный тип», то уже прямо идет отсылка к «глубоким и совершенно справедливым замечаниям Аполлона Григорьева» [Буренин 1884, с. 27].

Имена почвенников Григорьева и Страхова появляются в критике Буренина, конечно, не случайно. Почти в самом начале критического этюда читатель наталкивается на следующие многозначительные слова: «Такие натуры, представляющие удивительное соединение противоположных элементов, вырабатываются только на родной почве, „так печет только русская печь“, как говаривал Погодин. Западная жизнь по своей законченности, по своей определенности и узости, по резкости и, если можно так выразиться, специализированности своих влияний не в состоянии вырабатывать ни такой разносторонности и ширины, ни такой простоты, ни такой общности таланта и ума» [Буренин 1884, с. 2].

Надо отдать должное исследовательнице С. Л. Лобзовой из Харькова, которая в статье «Историко-литературная концепция В. П. Буренина и идеология почвенничества» в 2012 г. достаточно убедительно, хотя и на относительно небольшом материале, доказывает, что в поздний период своего творчества Буренин усвоил почвеннические принципы от Ап. А. Григорьева и Н. Н. Страхова. Эти выводы о связях Буренина с почвеннической традицией чрезвычайно важны для истории русской литературы, так как позволяют трактовать почвенническое направление более широко, но они требуют проработки на более обширном материале.

Показательным в отношении интереса Буренина к почвенничеству материалом в книге «Критические этюды» (1888) является большая статья «Биография и письма Достоевского», написанная в январе 1884 г. и содержащая разбор первого тома собрания сочинений Ф. М. Достоевского, который состоит из биографических воспоминаний Н. Страхова и О. Миллера о Достоевском и писем писателя. Буренин дает в этой своей статье энергичный отпор либеральным критикам — публицисту «Вестника Европы» К. Арсеньеву и автору «Отечественных записок» г. Постороннему (за псевдонимом скрывается Н. К. Михайловский), которым не нравится личность самого Достоевского и «консервативное» содержание тома. Буренин защищает выдающегося писателя от нападок либеральных критиков и разделяет позицию Страхова.

Среди прочего он пишет: «Г. Арсеньеву, например, кажется странным мнение покойного (Достоевского. — В. Ф.) о г. Страхове: „говорю вам и предрекаю, что вы непременно должны найти горячих приверженцев, и не мало. Уже одно то, что вы исповедуете истину!“ — Помилуйте, как же можно допустить, чтобы Страхов нашел многочисленных приверженцев, как можно

допустить критическое мнение, что он говорит истину! (...) А Страхов, Страхов — ну как можно думать, что Страхов имеет большое значение в нашей литературе, что он должен найти горячих приверженцев, что его пером руководила истина! Страхов ведь, кажется, совсем не либерал даже, и отнюдь не доктринер. И, однако, Достоевский-то, коли разобрать хорошенько, вовсе не по пристрастию и не по „странности“ придавал большое значение этому критику: ведь, действительно, в сравнении с глубокими критическими этюдами г. Страхова о Толстом и Тургеневе критические упражнения, например, гг. Арсеньевых и Посторонних, по справедливости говоря, бойкие глубоко школьнические статейки — не более» [Буренин 1888а, с. 142–143].

И далее Буренин делает важное обобщение о значении творчества Страхова: «В нашей журналистике г. Страхов представляет явление совершенно особенное, не подходящее под привычные шаблоны, под низкий уровень ее фельетонного развития: это действительно философский ум; в его статьях действительно слышится философия, честность и искренность убеждений; он всегда говорит свое слово, а не болтает с чужого голоса, принаравливаясь к такому или иному настроению. Именно оттого-то он и не имел никогда журнального успеха, именно потому его не ценила так называемая публика, то есть уличная толпа, для которой преимущественно работают наши борзописцы, вот уже чуть не четверть века, поступаясь добросовестностью с каждым выходом журнальной книги. Но зато чем меньше Страхов пользовался успехом среди уличной толпы, тем более его ценили такие крупные и оригинальные таланты, каким был Достоевский, например...» [Буренин 1888а, с. 143–144].

Здесь будет уместно отметить, что и сам Ф. М. Достоевский в последние годы своей жизни с растущим уважением относился к Буренину как критику. Он, например, писал А. С. Суворину 14 января 1880 г.: «Известие о Буренине, уехавшем на Волгу, мне тоже не нравится: я ждал, не напишет ли он чего-нибудь о моем последнем отрывке „Карамазовых“, ибо мнением его дорожу» [Достоевский, т. 30, кн. 1, с. 155].

Остановимся еще кратко на некоторых взятых непосредственно из газеты положительных отзывах Буренина о сочинениях Страхова 1890-х гг., которые так контрастируют с его более ранними отзывами.

К числу наиболее важных мировоззренческих статей Буренина о Страхове относится его рецензия на книгу «Из истории литературного нигилизма» (1890), в которой Буренин полностью отказывается от собственных юношеских революционных увлечений и нападок на консервативного мыслителя и редактора. Страхов в свое время заявлял, что на его могиле следует написать: «Один из трезвых между угорелыми» (или, в другом варианте,

«между пьяными»). Буренин тоже вспомнил в 1890 г. о временах массового нигилистического увлечения революционным прогрессом в терминах опьянения, вероятно, не без ассоциации с подобными высказываниями Страхова. Буренин писал: «...на приверженцев того журнального нигилизма, против которого ратовал в своих статьях почтенный автор, его писания своевременно производили впечатление отнюдь не серьезное. Я сам в те давние годы состоял в рядах упомянутых приверженцев, и подобное впечатление вызывали во мне тогда самые заветные мысли г. Страхова. Мне, как и многим другим юношам того времени, казался забавным этот курьезный мыслитель, носивший курьезное имя *Косицы* (таков был псевдоним г. Страхова) и пытавшийся полемизировать против героев времени, какими представлялись нам не только Чернышевский, Добролюбов, Щедрин, но даже и такие сравнительно неважные дарования „Современника“, как гг. Елисеев, Антонович. К несерьезному впечатлению от писаний Косицы, разумеется, примешивалось и некоторое негодование за его дерзость: он осмеливался спорить с великими авторитетами журналистики...» [Буренин 1890, с. 1].

Страхову об этом прозрении одного из своих самых настойчивых идейных противников читать было, надо полагать, отрадно. Без этого признания, как и без покаянных исповедей Ю. Н. Говорухи-Отрока и Л. А. Тихомирова, история нигилистического движения 1860-х гг. была бы неполной.

Нечего и говорить, что мнения Буренина о творчестве Страхова в этот период радикально изменились: «Статьи эти — говорю смело и откровенно — без всякого сомнения должны быть отнесены к наиболее серьезным критическим и полемическим писаниям шестидесятых годов» [Буренин 1890, с. 1].

В то же время Буренин признает, что Страхов был слишком далек в своей консервативной трезвости от молодежи того времени. Он даже позволяет себе как бы отнести часть вины на слишком серьезный тон статей борца с нигилизмом, и метафора противопоставления трезвости Страхова и опьянения молодежи оказывается здесь очень уместной: «Трезвость тона, которую умел сохранить уважаемый публицист и философ в то горячее время, может даже быть поставлена ему в упрек: благодаря этой трезвости его писания своевременно не имели того успеха, какой они должны бы были иметь по своей правдивости. Точно так же, только наоборот, тон пьяного оживления поборников мнимо-радикального прогресса своевременно был некоторым великим достоинством: он содействовал яркости и действительности впечатления их писаний. Ведь нужно помнить, что тогда значительное большинство нашего так называемого образованного общества нахо-

дилось — если такое выражение покажется дозволенным — в легком, а иногда и в порядочном идейном подпитии. Стало быть, для воздействия на это большинство следовало говорить с ним именно в пьяном, а не трезвом тоне. Попробуйте в пьяной компании говорить здраво и трезво: вас не поймут, ваша речь покажется смешной, даже нелепой. Но болтать с пьяными пьяным языком: все останутся довольными и поползут к вам даже целоваться» [Буренин 1890, с. 1].

Этим своим заключением Буренин еще сильнее подчеркивает драму Страхова, главной бедой которого, как считал Розанов, было то, что он со своей трезвостью и пониманием сути вещей родился так не ко времени.

* * *

В 1895 г. Буренин в рубрике «Приятельские разговоры» еще раз положительно отзывался о Страхове в связи с размышлениями о рассказе Толстого «Хозяин и работник», вышедшем одновременно с 3-м изданием книги Страхова «Критические статьи о Тургеневе и Толстом» (1895). Отклонившись от намеченной темы, Буренин с симпатией написал о книге Страхова, подчеркивая важнейшую роль критика в высокой ранней оценке Толстого:

«В этой книге вы найдете такую глубокую и верную оценку гения г. Толстого и его „Войны и мира“, какой, конечно, не встретите у „заграничных“ критиков, ознакомившихся с Толстым и писавших о нем гораздо позже. Г. Страхов по всей справедливости может гордиться, что он первый признал и истолковал „великого писателя земли Русской“! Эта оценка гр. Толстого, говоря без преувеличения, до сих пор остается лучшей, наиболее глубокою, полною, ясною и справедливою в нашей критике, и в иностранной, в которой о Толстом впоследствии высказали много интересных и своеобразных мнений. (...) Можно смело сказать, что подобно тому, как Магомет был пророком Аллаха, и Страхов был пророком Толстого и что в этом смысле ему принадлежит первое место между нашими и иностранными критиками» [Буренин 1895, с. 2].

Буренин, как и Страхов, преклонялся перед творчеством Л. Н. Толстого и много писал о нем. 18 июля 1886 г. Буренин в статье «Журнальный поход против гр. Л. Н. Толстого», включенной в его книгу «Критические этюды» (1888), в очередной раз ссылается на Страхова как на авторитетного специалиста, выступая в защиту Толстого от обвинений «господ педантов» в том, что писатель не кончил университета и будто бы является недостаточно образованным человеком. Буренин решительно не согласен с этим и апеллирует к учености Страхова. Приведя мнение Страхова об огромных

способностях и знаниях Толстого, так характеризует самого Страхова: «Вот что об этом говорит один из настоящих „ученых“ русских людей, один из настоящих русских мыслителей Н. Н. Страхов» [Буренин 1888а, с. 166]. Буренин добавляет к доводам Страхова его высокую оценку: «Так судят о знаниях и научном образовании люди, которых серьезность и компетентность в этом деле не может быть заподозрена» [Там же, с. 167]. В этой статье Буренин выступает самостоятельным критиком: он защищает графа Толстого от подозрений «Вестника Европы» в предосудительном «отступничестве от прогресса» в его «Исповеди». Но «Исповедь» не нравилась не только либералам и радикалам оппозиции, но и консервативным публицистам. Буренин, отмечая, что в критике взглядов великого писателя сошлись представители самых разных направлений, без пощады громит их всех: досталось и quasi-радикалу Михайловскому, и псевдолибералу Градовскому, и «благовестителю прогресса» из «Вестника Европы», но также и «правоверно-семинарскому патриоту» Гилярову-Платонову, который не посовестился назвать Толстого Корейшей, то есть сумасшедшим. Решительно отбивается Буренин и от влиятельного издателя «Гражданина» князя В. П. Мещерского, которого он называет в духе своего метода «цинического реализма» «клоуном ультраконсерватизма на подкладке самого лицемерного ханжества». В этом фельетоне Буренин скорее подтверждает свою репутацию «ругателя», чем объективного, толкового критика. Ближе всего Буренину, по всей видимости, позиция Страхова, который, не соглашаясь с великим писателем в частности, с уважением относился к его нравственной позиции.

Противоречивые поздние взгляды Толстого, как известно, вызывали очень серьезные споры, и среди тех, кто оставался на стороне писателя до конца, были Страхов и Буренин.

В связи с этими немаловажными спорами по поводу воззрений Толстого будет, думается, не лишним привести фрагмент переписки 1893 г. двух тяготивших тогда к толстовству писателей, М. О. Меньшикова и Н. С. Лескова, в котором удивительным образом оказался отмеченным этот «толстовский союз» Страхова и Буренина.

Лесков 8 ноября 1893 г. писал Меньшикову по поводу его статьи «Пределы критики», посвященной апологии религиозно-философских взглядов Толстого («Книжки Недели», 1893, № 9): «Статья превосходная во всех отношениях, но всего более она мила мне своим человеколюбивым тоном. Лучшего изъяснителя Л. Н. не мог бы и выдумать; но Стр(ахов) и Б(уренин) (по моему мнению) упомянуты напрасно, — особенно Б(уренин). Оба они чувствуют к нему какой-то „фавор“, но они оба не разделяют его симпатий

и отменно служат тому, что стоит вопреки дороги его желаниям»¹. Таким образом, Лесков не только Буренина, но и Страхова категорически не считает единомышленником Толстого.

Через два дня Лесков в новом письме настойчиво продолжает ту же мысль, отвергая Страхова и Буренина как защитников Толстого, и ревностно выставляет вперед себя в качестве самого верного сторонника идей писателя. При этом он дает еще более выразительные характеристики симпатизирующим Толстому критикам Страхову и Буренину:

«Статья мне всё больше нравится, но поминанье всё больше не нравится. Не тех надо было поминать, которые его *похваляют*. Его хвалить не нужно, а нужно вести с ним одну и ту же „работу совести“. Ни Стр(ахов), ни Б(урени)н этого не делают: Стр(ахов) и православист, и гегелианец, и государственный, и воитель, и патриот, и националист, и наказатель. Он Т(олсто)го хвалит за пригожество и остроумие, но он не утверждает людей в том, чтобы прозирать важнейшее за важным, и не объединяет сознание в единой „воле Отца“. Следовательно, он Т(олсто)му не брат и не сотрудник в важнейшем деле. А что касается Б(урени)на, то этот употребляет Т(олсто)го „как палку на других людей“. Сам Т(олсто)й говорит: „Это ужасно. Он *мною держится*“. И это так и есть»².

* * *

Мы бегло остановились здесь лишь на некоторых критических статьях Буренина, которые имеют отношение к почвенничеству и, в частности, к Н. Н. Страхову. Это, конечно, только маленькая часть того огромного наследия Буренина, которое разбросано по многочисленным периодическим изданиям и до сих пор тщательно не изучено. Нашей целью было только показать на доступном материале, что творчество В. П. Буренина как литературного критика содержит обширный массив не охваченных пока важных материалов для изучения русской классики, которые не подпадают под категорию «цинического реализма» и литературной пошлости и не соответствуют характеристике автора как одиозной личности.

На рубеже XIX и XX столетий Буренин много внимания уделял критике нелюбимых им явлений литературно-философского модернизма и декадентства. В этих его рецензиях о новых явлениях в литературе преобладали сочинения в издевательском тоне — вспоминаются его статьи о Мережков-

¹ ОР ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 175. Л. 19.

² ОР ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 175. Л. 20.

ском, Гиппиус, Блоке, о многих других литераторах. Это всё те же остроумные, жалящие статьи в «циническом роде», коих у Буренина много. В целом фельетонно-сатирическое творчество Буренина составляет значительную часть его наследия.

Буренин печатался очень часто. Практически каждую неделю он помещал в «Новом времени» целый подвал на злободневные, обычно связанные с литературой темы. Но при его манере вести полемику неудивительно, что многие читатели относились к нему с пренебрежением. Порядочные люди часто не снисходили до ответов Буренину. Его читали, знали, побаивались (одним из его бесчисленных прозвищ было Литературный прокурор [Пенская]), но не принимали слишком всерьез — репутация у Буренина и тогда была незавидной. Он был участником многих литературных скандалов, и скандал был одним из приемов его «цинического метода».

Незадолго до революции, в 1912 г., Буренин начал издавать свое собрание сочинений и опубликовал пять томов. Но серьезные критические статьи Буренина в эти тома собрания сочинений еще не вошли, и собрать их воедино он из-за революции не успел.

После революции Буренин, оставшийся в Петрограде, был, конечно, изгоем. Репутация изувера-насмешника, издававшегося над оппозиционными писателями, не сулила ему ничего хорошего. Измайлов писал Розанову 28 июня 1918 г.: «Недавно видел Буренина. Физически бодрый, а духовно смят. „Хочу одного — смерти“» [Измайлов, с. 488]. Подавленное состояние Буренина понятно: в новой России таким, как он, «реакционным» писателям уже не было места.

Не случайно в 1921 г. в эмигрантской газете Бориса Суворина «Новое время», нашедшей себе приют в Белграде, появился ложный некролог Буренина. Но получилось так, что на самом деле Буренин был всеми забыт и жил тихо в Петрограде (потом Ленинграде), писал даже воспоминания, перебивался кое-как, и среди тех, кто ему помогал и его подкармливал, были, как ни странно, не только Максим Горький, но и Аким Волынский, о котором он когда-то писал весьма непристойные вещи.

Скончался Виктор Петрович Буренин в Ленинграде в 1926 г. и по ходатайству сотрудников Пушкинского Дома был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. Долгое время о нем в советской печати упоминалось лишь в отрицательном смысле как об одном из самых одиозных литераторов ушедшей России.

Но постепенно стали слышны голоса, которые утверждали, что Буренин не был такой однозначно отрицательной личностью и что он обладал несомненным литературным талантом.

* * *

В 1990-е гг., когда специалисты и обычные читатели обрели возможность получать доступ к менее тенденциозным и запрещенным прежде источникам, стало обнаруживаться, что Буренин далеко не столь однозначная фигура в истории русской журналистики.

В 2016 г. был опубликован даже небольшой томик избранных сочинений В. П. Буренина [Буренин 2016], в которую вошли несколько десятков образцов его критических сочинений в разных жанрах, прежде всего критических этюдов, на которые мы обратили внимание в этом исследовании. Это издание статей Буренина, впрочем, прошло незамеченным, и книги нет даже в крупнейших библиотеках Петербурга. Но процесс обретения Бурениным того особого места в литературе, которого он объективно заслуживает, продолжается.

Очень сочувственная статья о Буренине как о значительном литературном явлении довольно неожиданно обнаружилась в эмигрантской книге П. Б. Струве, которого трудно отнести к радикальному консерватизму. Вот что написал Струве о Буренине: «Сейчас наступает время справедливой оценки и такого человека, как Буренин. {...} Спору нет — он бывал зол, злобен и несправедлив. Но он был даровит и умен. И в своей защите искусства против тенденциозного подгибания его под либерально-радикальные прописи Буренин был прав... Буренин мастерски владел русским языком, писал ясно, просто и сильно» [Струве, с. 297].

Для нас особенно важен окончательный вывод Петра Струве: «Вообще Буренин был настоящий писатель и, как таковой, заслуживает и изучения, и оценки» [Там же].

Близкий к «Новому времени» и журналу «Исторический вестник» публицист Б. Б. Глинский перед самой революцией, в 1914 г., выражал уверенность, что Буренин рано или поздно займет свое место в истории критики: «И нет сомнения, что с течением дальнейшего времени нам предстоит быть свидетелями любопытного историко-литературного суда над писателем: он будет общепризнан как один из самых выдающихся критиков, к отзывам которого придется часто обращаться, опираться на них как на авторитетные свидетельства, где знание предмета, понимание его, оценка и тонкий, чистый вкус, в связи с истинной любовью к своей родине, будут краеугольными камнями» [Глинский, с. 57]. Может быть, этот отзыв и несколько преувеличен, но обратить большее внимание на Буренина как незаурядного литературного критика необходимо.

Буренин вел себя совершенно независимо, и ходили даже слухи, что он не особенно считается и с самим Сувориным. В прессе широко распростра-

нялось мнение покинувшего «Новое время» Ник. Снеессарева, автора весьма тенденциозной книги «Мираж „Нового времени“. Почти роман» (1914), будто сам Суворин его «ненавидел и боялся» [Снеессарев, с. 27–28]. Однако в подобных слухах выражались скорее желания противников «Нового времени», вряд ли отражавшие реальное положение. При таких отношениях «ненависти и боязни» Суворин не стал бы сотрудничать с Бурениным так тесно на протяжении десятилетий.

Очень важно также обратить внимание на свидетельства того, что Буренин представлял собой необычный психологический тип. Большинство знавших его отмечали поразительный контраст между злыми критическими статьями Буренина и его незлобивым характером в повседневной жизни. Вернее, чем уволенный из «Нового времени» Снеессарев, характеризует его отношения с владельцем газеты собственное высказывание Суворина, который записал в «Дневнике» 12 июня 1907 г.: «„Какой Буренин — мягкий и приятный человек. Я с удовольствием говорил с ним“, — сказал мне Карпов (театральный деятель. — В. Ф.). Я ему рассказал, какой он действительно добрый человек. Злой в критике, но необыкновенно добрый и деликатный человек в жизни. Я много раз это испытал» [Суворин, с. 494].

Похожее мнение не раз высказывал и В. В. Розанов, сотрудничавший с Бурениным много лет. Специалисты по творчеству Розанова, например, обратили внимание, что он несколько раз отзывался о Буренине как о честном и даже добром человеке, несмотря на то что их личные отношения складывались не лучшим образом. Именно Бурениным была поддержана в читаемом «Новом времени» холодно принятая критиками первая книга Розанова «О понимании». Буренин увидел в философском трактате «много глубоких и новых мыслей» и советовал обратить на нее внимание профессиональным философам [Буренин 1888b, с. 2].

Розанов не без наивности уверял в письме сельского педагога С. А. Рачинского, что Буренин, грубо напавший на него за резкий тон его полемики с Вл. Соловьевым, имел на это право. Розанов, защищая критика, заявлял, что в быту этот человек совсем другой: «Бур(енин), за исключением его религиозных понятий, человек бесспорной порядочности, и не верьте никому, кто иначе о нем скажет: он смотрит только на человека, определяет себе его духовную личность, — и уже затем его возносит или ругает неистово» [Розанов 2010, с. 505]. А Страхову Розанов писал 17 марта 1895 г. в том же духе по поводу положительного отзыва Буренина: «Дорогой Николай Николаевич! Очень порадовался я за Вас, прочтя сегодняшний фельетон Буренина; да, — он добрый малый и честный писатель, т. е. говорит то, что находит справедливым и для общества нужным, вразумляющим» [Розанов 2001, с. 307].

В Буренине, как обычно и во всяком талантливом человеке, противоречиво сосуществовали и положительные, и отрицательные черты. Однако в статьях о нем, особенно в советское время, собирались, как правило, исключительно негативные слухи. Например, часто выхватывают слова из письма Суворина к Розанову, неверно их домысливая: «У нас никто литературой не занимается. Буренин ее презирает и глумится над нею» [Розанов 2006, с. 326]. Но из контекста письма ясно, что, по мнению Суворина, Буренин «глумится» именно потому, что *настоящей* литературы нет. В другом письме из этой переписки, например, Суворин одобрительно отзывается о смелых отрицательных характеристиках, данных Бурениным либеральным литераторам вроде Короленко и Михайловского: «Это говорит независимая литературная сила» [Там же, с. 297].

Вообще Суворин высказывался о Буренине совершенно свободно и далеко не всегда хвалил своего главного сотрудника. К числу тех граней таланта Буренина, которые особенно ценил владелец «Нового времени», относилось остроумие его эпиграмм: «У Буренина, кажется, целый том наберется таких надписей к портретам. Александр Чехов давно их собрал в особую тетрадку. Цела ли она у него?» [Суворин, с. 336]. Однако Суворин не склонен был огульно хвалить своего главного сотрудника. Он считал, например, что Буренин не обладает настоящим драматическим мастерством, так как слишком злоупотребляет в драме высокими эффектами: «Сегодня видел один акт из „Принцессы Грезы“. Как не стыдно слушать такую любовную белиберду, да еще из уст Яворской. Буренин для нее переделывает свою переделку из А. Мюссе, стараясь насовать всевозможных эффектов из разных пьес. Он воображает, что дело в эффектах. Вот даровитый критик, бесподобный памфлетист и удивительно бездарный драматург» [Суворин, с. 214]. Нам важно обратить внимание в последней фразе на слова Суворина «даровитый критик».

* * *

Таким образом, на основании сказанного можно сделать вывод, что фигура Буренина ассоциируется не только с литературными скандалами, хотя их было и немало в его биографии. Он проявил себя еще и как большой труженик в разнообразных жанрах, и прежде всего как интересный критик. В богатом, но практически не освоенном творческом наследии Буренина следует основательно покопаться, чтобы выявить для начала хотя бы основной корпус наиболее ценных произведений его литературной критики. Отметим, что литературный талант В. П. Буренина, по всей видимости, оценен еще не вполне всесторонне и, возможно, нас ждет еще не одно интересное открытие, раскрывающее связи его огромного творческого насле-

дия с историей всей отечественной литературы. Так, А. Рейтблат определил в годы перестройки авторство забытого романа-памфлета «Бес в столице. Литературные фантазии», опубликованного в 1872 г. под псевдонимом Иван Спиридонов. Исследователь считает, что эта книга, которую он приписывает Буренину, могла дать толчок фантазии автора культового романа «Мастер и Маргарита» [Рейтблат, с. 111–119].

Литература

- Буренин 1870 — З. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 31, 31 янв. С. 1–2.
- Буренин 1872 — З. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 999, 12 авг. С. 1.
- Буренин 1878 — Буренин В. П. Литературные очерки // Новое время. 1878. 8 дек. С. 2.
- Буренин 1884 — Буренин В. П. Литературная деятельность Тургенева: Критический этюд. 2-е изд. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1884. 264 с.
- Буренин 1888а — Буренин В. П. Критические этюды. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888. 398 с.
- Буренин 1888b — Буренин В. П. Критические очерки // Новое время. 1888. № 4396, 20 мая. С. 2–3.
- Буренин 1890 — Буренин В. П. Критические очерки: Н. Страхов. Из истории литературного нигилизма: [Рец.] // Новое время. 1890. № 5294, 23 ноября. С. 1–2.
- Буренин 1895 — Буренин В. П. Критические очерки: Приятельские разговоры. Разговор по поводу «Хозяина и работника» // Новое время. 1895. № 6842, 17 марта. С. 2.
- Буренин 2016 — Буренин В. П. Публицистика и критика. М.: Совпадение, 2016. 238 с.
- Глинский — Глинский Б. Б. В. П. Буренин // Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых: Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. С. 56–101.
- Достоевский — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Игнатова 2010 — Игнатова И. Б. Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Игнатова 2012 — В. П. Буренин в «Новом времени» (1876–1900): (Библиографический список критических статей) / Сост. И. Б. Игнатова // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 441–457.
- Игнатова 2013 — Библиографический список критических статей В. П. Буренина в газете «Новое время» (1876–1900) / Сост. И. Б. Игнатова // Новое литературное обозрение. 2013. № 1 (119). С. 389–406.
- Измайлов — Измайлов А. А. Переписка с современниками. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 728 с.
- Лепехин, Рейтблат — Лепехин М. П., Рейтблат А. И. Буренин Виктор Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 365–367.
- Лобзова 2010 — Лобзова С. Л. Три книги В. П. Буренина: проблематика и жанрово-стилевое своеобразие: Дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2010.

- Лобзова 2012 — Лобзова С. Л. Историко-литературная концепция В. П. Буренина и идеология почвенничества // Мова і культура. 2012. Вип. 15, т. 5 (159). С. 317–323.
- Пенская — Пенская Е. Н. Виктор Буренин: Литературный прокурор // Буренин В. П. Публицистика и критика. М.: Совпадение, 2016. С. 5–24.
- Рейтблат — Рейтблат А. И. Книга «Бес в столице» и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В. Буренина) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 113–119.
- Розанов 2001 — Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 477 с.
- Розанов 2006 — Розанов В. В. Признаки времени: Статьи и очерки 1912 г. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. Письма В. В. Розанова к А. С. Суворину. М.: Алгоритм; Республика, 2006. 430 с.
- Розанов 2010 — Розанов В. В. Листва: Уединенное. Опавшие листья: [Короб первый]. Опавшие листья: (Короб второй и последний). М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Снессарев — Снессарев Н. В. Мираж «Нового времени»: Почти роман. СПб.: Тип. М. Пивоварского и И. А. Типографа, 1914. 135 с.
- Страхов — Страхов Н. Н. Критические статьи. Киев: Изд. И. В. Матченко, 1902. 434 с.
- Струве — Струве П. Б. В. П. Буренин и А. Л. Волынский // Струве П. Б. Дух и слово: Сб. ст. о русской и западноевропейской литературе. Париж: YMCA-Press, 1981. С. 296–300.
- Суворин — Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnet Press; М.: Независимая газета, 1999. 668 с.
- Шабалина — Шабалина Н. Н. Мастерство Буренина-критика: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

References

- Burenin, V. P. (1888). *Kriticheskie etyudy*. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. 398 p.
- Burenin, V. P. (1888). 'Kriticheskie ocherki', *Novoe vremya*, 4396, 20 May, 2–3.
- Burenin, V. P. (1895). 'Kriticheskie ocherki. Priyatel'skiye razgovory. Razgovor po povody "Khozyaina i rabotnika"', *Novoe vremya*, 1895. 6842, 17 March, 2.
- Burenin, V. P. (1890). 'Kriticheskie ocherki. Strakhov, N. Iz istorii literaturnogo nigilizma. Saint Petersburg, 1890. [Retsenziya]', *Novoe vremya*, 5294, 23 Nov., 1–2.
- Burenin, V. P. (1884). *Literaturnaya deyatel'nost' Turgeneva. Kriticheskii etyud*. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. 264 p.
- Burenin, V. P. (1878). 'Literaturnye ocherki', *Novoe vremya*, 8 Dec., 2.
- Burenin, V. P. (2016). *Publitsistika i kritika*. Moscow: Sovpadenie. 238 p.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka.
- Glinskii, B. B. (1914). 'V. P. Burenin', in: Glinskii, B. B. *Sredi literatorov i uchenykh. Biografii, kharakteristiki, nekrologi, vospominaniya, vstrechi*. Saint Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva A. S. Suvorina "Novoe vremya", 56–101.
- Ignatova, I. B., ed. (2013). 'Bibliograficheskii spisok kriticheskikh statei V. P. Burenina v gazete "Novoe Vremya" (1876–1900)', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1 (119), 389–406.
- Ignatova, I. B., ed. (2012). 'V. P. Burenin v "Novom vremeni" (1876–1900) (Bibliograficheskii spisok kriticheskikh statei)', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6 (118), 441–457.
- Ignatova, I. B. (2010). *Literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' V. P. Burenina: genezis, evolyutsiya, kriticheskii metod*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moscow.

- Izmailov, A. A. (2017). *Perepiska s sovremennikami*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 728 p.
- Lepekhin, M. P., Reitblat, A. I. (1989). 'Burenin Viktor Petrovich', in: *Russkiye pisateli, 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopedia. Vol. 1, 365–367.
- Lobzova, S. L. (2012). 'Istoriko-literaturnaya kontseptsiya V. P. Burenina i ideologiya pochenichestva', *Mova i kul'tura*, 15, 5 (159), 317–323.
- Lobzova, S. L. (2010). *Tri knigi V. P. Burenina: problematika i zhanrovo-stilevoe svoeobrazie*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Khar'kov.
- Reitblat, A. (1991). 'Kniga "Bes v stolitse" i evo neizvestnyi avtor (Neizvestnyi roman-pamflet V. Burenina)', *Voprosy literatury*, 6, 113–119.
- Rozanov, V. V. (2010). *Listva. Uedinennoye. Opavshie list'ya. [Korob pervyi]. Opavshie list'ya. (Korob vtoroi i poslednii)*. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok. 591 p.
- Rozanov, V. V. (2001). *Literaturnye izgnanniki. N. N. Strakhov. K. N. Leont'ev*. Moscow: Respublika. 477 p.
- Rozanov, V. V. (2006). *Priznaki vremeni. Stat'i i ocherki 1912 goda. Pis'ma A. S. Suvorina k V. V. Rozanovu. Pis'ma V. V. Rozanova k A. S. Suvorinu*. Moscow: Algoritm; Respublika. 430 p.
- Shabalina, N. N. (2012). *Masterstvo Burenina-kritika*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Kazan'.
- Snessarev, N. (1914). *Mirazh "Novogo vremeni". Pochti roman*. Saint Petersburg: Tipografiya M. Pivovarskogo i I. A. Tipografa. 135 p.
- Strakhov, N. N. (1902). *Kriticheskiye stat'i*. Kiev: Izdanie I. V. Matchenko. 434 p.
- Struve, P. B. (1981). 'V. P. Burenin i A. L. Volynskii', in: Struve, P. B. *Dukh i slovo: Sbornik statei po russkoi i zapadnoevropeiskoi literature*. Paris: YMCA-Press, 296–300.
- Suvorin, A. S. (1999). *Dnevnik Alekseye Sergeevicha Suvorina*. London: The Garnett Press; Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 668 p.
- Z. [Burenin, V. P.] (1870). 'Zhurnalistika', *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 31, 31 Jan., 1–2.
- Z. [Burenin, V. P.] (1872). 'Zhurnalistika', *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 999, 12 Aug., 2.

Т. В. Игошева

РАСПУТИН И ДРУГИЕ В РОМАНЕ М. А. ЗЕНКЕВИЧА
«МУЖИЦКИЙ СФИНКС»
(МАТЕРИАЛЫ К КОММЕНТАРИЮ)

Резюме

Статья посвящена роману М. А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс», написанному в 1920-х гг. В ней утверждается мысль о том, что несмотря на яркие черты гротеска и фантазмагии, организующие повествование, не менее важными в романе являются реальные события и исторические лица, выступившие для автора в качестве исходного материала. В связи с этим в статье ставится несколько исследовательских задач: выявление реалий, их комментирование и определение источников. В процессе решения поставленных задач особое внимание уделено эпизодам, посвященным убийству Григория Распутина и его посмертной судьбе. Анализ и сопоставление источников позволили сделать заключение, что одним из главных среди них для Зенкевича стал дневник В. М. Пуришкевича. Обращение к нему позволило прокомментировать интерпретацию Зенкевичем таких обстоятельств гибели «святого старца», как его внешний вид в момент убийства, действия участников убийства, обстановка, в которой оно готовилось и совершалось, и др.

Ключевые слова: М. А. Зенкевич, роман, «Мужицкий сфинкс», реалии, комментарий, источники, дневник В. М. Пуришкевича

Tatyana V. Igosheva

RASPUTIN AND OTHERS IN THE NOVEL
PEASANT SPHINX BY MIKHAIL ZENKEVICH:
MATERIALS FOR COMMENTARY

Abstract

This article deals with the novel *Peasant Sphinx* written by Mikhail Zenkevich in the 1920s. It argues that, besides the vivid grotesque and phantasmagoric features that organize the

© Т. В. Игошева, 2021

narrative, real events and historical figures, that became source material for the author, are equally important for the novel. Based on this, the task of the article is to identify the real events and figures, comment on them, and reveal the sources used by Zenkevich. Special attention is paid to the episodes related to the murder and posthumous fate of Grigory Rasputin. The analysis and comparison of the sources lead to the conclusion that the major source for Zenkevich was Vladimir Purishkevich's diary. The study of the diary made it possible to comment on Zenkevich's treatment of such details of the death of the "holy elder" as his visual appearance at the moment of the murder, the behavior of the murderers, the circumstances in which the murder was planned and committed, and so on.

Keywords: Mikhail Zenkevich, *Peasant Sphinx*, novel, real events, historical figures, commentary, sources, diary of Vladimir Purishkevich

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-59-81

Произведение М. А. Зенкевича «Мужицкий сфинкс» (1921–1928) — яркий образец модернистского романа, фантазмагорический характер которого является одной из его отличительных черт. Не случайно А. А. Ахматова охарактеризовала это произведение достаточно емкой фразой: «Какая это неправдоподобная правда!» [Зенкевич, с. 412].

В романе автор совершает отход от строго реалистического письма к мифопоэтическому повествованию, являющемуся для него альтернативным способом организации художественного текста. Автор «Мужицкого сфинкса» подчеркивал, что события в романе представлены «в искаженной перспективе времени» [Зенкевич, с. 435], где «прошлое путается с настоящим, фантастика незаметно переходит в действительность и обратно»¹, «лица и предметы то кажутся близкими, то уменьшаются и становятся далекими, как будто я попеременно смотрю с двух сторон, прямо и обратно, в стекла бинокля» [Зенкевич, с. 435]. Для реализации столь сложного художественного замысла Зенкевич обращается к мотиву путешествия во времени, организуя романский сюжет. Такое путешествие автобиографического героя позволило автору включить в повествование образы не только живых, но и уже покойных современников. Между тем фантастические происшествя в романе разворачиваются на фоне реальных исторических событий начала XX в. — того переломного для России периода, когда происходило завершение одной эпохи и зарождение другой. Поэтому в романе множество персонажей, образы которых восходят к реальным историческим лицам. Часть из них — участники романного действия, другие участвуют лишь в организации фона повествования: с их помощью автор дополнительно характеризует изо-

¹ РО ИРЛИ. Ф. 773 (М. А. Зенкевич). Фонд М. А. Зенкевича в настоящее время находится в стадии научно-технической обработки, поэтому его опись отсутствует.

бражаемую эпоху. При этом фактическая основа романа вполне достоверна и чаще всего поддается проверке.

Так, например, в XI главе «От Мадонны Рафаэля к силуэту тени на стене» важное место уделено описанию полотна с изображением Мадонны с Младенцем, принадлежавшего доктору Погорельскому. По словам Зенкевича, Погорельский самыми разными способами (в том числе прибегая к криптограммам и качанию золотого маятника) стремился атрибутировать ее Рафаэлю. Вот это описание: «...над грязным мраморным умывальником, в ведро которого старый неряха-доктор бросал гнойную вату и выливал мочу из пробирок, висела Мадонна Рафаэля. С легкой улыбкой на тонких губах она смотрела мечтательными прекрасными глазами одновременно и на зрителя, и на золотокудрого младенца, прильнувшего к ее стыдливо и гордо полуоткрытой среди красной одежды девичьей груди. Сколько несчастных с язвами и гнойниками, со страшным ядом в крови ждало здесь исцеления, и над ними так же радостно сияла в петербургских сумерках символом блаженного материнства итальянская Мадонна!» [Зенкевич, с. 454]. И чуть далее: «...я взглянул на Мадонну: в ее глазах и усмешке мне почудилось что-то недоброе, джокондовское» [Зенкевич, с. 455].

В смысловом поле романа изображение Мадонны, приведенное в XI главе, чрезвычайно важно, поскольку, с одной стороны, оно контрастирует с одним из ключевых женских образов — Эльгой, представляющей по своему типу роковую женщину, своего рода «декадентскую мадонну». С другой же стороны, обращает на себя внимание, что Мадонна доктора Погорельского в романе двойится, сочетая в себе высокое, Божественное, и демоническое, астартическое начала.

В этом контексте может возникнуть представление, что Мадонна Рафаэля доктора Погорельского — образ, созданный воображением автора, поскольку ее присутствие в романе концептуально и она является важным элементом в системе женских образов произведения, выражая собой высокую идею материнства. Однако источники демонстрируют, что такое предположение ошибочно.

Мессель Викентьевич Погорельский (1862—?), который в романе определяется как своего рода универсальный человек: «старый чудак, ученый талмудист, доктор по нервным, внутренним и венерическим болезням, гипнотизер, автор книг о животном магнетизме, о сифилисе у древних евреев и об одной из мадонн Рафаэля, случайным обладателем которой он себя считал» [Зенкевич, с. 453], — реальная личность, петербургский врач, автор ряда книг, среди которых «о животном магнетизме» — это «Электрофотосфены и энергoграфия...» [Погорельский 1899], «о сифилисе у древних евреев» —

«О сифилисе по Библии» [Погорельский 1900]. О докторе как о талмудисте можно судить по его работе «Еврейские имена собственные...» [Погорельский 1893], о его специализации по нервным болезням — по статье «Случай излечения полного истерического паралича всех конечностей, мышц туловища и мочевого пузыря посредством гипнотизма» [Погорельский 1889].

Между тем в ряду печатных трудов М. В. Погорельского не было обнаружено книги, специально посвященной его «Мадонне Рафаэля». Однако обращение к дореволюционной периодике все же позволяет выявить фактическую основу интересующего нас романного эпизода.

В одном из февральских номеров газеты «Вечернее время» за 1913 г. опубликована заметка под названием «Картина Рафаэля». Приведем ее: «Сегодня вечером в обществе мясаровских понедельников (Баскова улица, 2) будут демонстрироваться Мадонна Рафаэля и фотографические снимки с нее.

Картина эта (подлинник) принадлежит доктору Погорельскому. Желая перевести картину на новый фон, доктор Погорельский пригласил к себе известного реставратора Сидорова. При осмотре картины г. Сидоров обнаружил интересное явление. Оказалось, что изображение Мадонны на полотне Рафаэля подделано под изображение Мадонны Миколлини (в Лондоне). Существует предположение, что подделку эту сделал один из итальянских монахов художников-иконописцев. Самая подделка сделана удивительно художественно. Г. Сидорову удалось устранить эту подделку, и теперь — подлинное полотно Рафаэля. Сидоров сделал много фотографических снимков с картины до реставрации и после нее. Мадонна Рафаэля относится к XV столетию и является одним из лучших его произведений» [Картина Рафаэля, с. 2].

Изучение материалов, связанных с созданием романа, подтверждает, что к воспроизведению реалий на страницах своего произведения Зенкевич подходил довольно основательно. В фонде № 773 РО ИРЛИ хранится его записная книжка с рядом недатированных записей, содержание которых позволяет отнести их к началу 1920-х гг.² По своему характеру они представляют собой подготовительные материалы к роману.

Так, среди записей, сделанных в данной книжке, обнаруживаем не только описание квартиры № 20, находящейся в Петербурге по адресу Гороховая ул., д. 64, в которой в 1916 г. до самой смерти проживал Григорий Распутин, но и ее схематическое изображение. Аналогичным образом произведена

² Вполне вероятно, что некоторые из них Зенкевич сделал во второй половине 1921 г., ненадолго приехав в Петроград из Сарова.

фиксация места гибели М. С. Урицкого, а также двора дома № 17 по Миллионной улице, где 30 августа 1918 г. был задержан Леонид Каннегисер, пытавшийся скрыться здесь после совершенного им убийства Урицкого. Эти и ряд других вполне достоверных локусов в достаточно детализированном описании вошли в состав романного повествования.

В главе XXVIII «Февральский ветер», посвященной Февральской революции, имеется описание ворот казарм Конногвардейского полка. В интересующем нас фрагменте дана реплика солдата, участвовавшего в погроме особняка министра двора В. Б. Фредерикса, расположенного напротив конногвардейских казарм: « — Вот этих бы голых еще смазануть, а то срам смотреть на них, — указывает <...> на две обнаженные античные фигуры юношей с белыми конями на копыеносных воротах конногвардейских казарм» [Зенкевич, с. 522].

В записной книжке Зенкевича имеется описание этих ворот, сделанное с натуры (они расположены по петербургскому адресу Конногвардейский пер, д. 1). Приведем эту запись:

«Б(ывшие) казармы Конногвардейского полка.

Ворота [1 нрзб] решетка, с золотыми наконечниками. Черные копыя; на гран(итных) глыбах по бокам два белых коня, ржущих <...> и двое голых греч(еских) юношей — белых; с детор(одными) членами <...> напротив — развалины дворца Фридерикса, позы коней [2 нрзб] хвост изогнут [1 нрзб.] под брюхом подставки»³.

Между первоначальным наброском-описанием из записной книжки и фрагментом художественного текста имеются значительные расхождения. Прежде всего обращает на себя внимание, что в романном тексте Зенкевич эстетически организует столкновение двух точек зрения, которое отсутствует в его записной книжке. В романе сталкиваются персонажное (солдат) и авторское (герой-рассказчик) восприятия одного и того же художественного объекта. При этом одно из них профанное, другое принадлежит посвященному. Для одного фигуры просто голые и потому «срам смотреть на них»; для другого — обнаженные античные фигуры юношей, т. е. произведения искусства. В то время как в записной книжке — описание, еще не разложенное на эти две точки зрения: «двое голых греческих юношей — белых, с детородными членами».

Достаточно детальное описание позволяет сделать заключение, что оно касается двух довольно известных скульптурных групп, расположенных в настоящее время в другом месте: речь идет о Диоскурах, укрощающих ко-

³ РО ИРЛИ. Ф. 773.

ней, фланкирующих парадный фасад Манежа. Попутно отметим, что в свое время и Манеж, и казармы входили в комплекс сооружений, находившихся в распоряжении Конногвардейского полка.

История интересующих нас скульптурных групп следующая. В начале XIX в. Джакомо Кваренги создал проект манежа для лейб-гвардии Конного полка, на котором можно увидеть фасад манежа и две фигуры Диоскуров с конями. Известно, что Кваренги заказал скульптуры итальянским братьям-скульпторам Паоло и Агостино Трискорини, которые изваяли скульптурные реплики с фигур, украшающих фонтан Диоскуров, расположенный на Пьяцца дель Квиринале в Риме. Мраморные скульптуры были выполнены, доставлены в Петербург и установлены там, где изначально и запланировал итальянский архитектор, — у фасада Манежа.

Однако в 1844 г., после завершения строительства Исаакиевского собора, духовенство потребовало убрать «неприличные обнаженные фигуры» языческих богов. В соответствии с этими требованиями Диоскуров перенесли. И в течение длительного времени (с 1844 по 1954 г.) они украшали ворота Конногвардейских казарм по Конногвардейскому переулку.

Описание Диоскуров в записной книжке Зенкевич сделал в 1920-е гг., поэтому неудивительно, что хорошо известную парную скульптуру он показал в романе как элемент декора именно ворот, ведущих в казармы Конногвардейского полка, а не в качестве скульптурного украшения фасада Манежа.

Одной из важных составляющих повествовательной структуры «Мужицкого сфинкса» является комплекс эпизодов, связанных с убийством Григория Распутина. Как и многие другие персонажи, с которыми встречается в Петрограде автобиографический герой Зенкевича, он представлен в романе в виде «ожившего покойника», участвующего в событиях 1921 г. Важно, что его призрак является перед группой других персонажей после того, как последние совершили действия, которые можно охарактеризовать как имеющие определенный магический характер: бросили венок в прорубь на Малой Невке, где был утоплен труп Распутина; на автомобиле повторили путь убийц Распутина от Петровского моста до Каменноостровского проспекта. Кроме того, поломка автомобиля, в котором находятся Эльга и другие персонажи, также дублирует поломку машины Пуришкевича, в которой он находился вместе со своими сообщниками, в ночь убийства Распутина. Таким образом, романские персонажи, повторяя действия заговорщиков 1916 г., добиваются прямо противоположного результата: не убийства, а «воскрешения» Распутина.

В романе дано весьма точное описание места утопления Распутина:

« — Здесь бросали в прорубь Григория Ефимовича.

— Какого Григория Ефимовича?

— Распутина... Вон там, где светлое пятно... Видите?

Эльга показала рукой за перила туда, где гуськом переходят вброд Малую Невку, по горло в черной воде, бревенчатые сваи быков. Деревянный большой Петровский мост скрипит, как готовая сорваться с причала баржа» [Зенкевич, с. 475]. Достоверное указание на место утопления тела Распутина и его описание свидетельствуют о том, что автор специально интересовался этой темой и обращался к публикациям по этому вопросу. Так, например, схематический план места, где обнаружили труп Распутина, был помещен в выпуске газеты «Новое время» от 20 декабря 1916 г. [Новое время, с. 4], а позже — в одном из изданий дневника В. М. Пуришкевича [Пуришкевич 1924, с. 97].

Целый ряд деталей в романе позволяет сделать заключение о том, что среди публикаций [Евреинов; Юсупов 1927], обращавшихся к воссозданию обстоятельств гибели Распутина, основным для Зенкевича стал дневник В. М. Пуришкевича, который, кстати, напрямую упомянут и в словах Пуришкевича — романного персонажа: «Вчера почти всю ночь я перечитывал свой дневник» [Зенкевич, с. 493]. Указание на дневник имеется и в неопубликованном «Проекте авт(орского) предисловия» 1927 г. Зенкевича: «Фигура Пуришкевича дана в соответствии с его известным дневником»⁴. Кроме того, в романном монологе этого персонажа несколько раз цитируется реальный дневник: «Кто скажет? Кто ответит? Кто предречет поток событий в густом молочном тумане просыпающегося дня?» [Зенкевич, с. 493; Пуришкевич 1924, с. 96]; «Кто скажет? Кто ответит? Кто сдернет завесу и рассеет туман, застилающий грядущие дали?» [Зенкевич, с. 493; Пуришкевич 1924, с. 95]. Далее в тексте Пуришкевич-персонаж упоминает о своей любви к Горацию и говорит о том, что нужно «как я, почитать на ночь стихи старика Горация. Что за прелесть, например, его ода — *O, navis referent in mare te novi fluctus!* — О, корабль, новые волны несут тебя в море! Разве это не современно?» [Зенкевич, с. 494]. В дневнике Пуришкевича фрагмент текста, послуживший источником для писателя, выглядит следующим образом: «Вечером, по обыкновению, читал оды Горация в подлиннике, в коих каждый раз нахожу всё новые и новые красоты. Он положительно никогда, мне кажется, не способен прискучить».

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 773. За указание на этот факт благодарю С. Е. Зенкевича.

Что за прелесть, например, ода:

Odi profanum vulgus, или *O, navis referent in mare te novi fluctus*» [Пуришкевич 1924, с. 38].

При параллельном рассмотрении текстов отчетливо видно, что Зенкевич, обращаясь к дневниковому фрагменту, перерабатывает исходный текст. Так, например, из двух названных в дневнике од Горация он оставляет лишь ту, в которой говорится о смене времен (тема, важная в романе), а оду, начинающуюся словами «*Odi profanum vulgus*» («Ненавижу невежественный народ»), оставляет за рамками своего текста, по всей видимости как мало соответствующую основному пафосу монолога романного персонажа.

Поскольку автор работал над романом с 1921 по 1928 г., можно предположить, что он обращался к одному или нескольким изданиям дневника Пуришкевича, выходявшим в это время. Первое издание, в двух частях, было опубликовано еще при жизни Пуришкевича, после его переезда в 1918 г. из советской России в гетманскую Украину. Вторая часть этого издания была полностью посвящена эпизодам, связанным с подготовкой и осуществлением убийства Распутина [Пуришкевич 1918]. В 1923 г. последовало сразу несколько переизданий, представлявших собой лишь выдержки, относившиеся непосредственно к истории с Распутиным [Пуришкевич 1923а; 1923б; 1923с]. Наконец, в 1924 г. в Риге состоялось еще одно переиздание дневника, представленного в полном, а не сокращенном (как в изданиях 1923 г.) виде, дополненное к тому же разделом, в котором были размещены материалы, газетные выдержки, связанные с посмертной судьбой Распутина, извлеченные составителями из архива Пуришкевича [Пуришкевич 1924]. Однако с полной уверенностью ответить на вопрос, к какому именно из этих изданий обращался Зенкевич во время работы над своим романом, видимо, не представляется возможным.

Им могло стать любое из вышеназванных изданий вплоть до опубликованного в 1924 г. На это указывает следующий факт. Одной из глав, в которых Распутин появляется в качестве действующего лица, является глава XXVI «Бутылка с крещенской водой». Вслед за ней помещена глава XXVII «Ливадийские розы»: в ней упомянуто «наводнение 1924 года» [Зенкевич, с. 510]. То есть с большой долей вероятности можно предположить, что работа над обеими главами, следующими друг за другом, велась или в 1924 г., или в более позднее время. Не исключено, что в ряде реплик Распутина-персонажа отражены некоторые детали материалов и газетных выдержек, собранных Пуришкевичем и помещенных составителями в рижское издание 1924 г., но при этом отсутствовавших в изданиях 1918 и 1923 гг. Вме-

сте с тем нельзя исключить и того, что Зенкевич следил за «распутинским делом» непосредственно по газетным публикациям.

Распутинская сюжетная линия (с обильным количеством реалий) берет свое начало в XXIII главе «Поезд Пуришкевича», т. е. «распутиниана» «Мужицкого сфинкса» начинается с образа убийцы Распутина — В. М. Пуришкевича.

Судя по прессе, а также мемуарной литературе, словосочетание «поезд Пуришкевича» для современников в годы Первой мировой войны было наполнено вполне конкретным содержанием. С началом войны в качестве уполномоченного Общества Красного Креста Пуришкевич сформировал и возглавил военно-санитарный поезд, в составе которого находились аптечные вагоны, питательный вагон, вагон-читальня, вагоны-лавки, вагон-церковь. В дни, когда поезд стоял в Петрограде, Пуришкевич лично проводил экскурсии для представителей общественности и журналистов. Поэтому неудивительно, что о нем довольно много писали в газетах, оценивая в этих публикациях «поезд Пуришкевича» как образцовый [Ксюнин, с. 3].

В дневнике Пуришкевича поезд занимал важное место в его планировании отступления после расправы над Распутиным. Так, 11 декабря 1916 г. он оставил запись: «Сегодня заезжал в Думу с целью просить членов Думы осмотреть мой санитарный поезд пред отправлением его на Румынский фронт» [Пуришкевич 1924, с. 55]. Осмотр поезда членами Думы предполагался 17 декабря, т. е. непосредственно после ночи, на которую было намечено убийство Распутина, что должно было, как считал Пуришкевич, отвести от него подозрение как от участника заговора.

В рассматриваемой главе группа персонажей (Н. Гумилев, Эльга, Зенкевич) прибывает на Варшавский вокзал, для того чтобы попасть на аудиенцию к Пуришкевичу, находящемуся в одном из вагонов своего поезда, с целью вовлечь его в деятельность Петроградской боевой организации, возглавляемой В. Н. Таганцевым. Эта сцена в романе происходит в 1921 г., о чем можно сделать заключение по словам самого Пуришкевича-персонажа, напоминающего пришедшим к нему о знаменательном для него дне: «Ведь вы знаете, сегодня, 16 декабря, исполняется пятая годовщина убийства Распутина» [Зенкевич, с. 493].

Встреча, изображенная в данном фрагменте, совершенно не соответствует реальности: Пуришкевич умер в январе 1920 г., находясь вдали от Петрограда (с 1918 г. был в Киеве, а затем в Новороссийске, где и скончался). То есть в действительности бывший член Государственной думы был лишен всякой возможности встретиться с заговорщиками Петроградской

боевой организации, будучи отделенным от них временем и пространством, а также фактом собственной смерти.

Что же позволило автору романа сделать подобное историческое допущение о возможном политическом контакте членов Петроградской боевой организации с Пуришкевичем? По-видимому, этому способствовали факты биографии известного политического деятеля. Известно, что после Февральской революции Пуришкевич вел работу по организации подпольных вооруженных групп монархического направления; после Октябрьской — решительно выступил против советской власти и попытался организовать антибольшевистский заговор, который для него закончился неудачно: 18 ноября 1917 г. он был арестован, но вскоре после этого все же выпущен на свободу. Покинув Россию в 1918 г., в Киеве он вновь продемонстрировал свою оппозиционность советской власти, основав Общество активной борьбы с большевизмом. По всей видимости, Зенкевич был знаком с подобными фактами биографии бывшего депутата Государственной думы, его политической позицией, взглядами на революцию и большевистскую власть, что нашло свое отражение, например, в краткой характеристике, оставленной им в «Проекте авторского предисловия» к роману: «Он, разумеется, остался тем же горячим „патриотом“, „бескорыстным рыцарем“ монархической помещицкой России, но и его пыл порядком охладил неудачи. В речах Пуришкевича слышится усталость и разочарование, начатки пассивного [*зачеркнуто*: „непротивленческого“] сменовеховства, он сознает, что „всякое открытое выступление бесполезно и невозможно“, остается только „верить и уметь ждать (...)“»⁵. Это обстоятельство, по-видимому, и позволило Зенкевичу смоделировать условную, альтернативную романную ситуацию, которая была невозможна в действительности.

Целый ряд деталей, связанных с обстоятельствами гибели Распутина и обнаружения его тела, также восходит к дневнику Пуришкевича, но не исключено, что в некоторых случаях еще и к другим источникам.

Глава XXIV «Компресс из резиновой гири» открывается рассказом о конспиративном заседании, в котором с большой долей художественной условности на самом деле совмещено изображение сразу двух собраний. С одной стороны, в описании узнаваемо заседание Петроградской боевой организации во главе с Таганцевым, участниками которого стали Эльга, Гумилев, полковник Шведов и Пуришкевич. Причем присутствие последнего на этом заседании ПБО — мистификация, являющаяся вместе с тем отсылкой к другому собранию заговорщиков, состоявшемуся 16 декабря 1916 г.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 773.

во дворце Юсуповых, находящемся по адресу наб. Мойки, 94, и закончившемуся убийством Распутина. Такое условное, символическое совмещение, как бы наложение одного собрания на другое, вероятно, призвано (при всей разнице их окончательных целей) подчеркнуть их сходный, заговорщический характер.

Проводя конспиративное заседание за закрытыми дверями, члены Петроградской боевой организации в романе стремятся заглушить свою речь граммофонной музыкой, о чем сообщает герой-рассказчик, не допущенный на это собрание: «Мне очень хочется узнать, в чем дело, и я, подкравшись на цыпочках, осторожно прикладываю ухо к замочной скважине, но быстро отскакиваю в сторону, напуганный неожиданным шумом. Проклятый граммофон! Как он меня напугал! Встряхнувшись от моих шагов, он вдруг захрипел во всю свою каучуковую глотку американский марш „Янки-дудль“» [Зенкевич, с. 496].

Упоминание звучащей граммофонной пластинки с американским маршем «Янки-дудль» связано отнюдь не с собранием Петроградской боевой организации, а с заговором против Распутина. Газеты, в которых освещалось дело Распутина, ни о граммофоне, ни о пластинке с маршем не писали. Этот факт был известен лишь убийцам-сообщникам, но в ходе дознания о нем умалчивалось, поскольку Юсупов вначале представил ложную версию событий, произошедших в ночь с 16 на 17 декабря, а Пуришкевич, как и планировал, уехал со своим поездом на Румынский фронт, поэтому допросу не подвергался вовсе.

По ходу официального дознания по делу «исчезновения Г. Е. Распутина», опубликованного в 1917 г., Юсупов, рассказавший о том, что 16 декабря он принимал гостей, а с Распутиным говорил только по телефону и не видел его в ту ночь, указал не на граммофонную музыку, а на звуки рояля, на котором играл кто-то из гостей [Дознание, с. 67]. Лишь денщик кн. Юсупова И. Г. Нефедов в ходе допроса упомянул о звуках граммофона. Он свидетельствовал, что ночью 16 декабря не видел гостей князя, поскольку они «приезжали с бокового подъезда от д. № 92 и входили прямо в столовую и в кабинет князя, слышно было только хлопанье двери и игру граммофона» [Дознание, с. 77].

Лишь в своих воспоминаниях, первая публикация которых состоялась спустя десятилетие после расправы над Распутиным, в 1927 г., Юсупов воспроизвел действительные обстоятельства, предшествовавшие убийству: «...я условился с великим князем Дмитрием Павловичем, поручиком Сухотиным и Пуришкевичем, что после моего отъезда они поднимутся наверх, в мой кабинет, и станут там заводить граммофон, выбирая преимущественно

веселые пластинки: это требовалось для того, чтобы поддерживать веселое настроение у Распутина и отогнать от него всякие подозрения» [Юсупов 1990, с. 86–87]. И далее: «Войдя в дом, я услышал голоса моих друзей. По-крывая их, весело звучала в граммофоне американская песенка» [Юсупов 1990, с. 90].

И, по всей видимости, лишь в дневнике Пуришкевича уточнялось, какая именно американская песенка звучала в ночь с 16 на 17 декабря в Юсуповском дворце: «Поручик С.⁶ кинулся к граммофону, и через несколько секунд раздался звук американского марша „янки-дудль“, который и посейчас по временам преследует меня» [Пуришкевич 1924, с. 69]. И чуть дальше: «...мы простояли у лестницы не менее получаса, бесконечно заводя граммофон, который продолжал играть все тот же „янки-дудль“» [Пуришкевич 1924, с. 70].

В рассматриваемой главе «Мужицкого сфинкса» присутствует изображение весьма примечательного натюрморта: «Широкий стол накрыт суровой, вышитой по краям скатертью и уставлен расписными деревянными блюдами и ларцами с позолотой и затейливой резьбой в ложнорусском стиле. Посредине на круглом серебряном блюде кутья, вокруг бутылки с винами и наливками, торты, пирожные с шоколадным и розовым кремом, а среди них каленые яйца, кислая капуста и соленые огурцы. На табурете кипит пузатый никелированный ведерный самовар, а в углу под киотом с полотенцами стоит граммофон с огромной, крашенной в полоску трубой. Нарочито аляповатая, как на сцене, безвкусица купеческих не то именин, не то поминок» [Зенкевич, с. 495].

В дневниковой записи Пуришкевича, воссоздающей обстоятельства расправы над Распутиным, упомянуто, что в полуподвале Юсуповского дворца было два стола. Один стол — винный: «У стенки под окнами в полумраке был помещен небольшой столик, где на подносе стояло четыре закупоренных бутылки с марсалай, мадерой, хересом и портвейном, а за этими бутылками виднелось несколько темноватого стекла рюмок» [Пуришкевич 1924, с. 64]. Второй — чайный: «Мы уселись за круглым чайным столом, и Юсупов предложил нам выпить по стакану чая и отведать пирожных до тех пор, пока мы не дадим им нужной начинки» [Пуришкевич 1924, с. 64].

При сравнении текстов заметно, что автор романа отказывается с абсолютной точностью следовать описанным у Пуришкевича реалиям. И в романном натюрморте он создает своего рода синтетическое изображение стола, которое, с одной стороны, отсылает к чайному столу Юсуповского дворца, в стенах которого был убит Распутин, а с другой — к интерьеру

⁶ Имеется в виду поручик С. М. Сухотин (1887–1926), участник убийства Распутина.

квартиры Распутина, с более простонародным, русским столом (деревянные блюда, ларцы в ложнорусском стиле, кутья, каленые яйца, соленые огурцы и кислая капуста).

Необходимо отметить, что вместе с отказом от механического копирования интерьера и натюрморта, изображенных Пуришкевичем в дневнике, некоторые детали романного натюрморта (аристократической его части) указывают, что Зенкевич все же почерпнул их именно из этого источника. Так, например, в дневниковой записи Пуришкевич фиксирует момент подготовки отравленных пирожных, предназначенных для Распутина, довольно подробно описывая их: «Юсупов передал д-ру Лазаверту несколько камешков с цианистым калием, и последний, надев раздобытые Юсуповым перчатки, стал строгать яд на тарелку, после чего, выбрав все пирожные с розовым кремом (а они были лишь двух сортов: с розовым и шоколадным кремом) и отделив их верхнюю половину, густо насыпал в каждое яду, после чего, наложив на них снятые верхушки, придал им должный вид» [Пуришкевич 1924, с. 65]. Зенкевич в своем романном натюрморте делает акцент именно на пирожных, вслед за автором дневниковой записи указывая, что они были с шоколадным и розовым кремом: «на круглом серебряном блюде (<...> торты, пирожные с шоколадным и розовым кремом» [Зенкевич, с. 495].

В главе «Компресс из резиновой гири» детально воспроизведен костюм «святого старца»: «Распутин сбросил на диван меховую шубу и сошвырнул с ноги один бот (другого бота у него почему-то не оказалось), потом подошел к трюмо и разгладил рукой волосы и бороду. На нем была шелковая кремовая рубаха, подпоясанная малиновым с кистями поясом, и бархатные навывпуск брюки, из-под которых щегольски поскрипывали гармонии тяжелых сапог» [Зенкевич, с. 496]. Обращает на себя внимание тот факт, что описания рубахи Распутина, которая была на нем в день убийства, сделанные разными лицами, значительно отличаются друг от друга. Е. И. Печеркина, служившая в доме Распутина, запомнила ее такой: «Распутин надел шелковую голубую рубашку, вышитую васильками, но не мог застегнуть все пуговицы на вороту и пришел ко мне в кухню, я ему пуговицы застегнула» [Дознание, с. 76]. В протоколе осмотра тела, подписанном прокурором судебной палаты Завадским, значится: «рубаха голубая, вышитая золотыми колосьями» [Дознание, с. 65].

В записках кн. Юсупова утверждается, что в ночь убийства «Распутин был одет в белую шелковую рубашку, вышитую васильками, и подпоясан малиновым шнуром с двумя большими кистями» [Юсупов 1990, с. 88]. В другом месте: «Распутин был одет в светло-голубую шелковую рубашку, расшитую полевыми цветами» [Юсупов 1990, с. 60].

И лишь у Пуришкевича (как затем и у Зенкевича) рубаха описана кремовой: «Он был шикарно, не по-мужицки одет: (...) в шелковой, богато расшитой шелками, цвета крем, рубахе, подпоясанной малиновым с кистями толстым шелковым шнурком» [Пуришкевич 1924, с. 77]. Бархатные штаны Распутина упомянуты как Юсуповым, так и Пуришкевичем. Однако у Юсупова они названы шароварами: «Черные бархатные шаровары и совсем новые высокие сапоги» [Юсупов 1990, с. 88], — в то время как Пуришкевич (и вслед за ним Зенкевич) именует их «бархатными навыпуск брюками» [Пуришкевич 1924, с. 77].

Наконец, такая деталь распутинского костюма в ночь убийства, как «один бот», также имеет свое фактическое, зафиксированное в том числе документально, происхождение. В ночь 16 декабря поверх сапог Распутина были обуты боты, т. е. галоши. После обнаружения его трупа в проруби на Малой Невке на нем была обнаружена лишь одна из галош. Эта деталь распутинского костюма стала предметом самого активного обсуждения в газетных заметках о петроградских происшествиях и фельетонном творчестве журналистов. «Вчера рано утром в управление 4-го участка Петроградской части было сообщено о находке под Петровским мостом, соединяющим Петровский остров с Крестовским, галоши-бота, возле которого были видны на снегу следы крови. На место прибыли судебно-следственные власти. Судя по размерам галоши, она принадлежала мужчине крупного сложения. Ввиду того, что возникло предположение, что это один из следов совершенного преступления, по распоряжению властей были вызваны водолазы, которые спустились в воду для розыска трупа. Поиски водолазов не дали никаких результатов. Найденная галоша была опечатана и передана в распоряжение судебно-следственных властей» [Таинственная находка, с. 4].

«18-го декабря на рассвете, как сообщалось во вчерашнем утреннем номере „Биржевых ведомостей“, прохожими была найдена близ Петровского моста на льду галоша-бот № 11, коричневого цвета. Вблизи было обнаружено несколько кровавых пятен. (...) Галоша была предъявлена и опознана» [На Петровском острове, с. 4].

«Вот при каких обстоятельствах началось раскрытие таинственной драмы.

Утром 17-го декабря два мастеровых, направлявшиеся на работу, заметили у Петровского мосту на льду галошу. Они тотчас же позвали городского речной полиции Лизогуба, которому и указали на находку» [Н. Г., с. 5].

В протоколах официального дознания найденная обувь названа не галошей, а ботиком: «Коричневый ботик № 10 фирмы Треугольник, найденный под Большим Петровским мостом на Неве сего числа, в 3 часа ночи, был

предъявлен дочерям разыскиваемого Григория Распутина-Нового, Марии и Варваре Распутиным-Новым, проживающим в доме № 64 по Гороховой улице; причем они ботик признали за принадлежащий их отцу, как по размеру, так и по наружному его виду. Ботик также признали за принадлежащий Распутину-Новому находившиеся в квартире два агента Охранного Отделения, швейцариха и г-н Семонович» [Дознание, с. 65–66].

И только Пуришкевич называет ее не галошей, не галошей-ботом, не ботиком, а именно ботом (как впоследствии и у Зенкевича), и кроме того, он дает пояснение, по какой причине на Распутине оказался лишь один бот: пока тело убитого везли в автомобиле, один бот соскочил, а второй остался на ноге: «...обшарив впотьмах автомобиль и найдя в нем один из ботов Распутина, д-р Лазоверт швырнул его также с моста» [Пуришкевич 1924, с. 90].

Повествование в главе «Компресс из резиновой гири» ведется при помощи такой весьма выразительной стилевой фигуры речи, как умолчание. Текст главы построен таким образом, что непосредственно из него читатель не в состоянии узнать подробности об обстоятельствах гибели Распутина и обнаружения его трупa: в главе рассыпан ряд обрывочных деталей (на первый взгляд не связанных друг с другом), лишь намекающих на эти факты, при этом прямо так и не описанные. Тем самым Зенкевич передает и обыгрывает саму атмосферу замалчивания, цензурного запрета публичного обсуждения гибели «святого старца», которая наблюдалась сразу после обнаружения трупa Распутина. Вместе с тем пресса декабря 1916 г. при помощи «эзопова языка», системы намеков без труда и подчас весьма остроумно и изобретательно обходила этот запрет. Один из ярких образцов такого рода текстов представлен в фельетоне М. Линского⁷, опубликованном в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» от 20 декабря 1916 г. Приведем достаточно объемный фрагмент из него:

«...Сажусь, закурываю папиросу и молчу. Проходит пять минут, десять. Молчание становится жутким и нестерпимым.

— Погодка-то какова! — замечаю я. — Прямо убийственная!

— Тссс!!!...

Как пар, вырвавшийся из сотни котлов, звучит это „тссс“!

Недоумевающе пожимаю плечами:

— Да что вы, господа?! Я говорю — погода убийств...

— Прошу вас выбирать выражения! — сухо обрывает меня секретарь. — Можете произносить это слово у себя дома, но не в редакции!

⁷ Псевдоним М. С. Шлезингера (1878–1941).

— Господи, да я ничего такого и не говорил! Просто хотел сказать, что погода ужасная, а тут я еще, выходя из дому, потерял в снегу галошу...

— И о галоше прошу не говорить! — уже сурово перебивает меня секретарь. — Думаете, не понимают ваших намеков?

— На что?

— На это самое... Не прикидывайтесь, пожалуйста, маленьким!

— Хоть убейте, не понимаю!

— Вы опять?

— Что «опять»?

— Да вот... Это слово...

— В чем дело, господа? Объясните толком.

— Вы что? С неба свалились?

— И не думал: в автомобиле приехал.

— Тссс!!! — опять предостерегающе зашипели вокруг.

— И об автомобилях нельзя?

— Нельзя!

— Хм! Странно!..

Я помолчал, закурил снова и решил переменить тему:

— Сейчас Сердюкова на Гороховой встретил...

— Вы с ума сошли! — завопил секретарь. — Неужели не можете называть другое место?

— И Гороховую нельзя? Ну, ладно: на Мойке встретил...

— Заменяю, нечего сказать! Знаете, уж если вам так хочется говорить, рассказывайте по-прежнему о погоде...

— Да что о ней скажешь? Дрянь — погода. Вчера распутица, сегодня...

— Ммм! — страдальчески простонал редактор, силясь что-то сказать.

— Сегодня сибирский холод. Вот на юге теперь, должно быть, хорошо. На Кавказе, например. Эх, будь я богат, непременно махнул бы теперь на Кавказ...

Секретарь с помертвевшим от ужаса лицом замахал на меня своей кофточкой:

— Что же вы остановились? Говорите еще, говорите! Губите нас дальше! Вы еще о 6 часах утра скажите! И имена называйте! Чего там?! Валяйте дальше! Не жалейте ни нас, ни газеты!

И по его небритым щекам поползли слезы, как водяные черви.

— Вам чего?! — накинулся он на вошедшего метранпажа. — Ходите тут. Почему до сих пор не набираете? Дал же я вам сенсационный материал: „Снежная буря в Харькове“?!

— А чем я наберу его? — вспыхнул, в свою очередь, метранпаж. — Чем? Сами знаете, что из наборной кассы пропали девять букв: ни „р“ нет, ни „с“, ни „п“, ни „н“...

И виновато заморгал глазами секретарь, и страдальчески простонал редактор, и как мехи завздыхали репортеры...

А из типографии по-прежнему не доносилось ни звука...

И мне показалось, что я начинаю понимать, в чем дело...» [Линский, с. 5].

В фельетоне приведена сценка в газетной редакции, в которой только что вошедший корреспондент пытается поделиться с присутствующими своими уличными впечатлениями. Однако в полной мере это ему не удастся, поскольку его выбор лексики не соответствует моменту (убийство Распутина), о котором уже знают остальные сотрудники, но еще не подозревает рассказчик. Комический эффект фельетона построен на несоответствии их восприятий. Рассказчику кажется, что он употребляет нейтральную лексику («убийственная погода», «распутица», «сибирский холод», «галоша», «автомобиль», «Гороховая улица», «Мойка»), но «посвященные» сотрудники редакции воспринимают ее как «слова-сигналы», отсылающие к событию, обсуждение которого находится под запретом. В сюжете фельетона эти «слова-сигналы» адресованы читателю, хорошо понимающему, в каком именно направлении нужно производить их дешифровку. Любопытно, что в «Мужицком сфинксе» Зенкевич обращается к аналогичному приему: он не дает связного рассказа о событии, а говорит намеками, расставляя по тексту «слова-сигналы», отсылающие все к тем же обстоятельствам смерти Распутина, исключая вместе с тем из этого приема комическую, ироническую составляющую, свойственную газетному фельетону.

Помимо «одного бота», «пирожных с розовым и шоколадным кремом», «Янки-дудл» и др., к таким «словам-сигналам» относится и словосочетание «резиновая гиря», включенное в том числе и в состав названия главы — «Компресс из резиновой гири». В этой главе делается смысловой акцент на большой ране, заметной на виске Распутина: «закрашенный белой мазью и присыпанный кровоподтек на виске» [Зенкевич, с. 497]. Она, по воле автора романа, и должна прежде всего вызывать ассоциативные связи с резиновой гирей, которая также упоминается в тексте главы. В ней среди прочего представлено описание пляски Распутина, во время которой с ним начинается припадок, и он обращается с мольбой к Эльге:

« — Гирьку... Гирьку... Кровь оттянуть...

Эльга сразу догадалась и вытащила из кармана его бархатных брюк черную резиновую гирю.

Распутин судорожно схватил ее и с остервенением стал бить себя со всего размаха по правому, подмазанному белилами виску, побрякивая от удовольствия, как парящийся веником в бане» [Зенкевич, с. 500]. В этом эпизоде между изувеченным виском персонажа и резиновой гирей автор устанавливает связь напрямую, прямолинейно. Между тем действие Распутина-персонажа, наносящего удары по собственному уже поврежденному убийцами виску, вызывает недоумение, которое разрешается лишь при обращении к источникам и понимании того, что в действительности связь между «виском» и «резиновой гирей» не столь прямая, как это показано в романе, и на самом деле она обладает более сложным, ассоциативным характером.

Такие реалии, как висок Распутина и резиновая гиря, присутствуют в дневнике Пуришкевича. В одном месте он пишет о гире как о каучуковой: «После минутного совещания мы решили спуститься вниз всем и предоставить мне уложить его кастетом, а Лазоверту на всякий случай Юсупов в руки всунул свою каучуковую гирю, хотя первый и заявил ему, что он едва ли будет в состоянии что-либо сделать, ибо так слаб, что еле передвигает ноги» [Пуришкевич 1924, с. 74], а в другом месте — как о резиновой: «Юсупов, увидев, над кем они возятся, выскользнул от меня, бросился в свой кабинет, схватил с письменного стола резиновую гирю, данную ему Маклаковым, и, повернувшись обратно, бросился вниз по лестнице, к труп Распутина. (...) и подбежав к нему, стал из всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску, с каким-то диким остервенением в совершенно неестественном возбуждении» [Пуришкевич 1924, с. 82–83].

Юсупов же в своих воспоминаниях писал вовсе не о гире, а о резиновой палке: «Я едва мог двигаться; но все же, хотя и с трудом, встал, машинально взял со стола резиновую палку и направился к выходу из кабинета» [Юсупов 1990, с. 102]; «Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало...» [Юсупов 1990, с. 103]. Пуришкевич в своих записках настаивал, что удары были именно по виску: «Солдаты повиновались, но им стоило чрезвычайных усилий оттянуть Юсупова, который как бы механически, но с остервенением, все более и более возраставшим, колотил Распутина по виску» [Пуришкевич 1924, с. 83]. Более того, Пуришкевич признавался, что и сам он после выстрелов в Распутина «подбежал и изо всей силы ударил его ногою в висок» [Пуришкевич 1924, с. 81]. Юсупов этот факт подтверждал: «На его левом виске зияла большая рана, которую Пуришкевич нанес ему каблуком» [Юсупов 1990, с. 100].

Газеты, в свою очередь, сообщали о пулевом отверстии и кровоподтеке на правом виске Распутина: «Как передают, на трупе Распутина оказалось

три пулевых отверстия с кровоподтеками: одно — в правом виске, одно — в затылке с правой стороны и одно — в правом боку» [Н. Г., с. 5]. При сбрасывании с моста труп, по-видимому, подвергся дополнительной травматизации, и больше всего при этом пострадала голова, о чем также извещали газеты. «Первоначальным осмотром трупа тут же на берегу было установлено, что труп при падении в прорубь ударился о сваю Петровского моста. Правая сторона лица оказалась разбитой» [На Петровском острове, с. 4]. «На голове был обнаружен значительных размеров кровоподтек, который, по-видимому, произошел от того, что брошенный головой вниз труп, прежде чем упасть в воду, ударился о сваи моста» [Происшествие на Петровском острове, с. 2].

Таким образом, поврежденный висок Распутина оказывается важной портретной деталью, отсылающей к целой череде обстоятельств его гибели, из которых в романе названа лишь резиновая гиря, остальные же остались за рамками художественного текста.

Изображение в «Мужицком сфинксе» припадка Распутина, случившегося с ним во время пляски, также заставляет еще раз углубиться в подробности его убийства, поскольку падучая здесь похожа на предсмертную агонию: «...в припадке падучей, грохнулся на пол и, дергая головой, скрежеща зубами и скребя паркет вытянутыми вперед руками, силился на брюхе поползти до разостланной у дивана шкуры белого медведя» [Зенкевич, с. 500]. Выразительны здесь и сам припадок, и детали интерьера, в котором он случился, основной среди которых является медвежья шкура.

Медвежья шкура в качестве интерьерного элемента Юсуповского дворца, в стенах которого был убит Распутин, названа как Пуришкевичем, так и кн. Юсуповым. «На полу лежал большой персидский ковер, а в углу, где стоял шкаф с лабиринтом и распятием, — шкура огромного белого медведя. Посередине комнаты поставили стол, за которым должен был пить свой последний чай Григорий Распутин» [Юсупов 1990, с. 85]. В другом месте: «Я выстрелил. Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь, на медвежью шкуру» [Юсупов 1990, с. 96]. Пуришкевич: «...Нам представилась следующая картина: перед диваном, в гостиной, на шкуре белого медведя лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойным стоял Юсупов, с чувством непередаваемой гадливости вглядываясь в лицо им убитого „старца“» [Пуришкевич 1924, с. 75].

Обратившись к реалиям, зафиксированным в воспоминаниях участников интересующего его события, Зенкевич вместе с тем создал контаминацию на основе двух разных этапов этого события, объединив их в один ро-

манный эпизод. Воспроизводя первый этап, участники убийства отмечали, что после выстрела Юсупова Распутин упал на шкуру белого медведя. Зенкевич же описывает, как в припадке падучей Распутин на животе ползет по направлению к шкуре белого медведя. Позу и движения Распутина, изображенные автором романа, находим в дневниковых описаниях Пуришкевича, но в другой сцене, не связанной прямой последовательностью с эпизодом, в котором фигурирует медвежья шкура. Автор дневника сообщает, что Распутин, обладающий «феноменальной живучестью», воскрес после выстрела Юсупова. Поэтому Пуришкевичу пришлось сделать еще четыре выстрела в него из своего «Соважа», после чего Распутин упал именно в той экспрессивной, выразительной позе, на которую обратил свое внимание Зенкевич: «Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и как будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами» [Пуришкевич 1924, с. 81].

Описание позы Распутина в романе следует записям Пуришкевича: лежа на брюхе, вытянутые далеко вперед руки; повторяются и более мелкие детали: «скрежеща зубами», «скребя паркет» (у Пуришкевича: «скребя снег»). Но при этом автор романа, подчиняя исходный материал собственным художественным задачам, перемещает фигуру Распутина в гостиную, где он сначала пускается в пляс, а затем испытывает припадок падучей, в то время как Пуришкевич описывает его в этой позе во дворе Юсуповского дома агонизирующим на снегу.

Наконец, в главе «Компресс из резиновой гири» встречаем еще одну важную деталь, также имеющую свое фактическое основание. Распутин приглашает автобиографического героя к себе в квартиру на Гороховой улице и говорит, что окропит там его своей «крещенской водицей из пролуби» [Зенкевич, с. 497]. Затем данная деталь получает свое развитие и пояснение в главе XXVI «Бутылка с крещенской водой» при следующих обстоятельствах. Распутин вручает Эльге бутылку с крещенской водой, которую она должна передать императору Николаю. Но прежде чем отдать ее, «святой старец» рассматривает ее на свет и комментирует: « — Вишь как чиста, ровно водка. Пятый год стоит и не мутится. Особенная водица, благодатная. Из пролуби, куда меня с мосту бросили, Варвара зачерпнула» [Зенкевич, с. 508].

В материалах «распутинианы», выделенных в самостоятельный раздел дневника Пуришкевича (речь идет о рижском издании 1924 г.), имеются материалы, проливающие свет на слова Распутина — персонажа «Мужичкого сфинкса»: «Тем временем к месту, где был выброшен замерзший труп Распутина, стали стекаться целыми вереницами, главным образом женщины,

начиная с самых верхов и кончая низами, с кувшинами и бутылками в руках, чтобы запастись „освященной“ распутинскими останками невской водой» [Пуришкевич 1924, с. 141].

Убийство Распутина в романе «Мужицкий сфинкс» представлено вовсе не связным последовательным рассказом о нем. Вместо этого Зенкевич создает условное художественное пространство, в котором встречаются (при этом оба после своей смерти) убийца Пуришкевич и убитый им Распутин⁸. В репликах обоих персонажей, их портретах, а также в изображениях интерьера, в котором каждый из них появляется, возникают особые «слова-сигналы» (о которых было сказано выше), призванные отсылать к реалиям убийства Распутина и заимствованные Зенкевичем прежде всего из дневника Пуришкевича. Кстати сказать, эти реалии отражены не только в романе, но и в стихотворении «Водосвятыя Распутина». В нем, как и в романе («пунктирно»), упоминаются: автомобиль Пуришкевича, «крещенская прорубь», «кровоподтек свинцовый», «Аквариум», «Вилла Родэ», «поминальная кутья», «сладости, торты, наливки в графинах», «потайный склеп» Распутина и др. [Зенкевич, с. 175–176]. Датируя один из списков этого стихотворения, в качестве начала работы над поэтическим текстом автор указал на декабрь 1916 г. — время убийства Распутина и обнаружения его тела, а завершение работы над ним обозначил декабрем 1922 г. Дата создания стихотворения, определенная автором подобным образом, «декабрь 1916 — декабрь 1922»⁹, является еще одним дополнительным свидетельством длительного, протяженного во времени интереса Зенкевича к событиям, связанным с гибелью Распутина.

Подводя итоги, необходимо еще раз сказать о двусоставном характере художественного повествования, выстроенного Зенкевичем в «Мужицком сфинксе». Путешествие в прошлое, встречи героя-рассказчика с призраками умерших людей (Н. Гумилев, В. М. Пуришкевич, Григорий Распутин и др.), положенные в основу сюжета, организуют его фантастический план. Между тем художественное «искажение» лишь отчасти отвечает общему замыслу произведения. Об этом свидетельствует среди прочего и авторское определение его жанра — беллетристические мемуары. Оно призвано подчеркнуть сложный, двойной состав жанровой природы текста, где гротеск, причудливый вымысел покоятся на биографически и исторически досто-

⁸ В своем «Проекте авторского предисловия» 1927 г. Зенкевич писал: «Пользуясь своим приемом — бредового смещения событий в искаженной перспективе времени, автор дает ряд очень смелых неожиданных эффектов. Такова, напр(имер), встреча Распутина с Пуришкевичем...» (РО ИРЛИ. Ф. 773).

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 773.

верных основаниях, вырастающих из реалий предреволюционной жизни Петербурга, ряд из которых нуждается в дальнейшем выявлении и комментировании.

Благодарю С. Е. Зенкевича за ряд замечаний, учтенных в ходе работы над статьей.

Литература

- Дознание — Убийство Распутина: Официальное дознание // Былое. 1917. № 1 (23) (июль). С. 64–83.
- Евреинов — *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Л.: Былое, 1924. 80 с.
- Зенкевич — *Зенкевич М.* Сказочная эра / Сост., подгот. текста, примеч. С. Е. Зенкевича; вступ. ст. Л. А. Озерова. М.: Школа-Пресс, 1994. 688 с.
- Картина Рафаэля — Картина Рафаэля // Вечернее время. 1913. № 376, 11 (24) февр. С. 2 [без подп.].
- Ксюнин — *Ксюнин Ал.* Поезд Пуришкевича // Вечернее время. 1916. № 1695, 17 дек. С. 3.
- Линский — *Линский М.* Печать молчания // Биржевые ведомости. 1916. № 15996, 20 дек. Веч. вып. С. 5.
- Н. Г. — *Н. Г.* Как нашли труп Распутина // Биржевые ведомости. 1916. № 15996, 20 дек. Веч. вып. С. 5.
- На Петровском острове — На Петровском острове // Биржевые ведомости. 1916. № 15995, 20 дек. Утр. вып. С. 4 [без подп.].
- Новое время — К таинственному убийству // Новое время. 1916. № 14654, 20 дек. С. 4.
- Погорельский 1889 — *Погорельский М. В.* Случай излечения полного истерического паралича всех конечностей, мышц туловища и мочевого пузыря посредством гипнотизма. СПб., 1889. 13 с.
- Погорельский 1893 — *Погорельский М. В.* Еврейские имена собственные: Часть ист.: Имена библейские, Нового Завета и талмудические. СПб., 1893. 135 с.
- Погорельский 1899 — *Погорельский М. В.* Электрофотосфены и энергография как доказательство существования физиологической полярной энергии или так называемого животного магнетизма и их значения для медицины и естествознания. СПб., 1899. 105 с.
- Погорельский 1900 — *Погорельский М. В.* О сифилисе по Библии. *Zara ath*, или Что такое библейская «проказа»? СПб., 1900. 308 с.
- Происшествие на Петровском острове — Происшествие на Петровском острове // День. 1916. № 350 (1510), 20 дек. С. 2.
- Пуришкевич 1918 — Дневник Владимира Пуришкевича. Ч. II. Смерть Распутина. Киев: Товарищество И. Н. Кушнерева и К°, 1918. 64 с.
- Пуришкевич 1923a — Из дневника В. М. Пуришкевича. Париж: Русское книгоиздательство «Я. Поволоцкий и К°», 1923. 105 с.
- Пуришкевич 1923b — Убийство Распутина (из дневника В. Пуришкевича). М.: Мосполиграф, 1923. 88 с.
- Пуришкевич 1923c — Убийство Распутина: (Из дневника В. Пуришкевича). М.: [Б. и.], 1923. 88 с.

- Пуришкевич 1924 — Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, 1924. 146 с.
- Таинственная находка — Таинственная находка // Биржевые ведомости. 1916. № 15993, 19 дек. Утр. вып. С. 4 [без подп.].
- Юсупов 1927 — Юсупов Ф. Конец Распутина. Париж, 1927. 256 с.
- Юсупов 1990 — Юсупов Ф. Конец Распутина. М.: ИПО Профиздат; Агентство «КомпьютерПресс», 1990. 144 с. (Ист. архив).

References

- Dnevnik chlena Gosudarstvennoi dumy Vladimira Mitrofanovicha Purishkevicha* (1924). Riga. 146 p.
- Dnevnik Vladimira Purishkevicha* (1918). Part II. Smert' Rasputina. Kiev: Tovarishchestvo I. N. Kushnereva i Ko. 64 p.
- Evreinov, N. N. (1924). *Taina Rasputina*. Leningrad: Byloe. 80 p.
- Iz dnevnika V. M. Purishkevicha* (1923). Paris: Russkoe knigoizdatel'stvo "Ya. Povolotskii i Ko". 105 p.
- 'K tainstvennomu ubiistvu' (1916), *Novoe vremya*, 14654, 20 Dec., 4.
- 'Kartina Rafaelya' (1913), *Vechnee vremya*, 376, 11 (24) Fevr., 2.
- Ksyunin, Al. (1916). 'Poezd Purishkevicha', *Vechnee vremya*, 1695, 17 Dec., 3.
- Linskii, M. (1916). 'Pechat' molchaniya', *Birzhevye vedomosti*, 15996, 20 Dec., Vechernii vypusk, 5.
- N. G. (1916). 'Kak nashli trup Rasputina', *Birzhevye vedomosti*, 15996, 20 Dec., Vechernii vypusk, 5.
- 'Na Petrovskom ostrove' (1916), *Birzhevye vedomosti*, 15995, 20 Dec., Utrennii vypusk, 4.
- Pogorel'skii, M. V. (1899). *Elektrofotosfery i energografiya kak dokazatel'stvo sushchestvovaniya fiziologicheskoi polyarnoi energii, ili tak nazываемого zhiivotnogo magnetizma, i ikh znacheniya dlya meditsiny i estestvoznaniya*. Saint Petersburg: [s. n.]. 105 p.
- Pogorel'skii, M. V. (1893). *Evreiskie imena sobstvennye: Imena bibleiskie, Novogo Zaveta i talmudicheskie*. Saint Petersburg: [s. n.]. 135 p.
- Pogorel'skii, M. V. (1900). *O sifilise po Biblii. Zara ath, ili Chto takoe bibleiskaya "prokaza"?* Saint Petersburg: [s. n.]. 308 p.
- Pogorel'skii, M. V. (1889). *Sluchai izlecheniya polnogo istericheskogo paralicha vsekh konechnostei, myshts tulovishcha i mochevogo puzyrya posredstvom gipnotizma*. Saint Petersburg: [s. n.]. 13 p.
- 'Proisshestvie na Petrovskom ostrove' (1916), *Den'*, 350 (1510), 20 Dec., 2.
- 'Tainstvennaya nakhodka' (1916), *Birzhevye vedomosti*, 15993, 19 Dec., Utrennii vypusk, 4.
- Ubiistvo Rasputina (Iz dnevnika V. Purishkevicha)* (1923). Moscow: [s. n.]. 88 p.
- Ubiistvo Rasputina (iz dnevnika V. Purishkevicha)* (1923). Moscow: Mospoligraf. 88 p.
- 'Ubiistvo Rasputina. Ofitsial'noe doznanie' (1917), *Byloe*, 1 (23) (iyul'), 64–83.
- Yusupov, F. (1927). *Konets Rasputina*. Paris. 256 p.
- Yusupov, F. (1990). *Konets Rasputina*. Moscow: Profizdat; Agentstvo "Komp'yuterPress". 144 p. (Istoricheskii arkhiv).
- Zenkevich, M. (1994). *Skazochnaya era*. S. E. Zenkevich, L. A. Ozerov, eds. Moscow: Shkola-Press. 688 p.

В. Н. Быстров

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРАМЫ А. РЕМИЗОВА «ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН»

Резюме

История возникновения пьесы А. Ремизова «Царь Максимилиан», а также характер работы над ней в своем роде необычны. В статье отмечается, что начальным импульсом для писателя послужил «свод» В. В. Бакрылова «Комедия о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе». Приводятся краткие сведения о личности и биографии В. В. Бакрылова, о том, как он соприкоснулся с фольклорными первоисточниками «Царя Максимилиана». Сначала многочисленные варианты популярной народной драмы были обработаны Бакрыловым и особым образом выстроены. Данный текст-«свод» в виде машинописи был представлен для обсуждения в Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса в июле 1919 г. В своем отзыве на этом заседании Ремизов утверждал, что в представленном виде рукопись не годится для издания, что нужен не свод разноречивых записей, а полноценное драматическое действие о царе Максимилиане. «Свод» Бакрылова Ремизов подверг значительной трансформации. В итоге получился авторский вариант пьесы. Народный «театр» и «свод» Бакрылова превратились в «театр» Алексея Ремизова. По мнению автора статьи, есть и вкрапления собственно ремизовского текста. Чтобы выявить их и конкретные первоисточники драмы, к которым восходят поправки Ремизова, нужно предпринять отдельное исследование. Приводятся также отзывы на пьесу современников (И. А. Рязановского, А. А. Блока, Р. В. Иванова-Разумника и др.).

Ключевые слова: Ремизов, Владимир Бакрылов, народная драма, народный театр, «Царь Максимилиан», свод вариантов

Vyacheslav N. Bystrov

THE HISTORY OF ALEKSEY REMIZOV'S PLAY *TSAR MAXIMILIAN* AND RESPONSES OF HIS CONTEMPORARIES

Abstract

The origin of Aleksey Remizov's play *Tsar Maximilian* is peculiar, as well as the manner of his work on it. The article points out that the initial impulse for the writer came from the play *A Comedy about Tsar Maximilian and His Rebellious Son Adolf* by Vladimir V. Bakrylov, whose personality, biography, and circumstances of his acquaintance with folk sources of *Tsar Maximilian* are also briefly described. At first, numerous versions of the popular folk drama were processed by Bakrylov and arranged in a special way. Then a typescript of this compiled text was discussed by members of the Repertory Group of the Theater Department of the People's Commissariat for Education in July 1919. At this meeting, Remizov argued that the submitted manuscript was not suitable for publication, because it presented just a set of inconsistent records instead of a full-fledged dramatic action about Tsar Maximilian. Remizov rewrote Bakrylov's compilation transforming it into his own version of the play. The folk "theater" and Bakrylov's compilation turned into Alexey Remizov's "theater". The author of the article suggests that Remizov's version also includes his own text. However, a special study is needed to find out which fragments of the text belong to Remizov himself and what specific primary sources of the drama he used. The article also presents reviews of the play written by Remizov's contemporaries — I. A. Ryazanovsky, Alexander Blok, R. V. Ivanov-Razumnik, and others.

Keywords: Aleksey Remizov, Vladimir Bakrylov, folk drama, folk theater, *Tsar Maximilian*, compiling versions

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-82-94

История создания, процесс работы над пьесой и творческий статус «театра» Ремизова «Царь Максимилиан», опубликованного в 1920 г., по-своему уникальны¹. Ранее В. В. Бакрылов² осуществил контаминацию из 19 вариантов выявленных им на тот момент текстов народной пьесы. Это по-

¹ Первые издания были идентичными, см.: [Царь Максимилиан 1; Царь Максимилиан 2]. Современное издание: [Ремизов, с. 142–218, 844–887]. Ссылки приводятся по первым изданиям.

² Владимир Васильевич Бакрылов (1893–1922) — журналист, фольклорист, революционный деятель; секретарь репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса, правительственный комиссар государственных театров Петрограда. Принимал активное участие в организации Вольной философской ассоциации, был секретарем ее правления. Печатался под прозрачным псевдонимом Б. А. Крылов. См. о нем: [Каторга и ссылка, с. 306–308; Андрей Белый и Иванов-Разумник, с. 213–214; Розанов 2018, с. 32–36].

требовало от него немалых усилий: слишком много было источников, которые разительно отличались друг от друга по сюжетам, количеству сцен, персонажей, характеру образов и ремарок и т. д. Достаточно обратиться лишь к нескольким совершенно разным финалам: 1) отречение Максимилиана от царствования; 2) венчание Максимилиана и Богини Венеры; 3) Смерть убивает Анику-воина; 4) битва между Марсом и братом Богини Венеры и т. д.

Сведения о начале работы В. В. Бакрылова над сводом разноречивы. В биографии В. В. Бакрылова, которую изложил близко знавший его Р. В. Иванов-Разумник, указано, что в марте 1914 г. он был сослан властями за революционную деятельность в село Тельма, расположенное недалеко от Иркутска. «Сам он, — писал Иванов-Разумник, — глубоко вошел в жизнь народа и особенно заинтересовался народным искусством; популярное и в тех местах знаменитое „действие“ о царе Максимилиане навело его на мысль собрать все печатные и рукописные варианты и материалы по этому „действию“. Работу эту он не прерывал и после революции; напечатать ему удалось, однако, только первую часть работы — сводный текст пьесы; книга эта (...) вышла в 1921 г.³ (...) Вторая, наиболее ценная часть работы — обзор литературы, варианты, комментарии, диаграммы и т. п. — так и осталась ненапечатанной». Эта вторая часть материалов до нас не дошла. Р. В. Иванов-Разумник отметил, что «первая часть еще в рукописи легла в основу произведения: „Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова, по своду В. В. Бакрылова“» [Каторга и ссылка, с. 307].

Компилятивный текст «Царя Максимилиана» В. В. Бакрылова, представленный, вероятно, в машинописном виде, обсуждался на заседании репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса 25 июля 1919 г.

Ремизов в своем отзыве, в частности, писал: «Разыгрывается комедия в разных местах по-разному. Поэтому и записи различные. Сделать свод записей и издать такой свод для руководства к постановке любимой комедии — дело полезное.

Выйдет, конечно, большой Максимилиан, но его можно, как угодно, сжимать и укорачивать, смотря по театру.

Само собой, это еще не всё, не конец, еще должно быть последнее — воссоздание комедии — должно появиться действие о царе Максимилиане, завершение всей народной комедии. И это будет. А пока что пусть для театра будет свод различных записей. (...) Труд Бакрылова может быть настольной книгой о царе Максимилиане. Но в том виде, в каком он имеется сейчас, в рукописи, издан быть не может.

³ См.: [Свод Бакрылова].

Он может и должен быть издан только после тщательной редакции. <...> Свод вариантов имеет целью представить пьесу наиболее полновидно и полносогласно по театральности и слову. <...> Свод должен быть образцовым текстом, по которому предлагается разыгрывать пьесу. <...> Редакция должна состоять в критике и проверке текстов — это поручено Ив. Ал. Рязановскому, а затем в отборе: есть ненужные длинноты, напрасные повторения, неискusstная спайка, да надо еще и словарь сообразить разновременных вариантов и само собой переменить гугню и пришепет на здоровое слово.

Говорю Бакрылову: валить в одну кучу всё, что ни попало, только потому, что написано и подписано „народное“ — дело бездельное, а если еще подносить как театр для исполнения, дело уж не бездельное, дело неправильное» [Ремизов, с. 648, 649].

Друг Ремизова Иван Александрович Рязановский, будучи, как и В. В. Бакрылов, членом Театрального отдела, представил свою рецензию. Он констатировал: «Возникновение и начало работы над сводом, по объяснению автора в предисловии, чисто служебное: служители Курсов Мастерства Сценических Постановок в 1918 году взялись за постановку „Комедии о царе Максимилиане“ и на первых же шагах встретили затруднение в отсутствии установленного текста пьесы. Это-то и побудило Бакрылова заняться составлением свода из всех имеющихся в печати вариантов. Метод, принятый автором при составлении свода, был сравнительно статистический с возможною полнотою...» Под статистическим методом И. А. Рязановский, вероятно, подразумевал стремление В. В. Бакрылова отобрать основной сюжет, тех персонажей и те сцены, которые чаще всего фигурировали в вариантах пьесы. Этот метод, по мнению И. А. Рязановского, вполне приемлем, «так как он имеет целью дать в руки режиссера целый компендиум вариантов „Комедии о царе Максимилиане“ и избавить его от поисков наиболее для него удобного текста». Рецензент указал, что автор взял основанием вариант из сборника Н. Е. Ончукова «Северные народные драмы». Затем «он выбирал наиболее яркие, наиболее сценические и выразительные приемы». И. А. Рязановский отметил, что комедия включала в себя пролог, 63 явления и эпилог. Следовательно, в рассмотренной редакции комедии, в отличие от окончательного текста, были пролог и эпилог. Особое внимание рецензент обратил на сцены, которые, на его взгляд, неуместны: «Народный театр <...> должен по своей цели иметь облагораживающее, воспитательное значение, и потому, по моему мнению, является крупною ошибкою появление в своде таких шуток сомнительного качества, как издавание пузырных звуков <...> а также довольно рискованная (интермедия) сцена, где воины разыскивают беса, „пользуясь случаем, заглядывают под подола; начинается визг, ругань,

подымается суматоха, а иногда, если искальщики отыщутся слишком „дерзкими на руку“ — и свалка“. Ясно, что приводимый отрывок, вполне уместный в научном издании текста, совершенно не годится для воспроизведения на современной сцене, так как воскрешать в настоящее время *такую старину* совершенно незачем». И. А. Рязановский в целом достаточно высоко оценил труд Бакрылова: «...пожалуй, автор свода сделал лучше, что не прикоснулся к тексту и не стал отделывать язык текста: он этим избежал опасных подводных камней: опасности обесцветить, ослабить яркость и безыскусственную наивность прилагаемого текста, местами на редкость выпуклого. (...) работа В. В. Бакрылова, являясь солидным трудом, заслуживает быть напечатанной в интересах развития русского народного театра в провинции, и остается только пожелать, чтобы за такими первыми сводами последовали и еще другие своды народных пьес, работа над которыми будет уже легче, и таким образом в руках режиссера народного провинциального театра будет целая маленькая библиотека сводов пьес народного коллективного творчества» [Ремизов, с. 845—847; выделено Рязановским].

В редакционном заключении к протоколу № 54 отмечено, что «Рязановский обращает внимание на длинноты и частые повторения, которые в пьесе, представляющей свод вариантов, недопустимы; язык мозаичен; 11 и 12 явления можно бы без вреда для пьесы выкинуть, как страдающие натянутостью, надерганные из сказок, пословиц и поговорок. (...) Явление Патриарха очень неправдоподобно и носит характер личного творчества» [Ремизов, с. 847—848]. Этим также подтверждается, что текст, опубликованный в 1921 г., отличен от первоначального. К примеру, явления 11 и 12-е, «надерганные из сказок, пословиц и поговорок», никак не соответствуют явлениям 11 и 12-му печатного текста. Сцену с Патриархом В. В. Бакрылов, однако, решил оставить (явления 31—32).

Критик «Казанского библиофила», подписавшийся инициалами «Е. Б.» (возможно, филолог-лингвист Е. Ф. Будде (1859—1931), который сотрудничал в журнале), в рецензии на издание Ремизова писал: «Насколько нам известно, свод Бакрылова, полученный в результате сличения 19 вариантов „Царя Максимилиана“, на который ссылается А. Ремизов, не опубликован. Трудно судить, насколько отступает от него автор» [Казанский библиофил, с. 162]. Сейчас, конечно, совсем другая ситуация, «информации к размышлению» у нас гораздо больше.

В своей работе «Драматургия А. Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX века» (глава «Опыт реставрации народной драмы») Ю. В. Розанов достаточно подробно и убедительно проанализировал характер реконструкции писателем свода В. В. Бакрылова. Прежде все-

го, это сокращение объема приблизительно в два раза (у Бакрылова комедия состоит из 64 явлений, у Ремизова — тридцать шесть), резкое уменьшение числа повторов, сведение до минимума описательных ремарок, натуралистических подробностей, казарменного колорита, соединение сходных образов Змеулана и Черного Араба, тяготение к максимально аскетичной, условной сценографии, варьирование песенного материала [Розанов 2002, гл. V]. Всё это позволило сделать пьесу более компактной и удобной для постановки.

Между тем любопытно, как, например, восприняла эту сокращенную версию педагог Мария Рыбникова, поставившая пьесу в школьном театре в 1923 г.: «Драма очень проста и допускает самое примитивное свое воплощение. И костюмы, и декорации могут быть сведены к простейшему: стул, деревянный меч, картонная корона и ничего больше. <...> это легко развертывающаяся и так же просто свертывающаяся драма. <...> Долго волновал меня выбор текста для моего замысла постановки; текст, приведенный у Виноградова, казался слишком примитивным, свод Ремизова — излишне разбухшим. Однако пришлось основываться всё-таки на тексте Ремизова, сильно его сократив...» [Рыбникова, с. 3, 4, 7]. Ю. В. Розанов отметил также кардинальное изменение функции Хора, усиление роли Чертенка [Розанов 2002, гл. V].

Эти наблюдения и выводы ученого можно дополнить и конкретизировать. У В. В. Бакрылова нет перечня действующих лиц. Костюмы персонажей у него описаны при их первом появлении. Среди героев наряду с пажими царедворцы. Иные имена персонажей: Марс предстает как Марец, Поп как Священник, Могильщик как Старик, Палач Брамбеус как Рыцарь Брамбеус, Чертенек фигурирует наряду с Чертом. В некоторых сценах в действие вовлечена публика. Нередко одни и те же тексты принадлежат разным персонажам, в число которых, в частности, у В. В. Бакрылова входят Все (Все иногда выступают вместо Хора). Следует добавить, что Ремизов отказался от сцены с Патриархом, ввел обозначение «Интермедия» (она состоит из трех самостоятельных частей). Отметив в «Примечании», что в основу «Царя Максимилиана» «положен свод В. В. Бакрылова, сделанный из 19-ти вариантов», писатель, однако, привел в своем списке не девятнадцать, а 33 источника [Ремизов, с. 215–218].

В целом ряде случаев Ремизов изменил просторечную лексику свода В. В. Бакрылова. К примеру: «хоть» вместо «хоша»; «Какое еще дело?» вместо «Како тако дело?»; «голова» вместо «башка»; «ищи хорошенько» вместо «ищи хорошеньче»; «Не пускайте...» вместо «Не пушайте...» и т. д.

Чтобы показать характер другой разнообразной правки Ремизова, приведу ряд репрезентативных примеров. У Ремизова во 2-м явлении: «Стану

на камень — камень мнется...» — в своде Бакрылова — чуть измененная цитата из оды Державина «На взятие Варшавы» (1794): «Стану на горы — горы трещат...» [Свод Бакрылова, с. 15]⁴ (у Державина: «Ступит на горы — горы трещат...»); у Ремизова в 7-м явлении: «читай акафист» — в своде Бакрылова: «Читай евангелъ!» (с. 27); у Ремизова: «...и вышла, аки риза, чистая...» — у Бакрылова: «И вышла, аки Христос, чистая...» (с. 27); у Ремизова в 13-м явлении: «на груди твоей хвосты, / а в руках твоих костру⁵...» — у Бакрылова: «На груди твоей холсты, / А в руках твоих скирду» (с. 32); у Ремизова в 14-м явлении: «Закуй в тяжкие железа сего изверга» — у Бакрылова: «Закуй в крепкие кандалы сего изверга» (с. 38); у Ремизова в том же явлении — реминисценция из «Сказки о царе Салтане» (1831) Пушкина, которой нет у Бакрылова: «На меня какая-то грусть-тоска напала!» (у Пушкина: «Грусть-тоска меня съедает...»); ремарка у Ремизова в 17-м явлении: «Музыка заводит плясовую. Музыка и пляска» — у Бакрылова: «Приходят два мальчика и пляшут» (с. 42); у Ремизова в 18-м явлении: «...на лобное место...» — у Бакрылова: «в чистое поле...» (с. 44); у Ремизова в том же явлении: «Как ты мне был любим, / так и теперь люблю...» — у Бакрылова: «Когда ты царю был мил, / Тогда и я тебя любил...» (с. 45); у Ремизова в Интермедии: «Охо-хо-хо-хо-хонюшки!» — у Бакрылова парфраз из Лермонтова: «Как скучно, как грустно...» (у Лермонтова: «И скучно и грустно, и некому руку подать...», 1840); у Ремизова там же: «Чтобы сверх земли не тлели...» — у Бакрылова — «Чтобы они сверх земли не смердели, / По нашему царству запаху не было...» (с. 53); у Ремизова в 19-м явлении: «Взовьюсь, взовьюсь я клубом высоко под небо...» — у Бакрылова: «Поднимусь, поднимусь высоко под небо...» (с. 64); там же у Ремизова: «какая-то дерзкая богиня гуляет» — у Бакрылова: «какая-то мерзкая девчонка гуляет» (с. 64); у Ремизова в 20-м явлении: «Слышу — за синими морями...» — у Бакрылова: «Вышел я на парадное крыльцо прохладиться, / И слышу — за синими морями...» (с. 65); у Ремизова в 25-м явлении: «говори, зачем ты пришел?» — у Бакрылова: «Говори, откуда ты прислан?» (с. 74); там же у Ремизова: «показал силу могучую» — у Бакрылова: «поразил силу могучую» (с. 76); в конце 26-го явления Ремизов с мелкими разночтениями воспроизвел слова Аники-воина перед встречей его со Смертью: «Вот я, Аника, храбёр и бодёр...» и т. д. из представления «О храбром воине Анике и Смерти» в передаче А. Котляревского; у Бакрылова они отсутствуют;

⁴ Далее ссылки на это издание даются указанием страниц в круглых скобках.

⁵ *Костра́* (кострика, кострица) — остаток стеблей льна, конопли после трепания.

в 27-м явлении у Ремизова: «покатится твоя голова с плеч» — у Бакрылова: «Покатится твоя дурная башка с плеч» (с. 83); у Ремизова в 32-м явлении: «Человек горит...» — у Бакрылова: «Человек живет...» (с. 95) и т. д.; Ремизов в нескольких местах ввел такие семантически важные для него ремарки, как «*В хоре волнение и жалоба*»; «*В хоре испуг и ожидание*».

Исходный замысел В. В. Бакрылова — создать пьесу, пригодную для постановки в народных театрах. Такое же намерение было и у Ремизова, когда он взялся переработать свод В. В. Бакрылова. Естественно, что современники сопоставляли обе версии, пытаясь оценить преимущества той и другой.

В обсуждении свода В. В. Бакрылова принял участие Блок. 1 сентября 1919 г. он записал: «Текст выработан В. В. Бакрыловым путем сравнительного изучения девятнадцати вариантов, напечатанных в разное время в различных изданиях. От себя не прибавлено ни слова. Содержание пьесы в кратких чертах (очень цельная, глубокая пьеса с массой веселых и забавных вставок). *Много наслоений русской истории*. Два века.

Максимилиан — Петр, Александр I.

Адольф — народ (царевич Алексей, стремление в пустыню, раскол, пугачевщина и революционный дух). (...) Об этом деле я знаю уже год, но не ожидал, с одной стороны, что оно будет так исключительно интересно и значительно (сама пьеса), с другой — что встретятся на пути такие жуткие препятствия» [Блок, с. 480–481; курсив Блока]. Можно предположить, что «жуткие препятствия» были связаны в значительной мере с тем, что публикация свода В. В. Бакрылова была отложена, а Ремизов решил его переработать.

Сохранился протокол совещания в «Алконосте» об издании «театра» Ремизова «Царь Максимилиан», датированный 13 октября 1919 г.: «По вопросам, поставленным А. М. Ремизовым и В. В. Бакрыловым в связи с выпуском изд-вом „Алконост“ „Царя Максимилиана“, совещались: Александр Блок, Р. В. Иванов-Разумник и Конст. Эрберг и нашли, что: (...) работа В. В. Бакрылова и А. М. Ремизова составляют, каждая в отдельности, самостоятельную творческую ценность, с уклоном у первого в сторону научную и общественно-политическую, а у второго — художественную...» [Ремизов, с. 850].

В «Предисловии» к книге В. В. Бакрылова Р. В. Иванов-Разумник отдал предпочтение его своду: «Люблю и ценю обработку А. Ремизовым русских народных сказок, но когда перечитываю их, то беру сырой, необработанный, народный материал. Вспомним про всё это, читая мастерскую обработку А. Ремизовым „Комедии о царе Максимилиане и непокорном сыне

его Адольфе“. Вся „Комедия“ эта переполнена ненужными „пакостями“, „пузырными звуками“, казармой, озорством. (...) Но не стыжусь признаться: казарменный, озорной, безграмотный, усеянный безмерными повторениями, лохматый, взъерошенный народный „Максимилиан“ — мне дороже его литературной мастерской обработки» [Свод Бакрылова, с. 7–8]. По мнению Иванова-Разумника, Ремизов отошел от первоисточников гораздо дальше, чем Бакрылов.

Заслуживает внимания свидетельство В. Шкловского о чтении Ремизовым «Царя Максимилиана» в студии «Всемирной литературы» 3 октября 1919 г., то есть до выхода книги. В частности, В. Шкловский отметил: «...Ремизов в „Царе Максимилиане“ пишет об „американском принце“. Для Ремизова „американский принц“ имеет свой аромат нелепости сказки, почти как „обезьяний князь“, а в матросейской земле России, в той среде, для которой писал Ремизов, „американский принц“ такая же реальность, как австрийский, — ведь они не много знают об Америке. (...) Во многих случаях новые эпизоды, а особенно словесные игры, т. е. нагромождение омонимов, мотивированное глухотой, так пышно разрослось, что совершенно вытеснило Максимилиана, он остался только как предлог начинать комедию. Ремизов не учел динамический и не статический характер текста „Максимилиана“. Получился сводный текст с невероятно похожими друг на друга эпизодами» [Жизнь искусства, № 267, с. 1]. Можно предположить, что в тот момент у Ремизова была несколько иная редакция драмы, которую он затем доработал.

Схожее мнение о недостатках пьесы высказал критик журнала «Книга и революция» И. Оксенов, печатавшийся под псевдонимом Опух: «„Царь Максимилиан“ хорош был безыскусственный, в среде одновременно наивной по своим отношениям к искусству, близкой к бытовой обстановке, в которой исполнялась пьеса, и сочувствовавшей ее морали; вне этих отошедших в невозвратное прошлое условий ей уже не жить на народной сцене. Но и „театром Алексея Ремизова“ не стал „Царь Максимилиан“. (...) Получилось литературное упражнение, имеющее ценность меньшую или во всяком случае иную, чем любая точная, стоящая доверия запись» [Книга и революция, с. 79]. Столь же скептически отнеслись к работе Ремизова филологи-слависты П. Богатырев и Р. Яacobсон. Они утверждали, что «ни в своей переделке, ни во вступительной статье „Портянка Шекспира“ Ремизов не уловил композиционные приемы народной драмы» [Богатырев П., Яacobсон Р., с. 54]. Между тем Ремизов в автобиографической заметке подчеркивал: «„Царь Максимилиан“ — театр, написанный по записям народных представлений» [Литературная Россия, с. 31].

Критик Л. К. Ильинский более благосклонно отзывался о версии Ремизова: «Алексей Ремизов известен как талантливый стилизатор народных произведений, вводя этим в обиход литературы живую струю подчеркнутых стилизаций образов и приемов народного творчества. Царь Максимилиан еще раз подчеркивает его мастерство в этом направлении. На основе народной драмы создана им настоящая пьеса. Использованы все имеющиеся в печати записи пьесы. Выбрано из них общее и дана основная ситуация произведения. Вихрастость улицы, казармы приглажена. Пьеса пущена из музея вариантов в обиход...〈...〉 При строгой выдержанности стиля, — а А. Ремизов в этом отношении — большой мастер, он умеет сохранить всю сочность, красочность языка, — при умелом построении действия в согласии с условиями техники театра — пьеса А. Ремизова несомненно ценный подарок современному, ищущему новых форм театру. 〈...〉 Правда, это не народный театр, но близкий к народному. В этом направлении А. Ремизов произвел большую работу. Он изучил пьесу. Свод В. Бакрылова не закрыл вариантов. Они изучены» [Бирюч, с. 326, 328, 329].

П. Сакулин, отдавая должное обоим авторам, также признал более убедительным вариант Ремизова: «В. В. Бакрылов назвал свое издание „сводом“. Нелегко уразуметь, какую цель ближайшим образом преследует автор. 〈...〉 Подобная работа может иметь как научное, так и чисто практическое значение, — смотря по тому, на каких принципах она построена.

Для ученого важно на основании известных нам вариантов, во-первых, выделить первичное ядро комедии, ее „основной сюжет“, и, во-вторых, определить тот твердый сплав, который образовался с течением времени и к которому в конкретных случаях прилипают те или другие эпизоды спорадического характера (местные и личные вариации). 〈...〉 Издавая свой труд, Бакрылов, очевидно, хотел дать такую обработку комедии, чтобы она могла идти на сцене “народного” театра. Разумеется, может возникнуть принципиальный вопрос: нужно ли театру, как таковому, ставить „Царя Максимилиана“? (вспомним старые и новые споры на тему о „народном“ репертуаре). Не следует ли оставить эту пьесу в ее родной стихии? 〈...〉 научной цели свод Бакрылова не имеет, а практическое его значение проблематично. Бесспорное достоинство работы Бакрылова в том, что автор в неприкосновенности соблюдал подлинный стиль народной комедии». По мнению П. Сакулина, изменения, которые Ремизов внес в текст, «довольно значительные, и тенденция их такова, что Иванов-Разумник имел основание предпочитать “свод” Бакрылова “театру” Ремизова. При всем том Ремизов не погрешил против народного стиля: не искажил его, а, так сказать, облагородил. 〈...〉 Режиссер, всего вернее, не преминет воспользоваться текстом Ремизова: в нем есть

сценическая расчлененность и слаженность... (...) В заключение хочется сказать, что появление „свода“ Бакрылова и „театра“ Ремизова усиленно подчеркивает необходимость *научного* издания знаменитой народной драмы» [Печать и революция, с. 265—267; курсив П. Сакулина].

Одобрительно отзывался о драме и Н. Ашукин: «По мнению историков литературы, пьеса возникла в Петровскую эпоху и ее исключительная популярность объясняется ее драматизмом. В столкновении царя Максимилиана с непокорным сыном Адольфом из-за веры, вероятно, когда-то видели намеки на столкновение Петра Великого с сыном Алексеем, приверженцем старины и старой веры. С течением времени текст пьесы изменялся, получая различные наслоения, в зависимости от условий местности и среды, где она игралась. Солдатские казармы, куда проникла пьеса, засорили ее шелухой казарменного быта, ненужными книжными вставками, сделанными грамотеями-писарями. Старинное, подлинно народное, золотая руда поэзии потускнела под пылью современности. Ал. Ремизов задался целью воссоздать, контаминировать „Царя Максимилиана“ по имеющимся вариантам. (...) Его работа — творческая работа художника. По его пьесе нельзя изучать народную драму о царе Максимилиане; для этого нужно обратиться к записям, сделанным учеными, но читать „Царя Максимилиана“ и ставить его на сцене можно по пьесе Ал. Ремизова» [Художественное слово, с. 62].

В рецензии Б. П. Никонова (псевдоним — Ник. О.) утверждалось: «В смысле драматическом объединение вариантов в одной пьесе... не дает желательных результатов, так как остаются не соединенными две темы: кончается повесть об Адольфе и начинается совершенно новая об Анике-Воине» [Жизнь искусства, № 265—266, с. 1]. Но и В. В. Бакрылов, и Ремизов, по-моему, сознательно выбрали такую двухчастную композицию, которая основывалась на двух пьесах народного театра: «О кесаре Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе» и «О храбром воине Анике и Смерти». О них писал А. А. Котляревский в статье, опубликованной в «Русском архиве» в 1864 г. (эта публикация первой значится в «Примечании» Ремизова [Ремизов, с. 216]).

История создания ремизовского «Царя Максимилиана» действительно неординарна. Многочисленные варианты драмы, заведомо заимствованные тексты сначала были сведены В. В. Бакрыловым к некоему «знаменателю», особым образом выстроены, а затем этот «свод», в свою очередь, подвергся значительной трансформации Ремизовым. В итоге получился авторский вариант пьесы. Народный «театр» и «свод» В. В. Бакрылова превратились в «театр» Алексея Ремизова, возможно, то самое «воссоздание комедии — действие о царе Максимилиане, завершение всей народной комедии»,

о котором он писал в отзыве на «свод» В. В. Бакрылова в июле 1919 года [Ремизов, с. 648]. Вполне вероятно, что есть и вкрапления собственно ремизовского текста. Чтобы выявить их и конкретные первоисточники драмы, к которым восходят поправки Ремизова, необходимо предпринять отдельное исследование.

Литература

- Андрей Белый и Иванов-Разумник — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
- Бирюч — Бирюч Петроградских государственных театров. Пг.: [б. и.], 1921. Сб. 2.
- Блок — Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 6: Проза. 1918–1921. 556 с.
- Богатырев П., Якобсон Р. — *Богатырев П., Якобсон Р.* Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин: Ополз, 1923. 64 с.
- Жизнь искусства — Жизнь искусства. Пг., 1919. № 265–266, 11–12 окт.; № 267, 14 окт.
- Казанский библиофил — Казанский библиофил (критико-библиографический журнал). Казань, 1921. № 2.
- Каторга и ссылка — *И(ванов)-Р(азумник)*. Владимир Васильевич Бакрылов // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. 1926. № 7–8 (28–29).
- Книга и революция — Книга и революция (критико-библиографический журнал). Пг., 1921. № 8/9.
- Литературная Россия — Литературная Россия: Сб. современной рус. прозы. М.: Новые веки, 1924. 401 с.
- Печать и революция — Печать и революция (литературно-критический журнал). М., 1921. Кн. 3. Ноябрь. / Дек.
- Ремизов — Царь Максимилиан: Театр Алексея Ремизова: По своду В. В. Бакрылова / Подгот. текста и коммент. В. Н. Быстрова // Ремизов А. М. Русалия: Собр. соч. СПб.: Росток, 2016. С. 142–218, 844–887.
- Розанов 2002 — *Розанов Ю.* Драматургия Алексея Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX века. Вологда, 2002. Гл. V. Опыт реставрации народной драмы.
- Розанов 2018 — *Розанов Ю. В.* Фольклорист и театральный деятель Владимир Бакрылов: страницы биографии // Вестник Вологодского гос. ун-та. 2018. № 3 (10). С. 32–36.
- Рыбникова — *Рыбникова М. А.* Максимилиан: Драма в 2 д. Л., 1925. 101 с.
- Свод Бакрылова — Комедия о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе: Свод Вл. Бакрылова / Предисл. Иванова-Разумника. М.: Гос. изд-во, 1921. 96 с.
- Художественное слово — Художественное слово (временник Литературного отдела Наркомпроса). М., 1921. № 2.
- Царь Максимилиан 1 — Царь Максимилиан: Театр Алексея Ремизова: По своду В. В. Бакрылова / Обл. и марка работы Ю. П. Анненкова. Пб.: Алконост, 1920. 126 с.

Царь Максимилиан 2 — Царь Максимилиан: Театр Алексея Ремизова: По своду
В. В. Бакрылова. СПб.: Гос. изд-во, 1920. 126 с.

References

- Biryuch Petrogradskikh Gosudarstvennykh teatrov* (1921). Petrograd: [s. n.]. Sbornik 2.
Blok, A. A. (1962). *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow; Leningrad. Vol. 6. Proza, 1918–1921. 556 p.
- Bogatyrev, P., Yakobson, R. (1923). *Slavyanskaya filologiya v Rossii za gody voiny i revolyutsii*. Berlin: Izdatel'stvo "Opoyaz". 64 p.
- V. N. Bystrov, ed. (2016). 'Tsar' Maksimilian. Teatr Alekseya Remizova. Po svodu V. V. Bakrylova', in: Remizov, A. M. *Rusaliya. Sobraniye sochinenii*. Saint Petersburg: Rostok, 142–218, 844–887.
- Ivanov-Razumnik (1926). 'Vladimir Vasil'yevich Bakrylov', *Katorga i ssylka. Istoriko-revolutsionnyi vestnik*, 7–8 (28–29).
- Ivanov-Razumnik, ed. (1921). *Komediya o tsare Maksimiliane i nepokornom syne ego Adol'fe: Svod VI. Bakrylova*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 96 p.
- Kazanskii bibliofil (kritiko-bibliograficheskii zhurnal)* (1921). Kazan', 2.
- Kniga i revolyutsiya (kritiko-bibliograficheskii zhurnal)* (1921), 8/9.
- Khudozhestvennoe slovo (vremennik Literaturnogo otdela Narkomprosa)* (1921), 2.
- A. V. Lavrov, Dzh. Mal'mstad, T. V. Pavlova, eds. (1998). *Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska*. Saint Petersburg: Atheneum; Feniks. 736 p.
- Literaturnaya Rossiya: Sbornik sovremennoi russkoi prozy* (1924). Moscow: Novye vekhi. 401 p.
- Pechat' i revolyutsiya (literaturno-kriticheskii zhurnal)* (1921). Moscow. Vol. 3. Noyab. / Dec.
- Rozanov, Yu. (2002). *Dramaturgiya Alekseya Remizova i problema stilizatsii v russkoi literature nachala XX veka*. Vologda. Glava V. Opyt restavratsii narodnoi dramy.
- Rozanov, Yu. V. (2018). 'Fol'klorist i teatral'nyi deyatel' Vladimir Bakrylov: stranitsy biografii', *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (10), 32–36.
- Rybnikova, M. A. (1925). *Maksimilian: Drama v 2 deistviyakh*. Leningrad. 101 p.
- Tsar' Maksimilian: Teatr Alekseya Remizova. Po svodu V. V. Bakrylova* (1920). Oblozhka i marka raboty Yu. P. Annenkova. Saint Petersburg: Alkonost. 126 p.
- Tsar' Maksimilian. Teatr Alekseya Remizova. Po svodu V. V. Bakrylova* (1920). Saint Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 126 p.
- Zhizn' iskusstva* (1919). Petrograd, 265–266, 11–12 Okt.; 267, 14 Okt.

Г. Н. Боева

«...СОВЕРШЕННО, СОВЕРШЕННО МОЕ ОЩУЩЕНИЕ МИРА»:
РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Л. АНДРЕЕВА
В ДНЕВНИКАХ Г. АЛЕКСЕЕВА

Резюме

На материале дневниковой прозы Г. И. Алексеева (1932–1987) прослеживается восприятие писателем личности и творчества Леонида Андреева, близкого ему и мировоззренчески, и на уровне образно-мотивной основы их произведений. Показано, что творчество Леонида Андреева для Алексеева было неизменным источником вдохновения и важным духовным ориентиром в собственном эстетическом самоопределении и отталкивании от обветшавшего соцреалистического канона. Близость двух художников обусловлена свойственными им обоим универсализмом, обращенностью к основам человеческого бытия, пристрастием к антитезам, умением прозревать сквозь повседневность мистическое и ирреальное, настойчивым задаванием неразрешимых вопросов. Отмечены объединяющие двух писателей синтетизм их талантов, проявившийся в самоиллюстративной живописи метафизического характера, и поразительная пространственная рифмовка их судеб — от Орла в детстве до Карельского перешейка в последние годы жизни.

Ключевые слова: Геннадий Алексеев, Леонид Андреев, дневниковая проза, рецепция, стиль, мировоззрение, синтетизм

"... ABSOLUTELY, ABSOLUTELY MY SENSE OF THE WORLD": THE RECEPTION OF LEONID ANDREEV'S WORKS IN THE DIARIES OF GENNADY ALEKSEEV

Abstract

Based on the diary prose of Gennady I. Alekseev (1932–1987), the article traces his perception of Leonid Andreev's personality and works. The two writers were close in their worldview and at the level of the imagery and motifs in their works. The study shows that Leonid Andreev's writings were a constant source of inspiration and an important spiritual guide for Alekseev in his own aesthetic choice and the rejection of the outworn canon of socialist realism. The two authors shared universalist views, a deep interest in the foundations of human existence, a passion for antitheses, the ability to see the mystical and the surreal in everyday life, and perseverance in proposing unsolvable questions. The article also points out other common features of the two writers: the synthetic character of their talents, manifested in metaphysical paintings which both of them created as illustrations to their own texts, and the striking rhyming in places where they spent certain parts of their lives: Orel in childhood and the Karelian Isthmus in the last years.

Keywords: Gennady Alekseev, Leonid Andreev, diary prose, reader's reception, literary style, worldview

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-95-109

Геннадий Иванович Алексеев (1932–1987) — один из основоположников русского верлибра, автор двух романов, художник, архитектор по образованию и профессии¹. При жизни было издано четыре сборника его стихов, не считая отдельных публикаций в журналах и альманахах «Дни поэзии», поэма о блокаде «Жар-птица». Архив поэта хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома [Стихи и проза]. В 2014–2019 гг. в издательстве «Геликон Плюс» вышло пять томов под названием «Неизвестный Алексеев», включающих не изданные при жизни автора стихи и прозу, а также значительную часть его дневников, которые находятся сейчас в архиве наследников. Дневники Алексеева близки к художественно-документальной прозе: автор начал вести их еще в юности и относился к ним как к важной части своего творчества, тщательно готовя к публикации и перепечатывая рукописные записи на машинке. Его «первым литературным произведением —

¹ Кандидат архитектуры (защитил диссертацию на тему: «О художественном синтезе современной советской архитектуры и монументально-декоративной живописи»), преподавал историю искусств в Ленинградском инженерно-строительном институте (ЛИСИ), доцент.

стихотворением в прозе» — стала именно дневниковая запись (зарисовка о природе 1952 г.) [Алексеев 2014, с. 255]. Незадолго до смерти, в 1986 г., Алексеев упоминает о 600 страницах дневниковой прозы [Алексеев 2017, с. 400]². Для него, автора, напряженно работающего в профессиональном ритме, но не включенного ни в литературный «истеблишмент», ни в группировки самиздата, дневники стали «возможностью высказаться и очертить границы своего поэтического государства» [Алексеев 2017, с. 155].

«Как писать» — постоянный предмет рефлексии на страницах дневника Алексеева. Леонид Андреев — один из его литературных ориентиров и, более того, любимый писатель, о чем сообщается в дневнике неоднократно. Задача настоящей статьи не просто представить дескриптивный сюжет «Андреев и Алексеев», а попытаться ответить на вопрос о причинах интереса поэта, живущего в эпоху советского застоя, к своему предшественнику и осмыслить их в контексте закономерностей развития отечественного литературного процесса.

Архитектор по профессии, Алексеев крайне внимателен к формообразованию, приему в искусстве (хотя он и не пользуется этим понятием формалистов). Поиски стиля и его легитимизация в контексте современной литературы — лейтмотив дневников Алексеева. Он фиксирует свои наблюдения над стилем Пастернака, Платонова, Хлебникова, Цветаевой, Бунина и многих других — и классиков, и современников, в том числе зарубежных, проводя постоянные литературные параллели, выстраивая иерархии и ранжировки писателей. Логически упорядочивая «космос» русской словесности и пытаясь обозначить свое положение в нем, Алексеев предпринимает на страницах своего дневника попытки «классификации писателей» по типу творчества. Какое же место занимает в этих классификациях Андреев?

В записи от 27 апреля 1980 г. Алексеев всю прозу подразделяет на избразительную, куда относит множество западных писателей, а из русских — Толстого, Чехова, Бунина, и концептуальную, идущую от Рабле, Сервантеса, Свифта, Вольтера — к Э. По, Гоголю, Леониду Андрееву и «почти всей серьезной в XX веке» [Алексеев 2017, с. 55]. Несколько лет спустя, в 1983 г., он пишет о двух системах творчества, одна из которых — сочетание «словесной изощренности» и «смысловой скромности» (например, Пастернак), вторая — сочетание «словесной простоты» и «смысловой сложности» [Алексеев 2017, с. 210]. Примера последней не приведено, и логику автор-

² В машинописном виде сохранились дневники 1958–1971, 1977, 1980 гг. Дневники 1982–1987 гг., существовавшие только в рукописном варианте, были расшифрованы А. М. Ельшениным. Дневники других лет не сохранились.

ской мысли приходится реконструировать с помощью других его дневниковых размышлений, в частности, записи 1986 г., где находим классификацию совершенно в духе Белинского, только разомкнутую в словесность XX столетия. Согласно ей, существуют две ветви русской прозы — «пушкинская», лироэпическая (Тургенев, Гончаров, Толстой, Чехов, Бунин), и лично Алексееву более интересная «гоголевская», вставшая у истоков «философско-экспрессионистической прозы» («Достоевский, Лесков, Леонид Андреев, Андрей Белый и далее — Зощенко, Булгаков, Платонов, Бабель, Артем Веселый») [Алексеев 2017, с. 386]. Однако в дневнике рассыпаны высокие оценки представителей не только этой линии, но и «пушкинской», к которой Алексеев, например, причисляет высоко ценимого им Бунина: «Лучшие стилисты в русской прозе XX столетия — Бунин, Андрей Белый, Тынянов, Бабель и Платонов» [Алексеев 2017, с. 395]. Перетасовывая представителей двух направлений и подчеркивая неактуальность Пушкина для своего стиливого самоопределения, автор дневника как будто впадает в противоречие, поскольку строит собственный стиль на пересечении двух систем. Так, он призывает учиться «искусству прозы» у Тынянова («краткость, отточенность, экспрессия», «безукоризненный и подлинно нынешний стиль» [Алексеев 2017, с. 168—169]) и заявляет о превосходстве «изошренности простоты» над «изошренной сложностью», но к последней, как он признается, его тоже тянет [Алексеев 2017, с. 177], и блестящие стилисты вызывают у него восхищение.

Очевидно, деление русских писателей на два крыла импонирует Алексееву как любителю рациональных, стройных форм, однако эта конструкция оказывается искусственной, неадекватной реально существующей «цветущей сложности» словесности. Противоречивость собственных стиливых пристрастий Алексеева объясняется еще и тем, что он не приемлет подражания: «...стоящий поэт не сможет пользоваться чужим известным способом, он должен иметь свой собственный, он должен его создать, изобрести» [Алексеев 2017, с. 183]. Эту мысль можно счесть своего рода декларацией предпринимаемого им родового сближения стиха и прозы, из многословия которой «надо отжимать воду» [Алексеев 2017, с. 18]. Его собственное тяготение к верлибру в связи с этим выглядит как тяготение к стилистически «простой» системе, к «динамике, упругости и немногословию» [Алексеев 2017, с. 19], а «гоголевский», «словесно изошренный» стиль одновременно и вызывает восхищение, и признается лично для него невозможным.

В свете сказанного понятно, что Андреев интересен автору дневника вовсе не стилем. Впрочем, в дневнике сказано об этом открыто: «Любимый мною Леонид Андреев брал не стилем, а поразительной искренностью,

страстностью, обжигающей сердце болью за страдающее человечество» [Алексеев 2017, с. 395].

Андреев постоянно находится в зоне эстетической рефлексии Алексеева, с которой тесно сопряжены его размышления о литературном успехе — применительно к своим предшественникам, современникам, себе самому. Именно в этом контексте Андреев впервые упоминается в записи от 14 августа 1963 г., которая представляет собой своеобразный перечислительный некролог писателям, не оцененным современниками: репрессированным, покончившим с собой, отлученным от читателя, забытым, умершим на чужбине (Андреев — в числе последних). Напомню, что именно ко времени интенсивного ведения дневников Алексеевым происходит «издательская реабилитация» Андреева: во второй половине 1950-х гг. в Гослитиздате массовыми тиражами выходят четыре сборника его прозы и один — пьес. При жизни Алексеева, до 1987 г., появятся еще три десятка книг Андреева, изданных центральными и провинциальными издательствами.

Кстати, дневники Алексеева подтверждают представление о характерном для «оттепельного времени» мощном интересе интеллигентного советского человека к вновь открываемой культуре — как западной, так и своей, «возвращенной»³. Но Алексеев — совершенно особый случай: не имея специального филологического образования и не работая в литературной сфере, он тем не менее далеко не рядовой, а профессиональный читатель. Обширность его читательского тезауруса поражает: он включает западную, восточную и отечественную мировую классику (в переводах), а также литературные новинки и критику — причем речь идет о внимательном чтении, постоянном перечитывании и самостоятельной интерпретации прочитанного. Отзывы Алексеева о книгах тем интереснее, что над ним не довлеют школьные схемы (почти все, кроме отечественной классики, — вне «школьного канона»). Ценность этого своеобразного «читательского дневника» еще и в том, что все наблюдения и заключения проецируются на собственное эстетическое самоопределение, периодизацию которого («этапы» «жизни в литературе») его автор представляет себе в начале 1980-х гг. так:

- «1) Предчувствие творчества (до 1952 года).
- 2) Начало творчества (1952–1960 годы).
- 3) Поиски своего пути (1961–1962 годы).

³ Свидетельство этого — постоянные упоминания об очередях, дефиците книг, билетов в театр и кино, на концерты и выставки. Об этом «аппетите к духовной пище» см. запись от 14 января 1967 г.

4) Обретение своего пути и создание „эталонов“ (1963—1972)» [Алексеев 2017, с. 197].

Если учесть эту рефлексию и сопоставить с тем фактом, что в дневнике упоминания об Андрееве встречаются с 1963 г., то очевидно, что его книги появляются в жизни Алексеева, когда он уже вполне сложился в творческом отношении. Прекрасно разбираясь в западноевропейском искусстве, Алексеев справедливо зачисляет «искреннего», «страстного» и «страдающего за человечество» Андреева в экспрессионисты — и сокрушается (в записи 1985 г.): «Русский экспрессионист Леонид Андреев почти неизвестен миру и мало печатается у нас. Однако Андреев-то писал не хуже Цвейга» [Алексеев 2017, с. 385].

Писательские рефлексии Алексеева многое объясняют в его пристрастии к Андрееву — например, эта запись, от 12 декабря 1980 г., в которой он признается: «Я равнодушен к конкретностям, в том числе и к конкретному человеку. Меня интригует, восхищает и ужасает человек вообще. Мне не дает покоя, меня сбивает с толку и повергает в трепет ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. Отсюда моя слабость к вечным темам: жизнь — смерть, добро — зло, надежда — отчаяние, прошлое — будущее, сон — явь» [Алексеев 2017, с. 144—145].

В том же духе следующие записи: «Писать нужно о самом главном, о самом-самом» (от 30 декабря 1980 г.) [Алексеев 2017, с. 155]; «С детства волновало меня все величественное и беспредельное» (запись 1983 г.) [Алексеев 2017, с. 258]; «Таинственный человек в таинственном мире — вот формула моего творчества и в живописи, и в литературе» (запись 1986 г.) [Алексеев 2017, с. 403].

Завороженность смертью и восхищение перед жизнью, пожалуй, самая главная антитеза, «доставшаяся в наследство» Алексееву от его предшественника. В 60-е гг. молодой поэт создает поэму о блокаде «Жар-птица», где смерть является героям в виде простой, уставшей от будничной работы женщины в ватнике. Поэма неоднократно была отвергнута несколькими журналами, поскольку, как написал один из редакторов, тема смерти не может заинтересовать советскую периодику. Затем в усеченном виде она все же была опубликована. Как видим, советской идеологией и официальной соцреалистической эстетикой отторгаются темы и приемы, которые были созвучны эпохе на рубеже XIX—XX вв. Именно они тогда и принесли громкую славу Андрееву.

Персонификация нематериального, потустороннего, незримого (душа, смерть, ангелы и черти как их персонификации и т. п.) — примета и дневников, и поэтического мира Алексеева, восходящая, конечно, к его миро-

ощущению⁴. Неудивительно, что поэта так занимает разработка этой темы в искусстве, в том числе Андреевым. Об этом следующая дневниковая запись от 23 июня 1965 г.:

«Толстой примиряет читателя с „бренностью“. Смерть у него мудрая, светлая и непобедимая.

Тургенева смерть печалит, но не пугает. Она у него сладостная, томительная.

Леонида Андреева смерть ужасает, мучает своей непостижимой жестокостью и нелепостью. Он мечется в поисках спасения, в поисках лазейки. Разумеется, не находит и приходит в отчаянье.

Бунин понимает, что борьба бесполезна и выхода нет, но не может сдаться, не может не выразить свое удивление и отвращение смертью.

У Андрея Платонова смерть простая, крестьянская, суровая. О ней не говорят, но все знают, что она есть, что она обязательно навестит каждого, и тут уж ничего не поделаешь.

У Хемингуэя такая же смерть» [Алексеев 2014, с. 152]⁵.

В этом же году Алексеев перечитывает «Жизнь Василия Фивейского» и, проецируя судьбу героя на свою жизнь, в записи от 18 февраля 1965 г. размышляет о контрасте между ее внешним благополучием и «томлением духа», которое является следствием не биографии («У меня нет личных счетов с жизнью» [Алексеев 2014, с. 136], а интеллекта и совести. То же ощущение у него возникает при перечитывании рассказа «Жили-были»: «За 30 лет до моего возникновения Леонид Андреев смотрел на мир моими глазами и моя озадаченная жизнью душа уже томилась в его теле» (запись от 22 апреля 1980 г.) [Алексеев 2017, с. 53]. Несколько лет спустя, в 1984 г., он пишет: «Великий писатель. И совершенно, совершенно мое ощущение мира» [Алексеев 2017, с. 298].

На протяжении многих лет Андреев «не отпускает» Алексеева-читателя, и он вписывает андреевских героев в интеллектуальный дискурс, предлагая зачастую неочевидные и «далековатые» сближения. Так, в одной из записи

⁴ См., например, дневниковую запись от 3 сентября 1967 г.:

«В детстве и отрочестве я, разумеется, был бессмертен.

Пришла юность. Смерть вышла из-за угла и улыбнулась мне жуткой своей улыбкой. Я испугался и понял, что надо бежать. Я бежал долго и наконец перешел на шаг. — Кажется, она отстала! — подумал я и увидел перед своим лицом ее оскал. Стало ясно, что бежать бесполезно.

Теперь мы идем с нею рядом. От нее несет холодом, как из погребка, поэтому у меня все время насморк.

Но в ее улыбке, как ни странно, есть что-то детское» [Алексеев 2014, с. 261].

⁵ Ср. с записью от 22 апреля 1980 г.: «Только два писателя во всей русской литературе знали подлинную цену смерти — Бунин и Андреев» [Алексеев 2017, с. 53].

сей 1966 г. «Жизнь Василия Фивейского» сравнивается с только что прочитанной повестью Б. Можая «Из жизни Федора Кузькина», а «Мысль» встраивается в историю экзистенциализма: «Убийца доктор Керженцев — предшественник убийцы из „Постороннего“ Камю, а предшественник Керженцева — убийца Раскольников» (запись от 1986 г.) [Алексеев 2017, с. 299]. Некоторые параллели включают и самого автора дневника: «Апухтин — скептик, пессимист и стихийный экзистенциалист. Он духовный предок Леонида Андреева, а стало быть, и мой духовный предок» (запись от 1986 г.) [Алексеев 2017, с. 416]; «За Леонидом Андреевым все время видится мне и другая гигантская фигура, другой мой духовный родственник — Врубель» (запись от 1984 г.) [Алексеев 2017, с. 300].

Вера / безверие — другой объединяющий Андреева и Алексева интерес, неотъемлемый от «вечной темы» о смерти / бессмертии. В связи с этим примечательна одна из ранних (от 19 мая 1962 г.) дневниковых записей Алексева: «Если бы я родился лет 60 назад, я был бы очень религиозным человеком» [Алексеев 2014, с. 44]. Здесь поражает следующий факт: годы рождения двух героев статьи разделяет 61 год. В то же время Алексеев размышляет: «Вряд ли Леонид Андреев был всерьез религиозен. Но в прозе его то и дело попадаются священники. Оттого, наверное, что они по роду своих занятий близки к тайнам бытия, близки к абсолюту» [Алексеев 2017, с. 457]. Его самого эти тайны крайне занимают, и целый ряд дневниковых записей посвящен осмыслению атеизма, который, с его точки зрения, есть «признак старости человечества» (запись от 29 января 1965 г.) [Алексеев 2014, с. 132]. Религиозное чувство, считает он, оплодотворяло все великие начинания человека, в том числе в искусстве, и вся творческая деятельность человечества в конечном счете направлена на преодоление смерти. Чтение апологета атеизма К. Ламонта и размышления о современном научно-техническом прогрессе Алексеев сопровождает ремарками о бесплодности скепсиса и нравственном одиночестве человека, забывшего о своей «сверхматериальности» и утратившего «иллюзию бессмертия». Характерно, что эти его записи заканчиваются знаками вопроса, и само это вопрошание и эта потребность в религиозном чувстве, несомненно, роднят его с Андреевым. Как роднят их пессимизм, вырастающий из утраты опоры в религии, и вера в человека, вынужденного находить опору в себе: экзистенциальные мотивы, многократно отмеченные в мировоззрении Андреева, явственно звучат в дневнике Алексева.

Примечательно, что один из лейтмотивов дневников Алексева — образ «ужаса при дверях», который, как известно, был порожден Блоком именно применительно к художественному миру Андреева. «Кошмары нашего вре-

мени находят достойное выражение лишь в гротеске, в абсурде, в безумном сюрреализме» (запись от 11 ноября 1982 г.) [Алексеев 2017, с. 193], — размышляет автор дневника о трагедийности XX столетия⁶. В этом же контексте и его сомнения в «правомерности» «ужасов в искусстве», связанные как с общей проблемой преодоления «неудобного» материала средствами искусства, так и с собственной поэмой «Жар-птица», с трудом пробивавшейся к публикации. Не случайно в связи с этим он упоминает книгу о Хиросиме японских художников Ири и Тосико Маруки, решавших аналогичную проблему на материале ужасов ядерной катастрофы. А полстолетия назад эта же проблема занимала Леонида Андреева, пытавшегося рассказать об «ужасах войны» в «Красном смехе» и предполагавшего иллюстрировать его гравюрами Гойи, как позже сделают это в книге о Хиросиме Маруки, только собственными рисунками. Нельзя не вспомнить, что ирония Алексеева как «способ приобщения к ужасу» (см. запись 1983 г.) [Алексеев 2017, с. 221—222] — одна из любимых стратегий Андреева, который с помощью иронии и гротеска преодолевал абсурд и ужас бытия.

Как и Андреев, Алексеев не отделяет социальные ужасы от метафизического зла, усматривая в человеческих бедах частные проявления непознаваемой, стихийной и враждебной силы, которую можно ощутить на подсознательном уровне. Пытаясь объяснить эмоционально-духовную природу своей личности, он пишет об этом в дневнике 30 марта 1965 г.:

«Великий Ужас окружал мое детство, мое отрочество, мою юность. Окружал, но не касался меня. И я не знал о нем почти ничего, так же как и миллионы других людей, живших рядом.

Но некие невидимые флюиды неведомой мне трагедии каким-то образом оседали в моем существе. Мне было дано свыше подсознательно ощущать творимое вокруг меня зло. И это ощущение сформировало мою душу, стало неизменной темой моих „высших переживаний“.

Отсюда моя тревога и вечный страх» [Алексеев 2014, с. 164].

«Великим Ужасом» он, человек поколения 30-х гг., называет эпоху сталинизма, в которую был рожден. Горькое признание того, что его удел — пассивная созерцательность, сквозит во многих дневниковых записях Алексеева (в одной из них он даже сравнивает себя с покойником, который выглядывает из гроба с любопытством к окружающему. Если поддержать алексеевскую ассоциацию сталинизма с Великим Ужасом, то напрашивается и другая: уже более «вегетарианского» брежневского застоя — с гротеском.

⁶ Ср. с записью 1967 г. о том, что эстетика ужаса в фильме «Кабинет доктора Калигари» устарела, выглядит картонно, поскольку все абсурды «стали абсурднее».

В этом смысле не случайно дневниковая запись от 11 ноября 1982 г. о трагедийности в XX веке начинается сообщением о смерти Брежнева [Алексеев 2017, с. 193] — контекстуальные связи здесь легко восстановимы, а пессимистическая интонация автора вполне органична в атмосфере полудозволенности и недосвободы.

В сущности, и проблему безверия современного человека Алексеев ставит не только абстрактно, но и социально конкретно: дневники его пестрят сценками из жизни людей, потерявших прежние нравственные ориентиры и не нашедших новые, картинами полуразрушенных церквей и монастырей (его впечатления от поездок по старинным русским городам), наводящими на мысль о богооставленности России. Вероятно, отсюда его тяга к эпохе начала века, в которой ему страстно хочется если не жить, то чудесным образом оказаться: в романе «Зеленые берега» он, мешая временные слои, переносит действие в 1908⁷ и 1913 гг. и любовно реконструирует дома, моды и вещи в стиле модерн, в «реабилитации» которого он был одним из пионеров. Время Леонида Андреева Алексеев ощущал как более близкое и понятное, чем свое собственное. Так, в 1984 г., работая над романом и изучая в Публичной библиотеке подшивки за упомянутые годы, он наталкивается в «Современном мире» на рассказ Леонида Андреева «Он. Рассказ неизвестного» и так описывает свои впечатления от встречи с любимым писателем:

«Какая находка! Ведь это тот самый рассказ, в котором упоминается дача Воронина! Я даже не пытался искать его! Рассказ сам напомнил мне о себе, сам себя мне предлагает!

Начинаю читать, увлекаюсь, прочитываю рассказ запоем. Он жуткий, мистический, почти сюрреалистический. Действие происходит на той самой даче и в парке, ее окружающем, который теперь мне хорошо знаком. Рассказ написан в форме дневника, и — поразительно! — даты в точности совпадают со временем моего неудачного лечения в чернореченском санатории! И погода в рассказе точно такая же! Так же сыро, туманно и тягостно! И так же выглядит парк! И так же выглядит серое небо. И такое же полузамершее пустое, бесконечно тоскливое море. Нет, все это невероятно! И то, что рассказ мне попался, и то, что он такой страшный, и все эти необъяснимые пугающие совпадения!» [Алексеев 2017, с. 287].

Дача Воронина, которую упоминает здесь Алексеев, — известный памятник деревянного зодчества в стиле модерн — была выстроена в 1909 г. архитектором П. П. Буком на берегу Финского залива, неподалеку от дома

⁷ Интересно, что 1908 г. — время максимальной творческой активности Андреева и его успеха.

Леонида Андреева. Алексеев, переживший в начале 80-х гг. инфаркт, лечился в кардиологическом санатории на Черной речке, который и ныне находится рядом с местом андреевского дома, и хорошо знал воронинскую дачу, описанную в рассказе «Он» (она сгорела только в начале 90-х гг., уже после смерти поэта). К этому времени Алексеев уже был хорошо знаком не только с творчеством Андреева, но и с обстоятельствами последних лет его жизни — и воспринимал эти места именно как «андреевские». «Наконец-то я нашел кладбище, на котором был похоронен Леонид Андреев» [Алексеев 2017, с. 241], — напишет он во время своего пребывания в санатории на Черной речке в 1983 г., имея в виду место первого захоронения писателя; Андреева вспоминает он, стоя здесь на берегу залива [Алексеев 2017, с. 251]. Безусловно, в этой «срифмованности» своей судьбы с судьбой любимого писателя Алексеев с его склонностью прозревать в обыденном метафизическое усматривал особый смысл.

Эта поразительная «срифмованность» дает о себе знать и в начале биографий героев статьи. Она связана с Орлом — родным городом Андреева, в котором во время войны Алексеев еще ребенком находился в эвакуации. За два года до смерти он делает в своем дневнике примечательную запись: «Орловско-Брянские земли подарили России множество талантов: Тютчев, Тургенев, Фет, Лесков, Бунин, Андреев. И Настя моя (Анастасия Вяльцева, главная героиня романа «Зеленые берега». — Г. Б.) здесь родилась. Еще будучи отроком, прожил в Орле 4 месяца⁸. И месяцы эти остались в моей памяти навсегда. Все собираюсь съездить в Орел...» [Алексеев 2017, с. 357].

Можно было бы припомнить родство двух писателей и на уровне некоторых жизненных обстоятельств — например, смерти отца, ставшей для обоих экзистенциальным переживанием. Андреев потерял отца 18-летним юношей, впервые лицом к лицу столкнувшись со смертью (об этом во многом автобиографичный рассказ «Весной» (1902)). Алексеев, подробно описывая в дневнике смерть отца, чуть позже, 12 марта 1965 г., признается в ее лично-экзистенциальном смысле («вспышка», «тупик», «стена»).

Наконец, можно говорить о психофизиологической, духовной и человеческой близости Андреева и Алексева⁹, которая, возможно, и есть истинная причина тяготения поэта советской эпохи к писателю Серебряного века.

⁸ Детским воспоминаниям, связанным с Орлом, посвящены страницы дневника за 1980 г. [Алексеев 2017, с. 21, 41].

⁹ Строго говоря, Андреев был близок Алексеву именно как человек, а не как писатель, если учитывать его представление о соотношении формы и содержания: «Содержание — это не писатель, а человек. Писатель — это форма, художество. Содержание без формы не литература, а форме требуется минимум содержания» [Алексеев 2017, с. 307].

«Тоска питает мое творчество», — констатирует Алексеев за несколько лет до смерти, как мог бы сказать о себе Леонид Андреев (и тоже говорит на страницах своего позднего дневника). Родственность переживаний и рефлексий двух писателей находит выражение в родственности их интонаций и даже риторики. Воспоминание Алексеева об унылом колокольном звоне на базарной площади в Старом Крыму: «В этой равномерности какая-то предельная безнадежность и покорность: нет никакого выхода, так было и так будет» (запись от 16 января 1967 г.) [Алексеев 2014, с. 247] — переключается с рефреном рассказа Андреева «Так было» (1905). Самохарактеристика Алексеева: «Я актер, играющий перед пустым залом...» (запись от 1980 г.) [Алексеев 2017, с. 15] — свернутая формула андреевской пьесы «Реквием» (1917). Наконец, для обоих насущной, даже экзистенциальной проблемой на страницах дневников становится востребованность современниками, успех¹⁰. Знаменитый писатель начала XX в. Леонид Андреев жалуется на упадок славы и отвернувшегося от него читателя, а скудно печатающийся и мечтающий о публикации своих стихов Геннадий Алексеев вопрошает: «Где же мой читатель?» (запись от 1980 г.) [Алексеев 2017, с. 43]. Сюжетный нерв его романа «Зеленые берега» связан с поворотами судьбы художника и певицы на пути к успеху у современников, их жаждой «поклонения» (так называется картина героя).

Здесь уместно отметить неслучайность интереса Алексеева к живописи символистов: он признается в любви к Пюви де Шаванну и Рериху (запись от 1986 г.) [Алексеев 2017, с. 387], Врубелью. Сам он был талантливым художником, и его картины встраиваются в художественную традицию, восходящую к фигуративной живописи с метафизическим подтекстом. Их можно расценивать как ленинградскую версию неоавангарда: это попытка побега из реальности, вдохновленная верой в преимущество детского взгляда на вещи сознательная деформация реальности в духе примитивизма и обнажения ирреальных сущностей. Переноса нас в таинственную атмосферу города вне времени и пространства, характерную для сновидений, картины Алексева близки «метафизической живописи» Д. де Кирико, а их герои — схематичные, стилизованные, без лиц, сродни «манекенам» Р. Магритта. Можно предположить, что Алексеев был знаком с западноевропейским живописным неоавангардизмом, но вряд ли он намеренно следовал этой традиции. И конечно, можно только сожалеть, что Алексеев не имел возможности

¹⁰ О том, что Леонид Андреев тоже не был безусловно оценен современниками, Алексеев вполне мог предполагать — судя по его записи о том, что его не понимал И. Анненский (запись 1984 г.) [Алексеев 2017, с. 266].

увидеть рисунки Леонида Андреева, которые тоже в высшей степени метафизичны и отмечены символизмом [Боева].

В последние годы жизни интерес к Андрееву у Алексеева сохраняется: в 1984 г., находясь в Доме творчества писателей в Комарове, он вновь перечитывает андреевские произведения — с большой симпатией к автору [Алексеев 2017, с. 297]. Дневник Алексеева хранит и свидетельства того, что он прекрасно представляет зримый облик любимого писателя (меткое наблюдение о том, что Андреев похож на А. Доде: [Алексеев 2017, с. 436]) и подробности его биографии: «Обе жены Леонида Андреева были женщинами черной масти. Первая жена была украинкой, вторая — еврейкой. Вероятно, это оттого, что сам Андреев был мужчиной черной масти и смахивал на красивого цыгана. В этой чернявости таилось что-то манящее-зловещее, что-то от преисподней, как и в его творениях» [Алексеев 2017, с. 429]. В последний год жизни Алексеев записывает: «Не с кем поговорить. Поговорил бы с Гейне или Джоном Рескиным, поболтал бы с Врубелем или с Леонидом Андреевым» [Алексеев 2017, с. 388]. В это же время он задумывает свой третий роман, в котором намерен «попрощаться с классикой», и в перечислительный ряд классиков включает Леонида Андреева [Алексеев 2017, с. 392–393]. А в очередном своем «списке авторитетов» среди самых видных прозаиков XX в., помимо зарубежных, называет Чехова, Бунина, Андрея Белого и Леонида Андреева [Алексеев 2017, с. 444].

Если вспомнить о хорошо известной дружбе-вражде Леонида Андреева и Максима Горького и представлении о двух линиях развития отечественной литературы в XX в.: «идейной», «рациональной» (соцреализм) и «метафизической», наследующей модернизму, — то, безусловно, Геннадия Алексеева следует отнести к последней¹¹. Прямое подтверждение этому найдем как в стихах и прозе Алексеева, так и в его дневнике: 5 апреля 1968 г. он оставляет подробную запись о праздновании 100-летнего юбилея Горького, где рассказывает о своем увлечении ранними романтическими красками Горького, неприятии культа писателя как классика соцреализма, осуждает бедность философии его героев и, наконец, возмущается высказываниями мэтра о декадентах. Цени эстетизм превыше гражданственности, Алексеев завершает этот дневниковый пассаж многозначительной характеристикой фигуры Горького на углу Кронверкского и Каменноостровского проспектов: «Она несколько велика для этого места» [Алексеев 2014, с. 247].

¹¹ Ср. с записью 1980 г.: «Идеи должны писать литературу, но не подавлять ее. Русская словесность уже два столетия изнемогает под бременем общественных идей. Невозможно представить себе вполне безыдейного русского писателя. Но каковы же идеи моего творчества?» [Алексеев 2017, с. 43].

Размышления Алексеева о писательской судьбе Андреева в контексте творчества самого автора дневников, существующего в годы застоя в условиях полупризнания, проецируются на его собственную жизнь в литературе. Декларация универсализма, обращенность к основам человеческого бытия, пристрастие к антитезам, умение прозревать сквозь повседневность мистическое и ирреальное, «недоумение перед бытием» и настойчивое задавание вопросов — все это делает Алексеева одним из последователей Леонида Андреева. Как видим, автор «Жизни Человека» не создал своей школы, но, оставив в литературе заметный след, стал ориентиром для писателей, преодолевавших соцреализм.

Дневники Г. Алексеева — и как свидетельство о времени и ленинградском литературно-художественном пространстве «оттепели» и «застоя», и как лаборатория авторского стиля — заслуживают внимания не только в «андреевском» контексте. Феномен стиха и прозы Алексеева — часть позднесоветской эпохи, когда жизнь, освобожденная от омертвевших идеологических догм, стала подлежать не объяснению, а описанию. Пафос переделки человека угас, и поэзия Алексеева — попытка редукции всего советского, грустная фиксация того, что человек остается верен себе на любых поворотах истории. Даже сюжет «путешествия во времени», реализованный в его романе «Зеленые берега», — об этом: чудовищно несовременный писатель уносится воображением в первое десятилетие XX в., где встречается любовь, вдохновляющую на творчество.

Автор дневников предстает перед нами как «непризнанный» / «полупризнанный» литератор, стремящийся запечатлеть жизнь «с натуры», ведь больше «и идей нет, и меняться нечему» [Генис, с. 17]. Есть человек в наготу проявления его человеческого — отсюда тяготение Алексеева к универсальному, вечному, вневременному, что роднит его с Андреевым. Все более явный в эпоху застоя провал «советского проекта» выводит из тени полужабытого Андреева, и актуальность его художественных стратегий в глазах Алексеева, прекрасно знакомого с современным западным искусством, подтверждается и прозой французских экзистенциалистов, и сюрреалистическим искусством, и разнообразными экспериментаторскими практиками в кинематографе.

Андреев писал в другую эпоху — еще предполагавшую многоцветье стилей и направлений и свободное эстетическое самоопределение. Затем, в советское время, происходит стилевая унификация, и выработка собственного пути в искусстве стала уделом одиночек. И чем больше новаторства являл на этом пути автор, тем с большими сложностями в признании со стороны «истеблишмента» он сталкивался, как Алексеев с его верлибром.

Соблазнительно увидеть в застывшем времени, воссоздаваемом на страницах дневника Алексеева, и в меланхоличной интонации, свойственной его стихам и прозе, отражение атмосферы и духа позднесоветского застоя, в период которого выпало жить поэту.

Литература

- Алексеев 2014 — Алексеев Г. И. Дневники // Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб.: Геликон Плюс, 2014. 446 с.
- Алексеев 2017 — Алексеев Г. И. Дневники // Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб.: Геликон Плюс, 2017. 491 с.
- Боева — Боева Г. Н. «Изобразительный гипноз» Леонида Андреева: о вербальном и визуальном в творчестве писателя // Художественная антропология Серебряного века: Материалы междунар. науч. конф. «Литературные чтения» (20–21 окт. 2017 г.). СПб.: [б. и.], 2017. С. 25–31. (Труды СПбГИК; Т. 215).
- Генис — Генис А. А. Довлатов и окрестности: Филологический роман. М.: Вагриус, 2001. 288 с.
- Стихи и проза — Стихи и проза Геннадия Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского Дома / Публ. А. М. Мирзаева, Ю. Б. Орлицкого, М. В. Родюковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 гг. / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 809–856.

References

- Alekseev, G. I. (2014). *Dnevnik. Neizvestnyi Alekseev: Neizdannaya proza Gennadiya Alekseeva*. Saint Petersburg: Gelikon Plyus. 446 p.
- Alekseev, G. I. (2017). *Dnevnik. Neizvestnyi Alekseev: Neizdannaya proza Gennadiya Alekseeva*. Saint Petersburg: Gelikon Plyus. 491 p.
- Boeva, G. N. (2017). "Izobrazitel'nyi gipnoz" Leonida Andreeva: o verbal'nom i vizual'nom v tvorchestve pisatelya', in: *Khudozhestvennaya antropologiya Serebryanogo veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Literaturnye chteniya" (20–21 okt. 2017 goda)*. Saint Petersburg: [s. n.], 25–31. (Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury; Vol. 215).
- Genis, A. (2001). *Dovlatov i okrestnosti: Filologicheskii roman*. Moscow: Vagrius. 288 p.
- A. M. Mirzaev, Yu. B. Orbitskii, M. V. Rodyukova, eds. (2007). 'Stikhi i proza Gennadiya Alekseeva v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gody*. T. S. Tsar'kova, ed. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 809–856.

С. А. Ипатова

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ В. Р. ВАВРИКА
«„ДВЕНАДЦАТЬ“ АЛЕКСАНДРА БЛОКА»

Резюме

В статье излагается биография Василия Романовича Ваврика (1889–1970), известного русинского литератора и подвижника карпаторусского национального движения, принадлежавшего к этническому меньшинству русинов (руснаков), коренных жителей Карпатского региона, считавших себя потомками древнерусской народности. С началом Первой мировой войны в Прикарпатье с целью ликвидации русинского движения начался массовый террор против русинов, подозреваемых в симпатиях к России, к русской культуре. Ваврик за проповедь общеславянского единства оказался среди узников в застенках австрийских концлагерей Терезина и Талергофа. Впервые публикуется статья Ваврика о поэме А. Блока «Двенадцать». Автор не пытается критически осмыслить поэму как художественное произведение, скорее, это связанные с историческим моментом публицистические размышления русинского поэта, не принявшего Октябрьскую революцию и власть большевиков.

Ключевые слова: В. Р. Ваврик, И. С. Орлай, Карпатский регион Украины, этническое меньшинство русины (руснаки), Россия как историческая родина, Первая мировая война, трагедия русинского народа, поэма А. Блока «Двенадцать», интеллигенция и народ

Svetlana A. Ipatova

"THE TWELVE BY ALEXANDER BLOK"
THE UNKNOWN ARTICLE BY VASILY R. VAVRIK

Abstract

This article presents a biography of Vasily Romanovich Vavrik (1889–1970), a famous Rusyn writer and a partisan of the Carpatho-Rusyn national movement in the Austro-Hungarian Empire. Vavrik belonged to the national minority of Rusyn (Rusnak), indigenous inhabi-

© С. А. Ипатова, 2021

tants of the Carpathian region, who consider themselves descendants of the Old Russian nationality. With the outbreak of the First World War, the Austro-Hungarian monarchy set out to liquidate the Rusyn movement and began a massive persecution of the Rusyns suspected of sympathizing with Russia and Russian culture. For his defense of Slavic unity, Vavrik was imprisoned in the Austrian concentration camps Terezin and Talerhof. The biography is followed by the first publication of Vavrik's article about Alexander Blok's poem *The Twelve* (1918). In his article, Vavrik does not attempt to critically consider the poem as a work of art. Rather, his text presents journalistic reflection produced at a specific historical moment by the Rusyn poet who did not accept the October Revolution and the Bolshevik power.

Keywords: Vasily R. Vavrik, I. S. Orly, the Carpathian region of Ukraine, national minority of Rusyn (Rusnak), Russia as a historical homeland, World War I, tragedy of the Rusyn people, Alexander Blok's poem *The Twelve*, intelligentsia and the people

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-110-132

В фонде РНБ хранится рукопись статьи «„Двенадцать“ Александра Блока» (1920), принадлежащая перу Василия Романовича Ваврика (1889—1970). Это одна из ранних филологических работ литератора, известного впоследствии русинского поэта, прозаика, историка, публициста, общественного деятеля, подвижника карпаторусского национального движения. Как поэт Ваврик известен несколькими поэтическими сборниками (писал на русском литературном языке и этнолекте родного села), как прозаик опубликовал несколько рассказов и повестей, как ученый-славист получил известность многолетним изучением и переводом «на галицко-руську народну мову» «Слова о полку Игореве» (1937) [Слово о полку Игореве; Ваврик 1930а]¹. Обширный перечень наиболее известных научных, научно-популярных, филологических и исторических трудов Ваврика составлен Р. Д. Мировичем [см.: Ваврик 1973, с. 8—9].

Непростая судьба Ваврика была определена его происхождением. Родился в семье галицких крестьян в селе Яснище Бродовского уезда (Австро-Венгрия; современная Львовская обл., Украина) и принадлежал к имеющему славянскую этничность национальному меньшинству русинов (руснаков), карпатороссов, коренных жителей Карпатского региона (Карпатороссия, главный город — Ужгород), считающих себя потомками древнерусской народности, исторически и исконно проживавшей в Западной Украине, в При-

¹ По мнению автора статьи о Ваврике в Энциклопедии «Слова о полку Игореве», перевод ученого «имеет невысокий художественный уровень», что обусловлено недостаточным знанием «живого украинского языка» и отсутствием «навыков литературной работы» [Пинчук, с. 178].

карпатье и Галичине [см.: Пашаева 2007; Суляк 2008а, с. 7–34]². Историческую миссию России карпатороссы видели в присоединении Прикарпатской Руси. Впервые тема оторванности от исторической родины, брошенности русинского населения Прикарпатья как части русского народа была поднята в России в сочинениях уроженца Карпатской Руси, русина Ивана Семёновича Орлая (1771–1829), придворного врача, лечившего императоров Павла I и Александра I, историка, сторонника воссоединения всех славянских земель с Россией, литератора, педагога, директора Нежинского лицея кн. Безбородко, повлиявшего на формирование славянофильских взглядов Н. В. Гоголя, см.: [Виноградов 2014, с. 202–205; Виноградов 2005, с. 14–57]³. В 1804 г. в петербургском журнале «Северный вестник» Орлай опубликовал статью «История о Карпато-Россах, или О переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся», в которой обосновывал принадлежность коренного населения Карпатороссии к русскому народу [Орлай 1804, ч. 1, т. 2, № 9, с. 158–172, 261–276; ч. 3, с. 265–294; републ.: Свенцицкий, с. 56–83].

Статья привлекла внимание Н. М. Карамзина, сославшегося на это сочинение в «Истории государства Российского» (Т. 1, гл. 5). Позже в статье-письме «О Юго-Западной Руси» (1826), посланной в Общество истории и древностей российских при Московском университете, Орлай привел обширные доказательства русскости карпатороссов, «природных» русских: в Карпатских горах «обитает 700 тысяч русских, известных под именем *карпаторусских жителей* (...) Сии карпаторусские жители, несмотря на древность своего переселения, удержали доселе имя *русских*, или русинов, древнейшее название русского народа», и, находясь «в продолжении многих веков под угорским правлением, сохранили и донныне приверженность

² Этнонимическое название «русин» стало доминирующим, заменив термин «карпаторосс»; встречается в литературных памятниках X–XII вв. На Украине этнос «русины» продолжает рассматриваться как не имеющая этнической самостоятельности этнографическая группа в составе украинской нации. Как отдельный этнос русины официально признаны национальным меньшинством в Словакии, Польше, Венгрии, Чехии, Румынии, Молдавии, Хорватии и Сербии, см.: [Дуличенко, с. 20–29; Нам, Наумова, с. 126–142]; см также: [Неменский, с. 149–174].

³ Ведущий специалист по Гоголю И. А. Виноградов пишет о вкладе Ваврика в науку о писателе: «Именно русинам, или карпатороссам, в первую очередь принадлежит заслуга в понимании славянофильской составляющей творчества Гоголя. Характерно, что за границей именно в Галиции „Тарас Бульба“ стал впоследствии наиболее популярным произведением русской классики и неоднократно издавался без перевода. Именно галичанами был глубоко воспринят объединительный пафос гоголевской повести и услышано ее „песенное начало“. В частности, галицким профессором Василием Романовичем Вавриком (...) была написана работа „Народная песня в повестях Н. В. Гоголя“» [Виноградов 2012, с. 20–27].

к православно-католической вере и язык русский» [Орлай 1826, с. 225]⁴. Именно русскому языку Орлай отводил объединительную роль среди славянских народов: «Россиянин с одним Славяно-Русским языком может пройти от Петропавловского на Восточном берегу Камчатки порта <...> до Балтийского моря, отселе чрез Польшу в Австрийскую Монархию, где находится более четырнадцати миллионов Славян — с лишком две трети подданных сей Империи; оттуда вниз до Рагаузы (ныне Дубровник в Хорватии), Венеции и даже до конца берегов Адриатического моря, не говоря уже о южных странах России, об Украине, Малороссии, о жителях берегов Черного, Азовского и Каспийского морей...» [Орлай 1825, с. 323–324; цит. по: Виноградов 2012, с. 24]. Ваврику, безусловно, были известны работы по истории карпатороссов выдающегося деятеля русинского просвещения Орлая.

С началом Первой мировой войны в Прикарпатье начался массовый террор против русских галичан, подозреваемых в симпатиях к России, к русской культуре, с целью ликвидации русинского движения, см.: [Ваврик 1930b; Пашаева 2007, с. 140–149; Суляк 2006, с. 46–65; Шевченко, с. 13–24]. Ваврик, студент юридического факультета Львовского университета, за проповедь общеславянского единства оказался среди узников в застенках австрийских концлагерей Терезин (Северная Чехия), а затем Талергоф (под Грацем, Австрия), первых концентрационных лагерей для русофилов (москвофилов) в Европе, предшественников фашистских Освенцима и Бухенвальда; позже об ужасах этих тюрем и геноциде прикарпатских русских Ваврик написал книгу «Терезин и Талергоф», переведенную на многие языки мира [Ваврик 2007; Суляк 2008b, с. 69–75].

Осенью 1915 г. как узник он был мобилизован в австрийскую армию. Вскоре на итальянском фронте в Альпах Ваврик был взят в плен. Благодаря вмешательству российского посла в Италии М. Н. фон Гирса был освобожден (1917); перебрался во Францию, где вступил в русский Экспедиционный корпус французской армии, воевавший против немцев. Перед Октябрьской революцией оказался в Петрограде, см.: [Пашаева 2007, с. 145–146]. Власть большевиков он не признал и с началом Гражданской войны вступил в Южнорусскую Добровольческую армию, опорным пунктом которой был Ростов-на-Дону (май 1918 — январь 1920). В чине капитана с марта 1918 г. возглавил сформированный в Ростове-на-Дону Карпаторусский отряд, принимавший участие в начале 1920 г. в составе армии барона П. Н. Врангеля в обороне Крыма от наступления Красной армии. В своих воспоминаниях

⁴ Подробнее об Орлае и его просветительской деятельности см.: [Байцура; Николаенко, с. 158–168; Пашаева 2008, с. 130–132].

о деятельности отряда Ваврик писал: «Революция расшатала устои, величие и славу Русской империи. Строительство новой, единой Руси начала Добровольческая армия во главе с известными патриотами — генералами Алексеевым, Корниловым, Марковым и Деникиным. Веря тогда в возможность победы над большевиками, Совет Прикарпатской Руси в Ростове-на-Дону считал необходимым иметь в рядах Добровольческой армии свой собственный отряд» [Ваврик 1923, с. 2].

После разгрома армии Врангеля Ваврик эвакуировался в Сербию, откуда переехал вначале в Ужгород, а затем в Чехословакию (1921), к которой на правах автономной области в составе республики присоединилась Подкарпатская Русь (предварительное название нового славянского государства было Русинско), см.: [Егорова, с. 198–210]. После окончания философского факультета Пражского Карлова университета со степенью доктора (1922–1926) вернулся во Львов, служил в старейшем учреждении галицких русофилов Ставропигийском институте (1927–1939); после присоединения Западной Украины к СССР в 1939 г. преподавал славянскую филологию во Львовском университете (1939–1944); во время Великой Отечественной войны участвовал в деятельности советского антифашистского подполья. После войны преподавал, работал научным сотрудником Львовского исторического музея (1944–1951). Умер в июле 1970 г., похоронен на Лычаковском кладбище Львова, в «Гробнице галицко-русских писателей» [Шлепечкий, с. 10–13; Аристова, с. 143]⁵; см. также: [Баринев, с. 239–273].

Обширный архив Ваврика (ценный источник по истории русинского движения в Австро-Венгрии) хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁶. В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранится статья ученого «Кто такая Эллис в „Призраках“ И. С. Тургенева?» (1919), которая недавно была опубликована [Ваврик 2020, с. 326–336]. Высокую оценку в современной науке о Гоголе получила работа Ваврика «Народная песня в повестях Н. В. Гоголя», см.: [Ваврик 1927, с. 134–142; Виноградов 2012, с. 20–27].

Возможно, работа Ваврика «„Двенадцать“ Александра Блока», написанная в год сорокалетнего юбилея поэта, была подготовлена им для какого-то русскоязычного чехословацкого издания, но по неизвестной причине публикация не состоялась. Не исключено, что статья писалась в стенах Коммерческой академии в Праге, поскольку на титуле тетради с текстом значит-

⁵ См. также публикацию части рукописи автобиографических очерков Ваврика «На закате гаснущих дней» (воспоминания о семье) [Ахременко, с. 83–89].

⁶ ОР РНБ. Ф. 1081 (личный фонд В. Р. Ваврика). 1311 ед. хр.; описание архива см.: [Ахременко, с. 83–89].

ся: Vasilij Romanovič Vavrik. «Двенадцать» А. Блока. 1920 г. Československá akademie obchodní v Praze⁷. Известно, что годом позже Ваврик поступил в Пражский Карлов университет, академический центр русской эмиграции. Следует заметить, что статья, датированная автором 1920 г., позже дополнялась, о чем свидетельствует приведенная Вавриком ссылка на статью Е. Н. Чирикова «О прозрениях Ф. М. Достоевского», вышедшую в Праге в 1922 г. [Чириков, с. 41–46]; републикацию см.: [Михайлова, Назарова, с. 199–205]. Более того, рассуждения Ваврика о революции и Гражданской войне как катастрофе напрямую соотносятся с основными положениями цитируемой статьи Чирикова, полагавшего, что осуществленное русским социалистом в политических целях кровопролитие — «догмат революционной веры — стало моралью и нормой обольщенной бесами русской интеллигенции, переступившей через Христа и Его главную заповедь в отношении ближнего» [см.: Михайлова, Назарова, с. 192–198]. Очевидное знакомство Ваврика со статьей Чирикова, вышедшей в 1922 г., позволяет расширить временные рамки статьи, датировав ее 1920–1922 гг.

Несмотря на подзаголовок «Несколько критических заметок», Ваврик избегает критического анализа поэмы «Двенадцать» (1918) в привычном, филологическом его смысле. Автор, свидетель революционных событий в Петрограде, участник боевых действий против большевиков в составе Карпаторусского отряда, по-своему рассматривает это смутное время. Размышления о том, в чем заключался неправильный ход русской революции, он иллюстрирует картинами поэмы А. Блока, как соответствующими реальности и духу времени. Следует заметить, что А. Блок безоговорочно принял Октябрьскую революцию как стихийность, создающую новую гармонию, одним из первых интеллигентов он начал работать с новой властью, снискав репутацию большевика. «Музыка революции», очаровавшая Блока и вдохновившая его на создание поэмы — гимна революции, воспринимается Вавриком как хаос, победная вакханалия пьяной толпы и торжество мещанской пошлости и низменных инстинктов.

Поэма «Двенадцать» была написана в январе 1918 г. и в феврале опубликована. На вопрос анкеты газеты «Петроградское эхо», озаглавленной «Как выйти из тупика? Возможно ли примирение интеллигенции с большевиками?», Блок ответил утвердительно: «Может и должна», пообещав посвятить этой теме специальную статью «Россия и интеллигенция» [Блок, с. 2]. Вероятно, Ваврику была известна также и статья А. Блока «Интеллигенция и революция», написанная и опубликованная незадолго до поэмы,

⁷ ОР РНБ. Ф. 1081. № 184. Л. 1.

в январе 1918 г., в которой говорилось, что интеллигенция, «лучшие люди», не могут оставаться в стороне, «ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон», презирать народ и предвещать скорейший крах. Очевидно, что публицистические рассуждения Ваврика полемически толкуют именно этот тезис поэта об отношении интеллигенции к народу и революции. Поэма, получившая признание у советской общественности, прочитывается Вавриком лишь как правдивое изображение бытовых реалий чудовищной действительности, см.: [Грякалова, с. 5–25]. Скорее всего, он намеренно лишает произведение его философского подтекста — ненависти к старому миру и надежды на обновление: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию», великую «музыку будущего»⁸.

Автору статьи, несомненно, была известна крайне резкая эмигрантская реакция на поэму, однако, повторим, Ваврик не пытается критически осмыслить «Двенадцать» как художественное произведение и пополнить обширный перечень негативных отзывов. Скорее, это связанные с историческим моментом публицистические размышления русинского поэта, не принявшего Октябрьскую революцию и власть большевиков и сделавшего вывод на основе собственного опыта участия в Гражданской войне, что революция — это «крах русской державы», вину за который несет русская интеллигенция. Публикуемая статья Ваврика представляет интерес не только как неизвестный факт его литературно-публицистической деятельности, но и как одно из полемических осмыслений поэмы А. Блока «Двенадцать» в обширной и разноречивой литературе о произведении.

Статья публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных авторских особенностей, сохраненных в публикации без изменений, по автографу: ОР РНБ. Ф. 1081 (личный фонд В. Р. Ваврика). № 184. 8 л. На обл. тетради: «Двенадцать» А. Блока. 1920 г. (Л. 1). Л. 2–8 об. Все курсивы в цитатах из поэмы принадлежат Ваврику.

⁸ Об истории создания поэмы и спорах вокруг нее подробнее см.: [Иванова, с. 117–198 (Гл. III. Поэма «Двенадцать» в судьбе Блока)].

Ваврик В. Р.

«ДВЕНАДЦАТЬ» АЛЕКСАНДРА БЛОКА (Несколько критических заметок)

1.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем Божьем свете!

Завивает ветер...

Ветер обозначает стихию революции, и все русские и заграничные критики согласны с этим. Революция вскружила умы русских людей и сбила их с толку. «На ногах не стоит человек». Не было в России такого человека, который не увлекся бы революцией. В ее водовороте забыты те правды и основания, на которых стоит человечество. Теперь можно разобраться хладнокровно, и смело можно сказать: революция — крах русской державы, крах тысячелетнего государственного устоя. Те, которые считались верхами народа, — вожди и интеллигенция — оказались бледными светочами, малодушными и неподготовленными вожатыми, и народные массы вверили свою судьбу ловким и хитрым любителям власти, пришедшим из-за границы.

Революцию начала интеллигенция с хорошим и благородным намерением:

Вся власть Учредительному Собранию!

Она ее начала, но не кончила, и иначе быть не могло вследствие того, что массы не понимали значения Учредительного собрания, они не были достаточно подготовлены к такому событию.

Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Иначе быть не могло, ибо русское общество, прочитавшее поверхностно Нитше, Гегеля, Шопенгауэра, Маркса и Энгельса, перенялось теория-

ми никогда несбыточными и никогда для русского народа неприемлемыми. Толстовское «непротивление злу» было понято плохо, и русское общество думало, что зла нельзя одолеть. Оно разошлось с русской действительностью и обыденной жизнью и вследствие общечеловеческих мировоззрений отошло от национального пути, не поняло момента, не владело силою к высшему полету, перешло на пустой разговор и громкие фразы и погубило революцию.

Писатель Евгений Николаевич Чириков в статье «О прозрениях Ф. М. Достоевского» пишет следующее: «Интеллигентский путь свернул в сторону псевдонаучных теоретических построений космополитического характера. Окно в Европу было прорублено Петром В(еликим), но свет светил лишь немногим избранным, да и те были мало подготовлены к самостоятельной переработке сложных социально-политических и моральных проблем западноевропейской мысли. На западе эти новые идеи вырабатывались веками и поколениями людей науки и мысли. К нам они явились в готовом виде и зажигали огнем мечтательной фантазии сердца и души избранных единиц. Такие люди становились мечтателями по отношению к русской действительности, ибо в мечтах своих они переросли ее на целое столетие. Наша малочисленная интеллигенция сидела у окна в Европу, смотрела и слушала, что говорится и делается в разных „царствах-государствах“, думала и чувствовала. С жадностью поглощая эти идеи об окончательном освобождении человечества, эта интеллигенция оставалась на родине на рабском положении, а путем чисто умозрительным начала себя чувствовать гражданином всего мира, гражданином от человечества. Какой иронией в ее ушах звучал карамзинский призыв к „любви к родине“ и к народной гордости⁹. Дома они были „лишние люди“. Оставалось только сперва мыслить, рассуждать и страдать, потом — отрицать, разрушать и уходить в подпольную работу»¹⁰.

⁹ Речь идет о статье Н. М. Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802), в которой говорилось: «...Не говорю, чтобы любовь к отечеству должна была ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью» [Карамзин, с. 231–237].

¹⁰ Имеется в виду статья Е. Н. Чирикова, опубликованная в эмигрантском сборнике «Младорусь», организатором издания выступил Карлов университет [Чириков, с. 41–46.]. Ваврик неточно цитирует статью Чирикова. Сборник (вышло только две книги) был посвящен «идеям всеславянства», «объединению и развитию молодых дарований за рубежом». В первый сборник вошли публикации Г. В. Флоровского, П. И. Новгородцева, С. К. Маковского, Е. Чирикова, Ваврика и др.

В революцию интеллигенция показала свою неспособность, и великое дело революции перешло в руки толпы, которая обрушилась на «лишних людей», и Александр Блок рисует следующую картину:

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И *буржуй* на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, *писатель* —
Витя...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб..
Что нынче невеселый,
Товарищ *поп*?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон *барыня* в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали..
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Итак, на улице, на перекрестке, нашлись все те, что представляли официальную Россию: буржуа, писатели, священники, баре — почему? Когда подойдем к правде и вникнем в нее, то нам ясно станет, что так должно было случиться. Русское правительство держалось на дворянстве и духовенстве, которым представлены были все блага, а мужику не доставалось ничего. Он, если имел землю, превращался в эту землю, если не имел, ступал по пристаням, у подъездов барских палат или шел в город в рабочие артели. Он не имел родины, Руси и отечества. Он был босяком и скитальцем, и все родное было для него чужим. Никто его не знал, так и в революцию *он* не хотел знать никого. Русская интеллигенция была одно тело, русское безземельное крестьянство — второе тело. Между ними существовала пропасть, разделяющая их на далекое расстояние. Душа народа была оставлена самому

себе, она не была выработана постоянной школой и проповедью. «Хождение в народ» носило романтическую окраску, в действительности вельможи вели разгульную жизнь, уничтожая народное добро, закон превратился в своевластие и своеволие, помещики и священники стали тяжестью для народа. Всенародный ропот рос не по дням, а по часам. Революция, как ураган, потрясла весь организм и все составные части русского народа, и надо сказать, что революция — не случайность, не бунт, а жизненная потребность русского народа. Только революция могла с корнем вырвать бесконечное число Собакевичей, знающих только жрать всю свою жизнь, бесконечное число Плюшкиных, гниющих со всем своим необозримым имуществом, бесконечное число Ноздревых, Хлестаковых и Чичиковых, живущих на чужой счет и обманывающих бессовестно¹¹. Только революция могла очистить русский народ от развратных, циничных и бездарных Карамазовых и Смердяковых, от скучающих и шатающихся без цели Райских и Рудиных и ленивых Обломовых¹². Только революция могла смести дворянство и духовенство, обдирающее народ, обманывающее и доведшее русский народ до отчаяния. Только (революция) могла признать за крестьянством человеческие права и право на землю, принадлежащую ему, и только революция могла изменить владычный, нерусский режим.

Дорого поплатилась Русская земля за ошибки правящих и вообще интеллигентных кругов.

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих кбсит,
Рвет, мнет...

Предполагаемая бескровная революция превратилась в бездну крови на всех концах великой русской державы. Везде, на каждом шагу лилась русская кровь, революция превратилась в бойню. Сотни тысяч людей, памятники, железные дороги, заводы, промышленность уничтожены руками русского мужика; поруганы святыни, могилы, гробы; истреблены вера, народные заветы, вежливость, доброта — возвышенные качества славянина.

¹¹ Упомянуты главные персонажи поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842): Собакевич, Плюшкин, Ноздрев, Чичиков, а также главное действующее лицо комедии Гоголя «Ревизор» (1836) Хлестаков.

¹² Имеются в виду персонажи романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880), а также герои романов И. С. Тургенева «Рудин» (1856) и И. А. Гончарова «Обломов» (1859).

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

2.

Гуляет ветер, — ⟨...⟩
Идут *двенадцать человек*.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

Эти двенадцать человек есть апостолы русской революции. Они все бродяги, встретившиеся на улице, которые с «грустной, черною злобою в груди» надели винтовки и пошли бороться за свободу:

— Вся власть Учредительному Собранию!..

К сожалению, это было только увлечение и опять с ударением надо сказать, что так оно должно было случиться. Русский народ в своих деревнях до революции жил почти первобытной жизнью. Солнце просвещения не заглядывало в его хаты в такой мере, чтобы он мог самостоятельно, без интеллигенции решить судьбу правления. «Мы темные, мы слепые, и ничего мы не знаем» — приходилось мне очень часто слышать от русских крестьян, и в действительности безграмотность в русских селениях ужасающая. Пишет и читает только молодое поколение, старики же почти все безграмотны. Газет, журналов и произведений, касающихся его, русский народ читал очень мало. Все свои сведения он зачерпывал на сходах, которые созывались колокольным голосом на площадь, перед управлением селения. Старшина, староста или писарь прочитывали какой-нибудь приказ или объявления, и читающий кое-что добавлял от себя, и крестьянство опять расходилось гурьбою по домам. Священники, учителя и прочие, т⟨ак⟩ н⟨азываемые⟩ интеллигенты, т. ⟨е.⟩ приставы, агрономы, лекари, фельдшера, дьяконы, дьячки придерживались формальности только на бумаге, в сущности, сидели на спине народа и истощали его состояние. Вследствие этого народ возненавидел свою интеллигенцию и не верил ей совершенно.

Русь древняя с свободным народным вечем перешла в руки высокопоставленных лиц, зачастую нерусского происхождения. Власть разошлась с нуждами и требованиями народа, и вследствие этого Русь перестала быть народным идеалом. Совершилось неслыханное злодеяние:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пульей в Святую Русь —

в родную мать, Родину, правда, это ужасно! Как это так случилось, что «народ-богоносец»¹³ выстрелил в Святую Русь?

Русский народ долготерпелив, и наболевшее горе толкнуло его на этот шаг. Впрочем, совсем бессознательно отдался он «свободе».

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Точно отчаяние им овладело, и здесь нужно подчеркнуть, что русский народ неуравновешен и не знает определенной мерки. Он безгранично добр, но и без меры зол. Добр до наивности, но в злости вспыхнет, как огонь, вырвавшийся из груди пепла.

Вот почему в «святой злобе» он стрелял в «Святую Русь».

3.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Интернационализм погубил русскую народную революцию. Вообще революция удастся тогда, когда она руководится одними национальными соображениями. Русская интеллигенция не сделала ровно ничего до великой войны в том направлении, чтобы не дать выбить из колеи державу. Она увлеклась чем-то чужим и далеким, отравляла свою душу всякого рода фантастическими иллюзиями и смотрела сквозь пальцы, что идет голытьба ей на смену, которая подняла «пожар в крови» во имя мировой революции. Русский народ такой революции не желал и вовсе не думал о ней. Городской пролетариат выкинул это зная, и за это вина падает опять на интеллигенцию.

¹³ Выражение из романа Достоевского «Бесы» (1871–1872). Шатов говорит Ставрогину: «Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ-„богоносец“ — это русский народ...» (Часть вторая. Гл. 1).

4.

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он *речист*!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах, ты Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5.

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами *блудила* —
Поблуди-ка, поблуди!
Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон *жрала*,
С юнкерем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?
Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

Падение нравственности весьма печальное явление, но оно неизбежное при революции. Возвышенные чувства, загоревшиеся при первом зареве революции, скоро потухли, и низкие инстинкты распоясались. Полились по всей Руси бессмысленные речи, в которых говорилось и возможное, и невозможное, и ораторы, увлекаясь ими, думали, что перешагивают Великую французскую революцию¹⁴. Вслед за этим пришла вакханалия: праздность, обжорство, буйство, и в начале провозглашенное

¹⁴ Великая французская революция (1789–1899) уничтожила старый сословный режим — абсолютную монархию — и провозгласила республику свободных и равных граждан; девизом нового политического устройства стал лозунг: «Свобода, равенство и братство» — как неотъемлемые права человека.

Вся власть Учредительному Собранию!

вылилось в другую форму:

...у нас было собрание...

...Вот в этом здании...

...Обсудили —

Постановили:

На время — десять, на ночь — двадцать пять...

...И меньше — ни с кого не брать...

...Пойдемте спать...

Призыв: «Вся власть Учредительному Собранию» — потерял силу в урагане разгула и буйства. «Золотая свобода» перешла в не знающее границ пьянство. Пьянство, какое возникло в революцию, одолело этого богатыря на кляче, объезжающего русские деревни и города, и где только кляча ударила, там и выросал кабак, — одолело богатыря (пьянство), о котором писал А. Толстой¹⁵. Теперь с веселием повторялась поговорка Владимира В(еликого): «Руси есть веселие пити»¹⁶. Пьяная толпа разбивала винные заводы и громила все, что попадалось ей под руки. Действие разных самогонов и денатуратов пробудило в человеке зверя. С прискорбием приходится упомянуть, что пресловутое «братание» с немцами и австрийцами происходило при помощи алкоголя. Порок родил порок, падение влекло за собою падение, верхом которого была проституция. А. Блок не жалеет красок по этому поводу.

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

¹⁵ Пересказ стихотворения А. К. Толстого «Богатырь» (1849):

По русскому славному царству,
На кляче разбитой верхом,
Один богатырь разъезжает {...}
«Отведайте водки моей!»
Он потчует всех без разбору. {...}
Где кляча ударит копытом,
Там тотчас стоит и кабак. {...}
Дерутся и режутся братья,
И мать дочерей продает {...}
И череп безглазый смеется:
«Призвание мое свершено!..»

¹⁶ Выражение, ставшее хрестоматийным, восходит к летописи «Повесть временных лет» Нестора (2-я пол. XI — нач. XII в.); принадлежит киевскому князю Владимиру Святославичу, выбиравшему веру для Руси и отказавшемуся от принятия мусульманства, поскольку оно отказывалось от вина: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти».

6.

Трах — тарарах — тах — тах — тах — тах!
Еще разок! Вводи курок!..

Трах — тарарах!..

А Катька где? — Мертва, мертва!

Лежи ты, *падаль*, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

В половине своей поэмы А. Блок рисует революцию в ее самом разгаре. Началась гражданская борьба, борьба классов и сословий. Бряцание брони и штыков, позиции, баррикады, стрельба, грохот автомобилей, треск пулеметов слышатся в этом «трах — тарарах — тах». На улицах, на площадях, в каналах, в речках валялись людские трупы. Началась бойня, безжалостная бойня — месть до крови, будто бы жажда крови превратилась в болезнь. Мне приходилось видеть тела, изрубленные шашками, прикладами разбитые мозги, окровавленные лица с диким и зловещим выражением и с выколотыми очами. Падаль человеческого тела можно было найти и в городе, и в деревне, и в степи, или на виселице, или в помойной яме!

Эх, эх, без креста!

Отсутствие здравого рассудка. Русь, как убитая. Семейная жизнь разрушена, наука, поэзия, гармония жизни подавлены и заглушены чиканьем, свистом и треском армат¹⁷ и пулеметов. Ужасы, проклятия, кровь — братская кровь залила русскую землю.

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Два братские лагеря, став друг против друга, дышат непонятной для них самих ненавистью и жаждой мести. С размаха, в бешеном пылу убивается все, что под руками, даже «Катя толстоморденская», ничего не понимающая в революции, переходившая из рук в руки.

¹⁷ Армата (*лат.* arma — оружие) — одно из первых названий артиллерийских пушек, появившихся на Руси во 2-й пол. XIV в.

7.

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

В первых шести песнях «Двенадцати» изобразил А. Блок людей, упившихся стихией революции, ломающих и уничтожающих все, не рассуждая всецело: хорошо ли это или плохо. В последних шести стихах находим другие картины. Не легко говорить про русский народ: его души не понимают и те, что вышли из него, — самые русские. Этот удел достается немногим избранным, как Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Толстому и достался и Александру Блоку. Душа русского народа скрыта, в себе замкнута, и не сразу добьетесь вы у русского человека его тайны. Он вам будет говорить такое, что вы ничего не поймете из сказанного. Часто русский мужик пожимает плечами, ничего не отвечая на вопросы. Тайники русской души непостижимы и необъяснимы. Однако не надо думать, что русский человек зол, нет, — душа его благородная и совесть просыпается. Когда пройдет пьяный хмель, когда вышумит из головы дурь и пройдет злоба, он опомнится, и жалко ему станет своей жертвы.

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
Загубил я *сгоряча*... ах!

Весь неправильный ход русской революции заключается именно в этом: «сгоряча». Русский человек даже в самых важных делах многое делает сгоряча и на авось. Он берется за дело, не высчитав вперед, будет ли ему из этого какая-нибудь польза или нет. «Риск — хорошее дело», — скажет он и не обдумавши как следует идет втемную, приговаривая: «Ничего... что-нибудь да выйдет из этого».

В убийце проснулась совесть, и кручина сдавливая его сердце, он еле плетется и под звуки шарманки готов вскрыть свою душу, высказать все свое горе. Но друзья его смеются над ним и не позволяют:

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!

Однако «Петруха замедляет торопливые шаги»; он все еще полон тоски и досады на себя. Вдруг, опять «сгоряча», в полном отчаянии, он потряхивает головою, желая отогнать все мучившие его мысли, и ищет выхода.

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

и выход находит следующий:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

Потеряв лицо, ударив лицом в грязь, обагрив свои руки кровью, «бедный убийца» ищет забвения в грабеже, в разбивании погребов, в гульбе и пьянстве, чтобы усыпить совесть. Это так всегда бывает у человека. Но каково его положение?

8.

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...
Упокой, Господи, душу рабы твоя...

Скучно!

Литература

- Аристова — *Аристова Т. Ф.* В. Р. Ваврик: [Некролог] // Советское славяноведение. 1971. № 1. С. 143.
- Ахременко — *Ахременко Д. А.* Документальное наследие Василия Романовича Ваврика как исторический источник // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 2 (11). С. 83–89.
- Байцура — *Байцура Т.* Иван Семенович Орлай: Жизнь и деятельность. Братислава; Пряшев: Словацкое пед. изд-во, отд-ние укр. лит., 1977. 237 с.
- Баринов — *Баринов И.* Три жизни доктора Ваврика: к истории одного мифа из прошлого Галиции, 1914–1956 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры: Рус. изд. 2016. № 1. С. 239–273. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss25.html> Дата обращения: 03.11.2021.
- Блок — *Блок А.* [Интервью газете «Петроградское эхо»] // Петроградское эхо. 1918. № 10, 18 янв. С. 2.
- Ваврик 1922 — *Ваврик В. Р.* Побег из плена генерала Корнилова через Карпаты // Младорусь: Периодический сборник / Под ред. В. Ильинского. Прага: Славянское изд-во, 1922. Кн. 1. С. 32–37.
- Ваврик 1923 — *Ваврик В. Р.* Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1923. 47 с.
- Ваврик 1927 — *Ваврик В.* Народная песня в повестях Н. В. Гоголя // Наука. 1927. № 5/6. С. 134–142; отд. изд.: Львов, 1928.
- Ваврик 1930a — *Ваврик В. Р.* Галицкая литература «Слова о полку Игореве». Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1930. 16 с.
- Ваврик 1930b — *Ваврик В. Р.* Справка о русском движении в Галичине, с библиографией за 1929 год. Львов: Тип. Ставропигийского ин-та, 1930. 16 с.
- Ваврик 1973 — *Ваврик В. Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен (Бельгия): A. Rosseels Printing Co, 1973. 80 с.
- Ваврик 2007 — *Ваврик В. Р.* Терезин и Талергоф // Геноцид карпаторусских «москвофилов» — намеренно замолчанная трагедия XX в. М.: Изд-во Консервативного клуба, 2007. С. 69–111.
- Ваврик 2020 — *Ваврик В. Р.* Кто такая Эллис в «Призраках» И. С. Тургенева? (1919) / Публ. С. А. Ипатовой // История русской литературы XIX–XX веков / История книжного дела в России в 1917–1927 годы: Памяти Анатолия Ивановича Батюто, 1920–2020: Сб. ст. и материалов. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 326–336.
- Виноградов 2005 — *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник» И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Гоголевские студии. Киев; Симферополь: Крымский архив, 2005. Вып. 2 (13). С. 14–57.
- Виноградов 2012 — *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура: Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Новосибирск: Новосибирский издат. дом, 2012. С. 20–27.
- Виноградов 2014 — *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь как славянофил: славянская тема в наследии писателя // Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 9. С. 202–205.

- Грякалова — *Грякалова Н. Ю.* Поэма-мистерия «Двенадцать» и жанр «городских видений» в творчестве Александра Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. Т. 6 / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. С. 5–25.
- Дуличенко — *Дуличенко А. Д.* Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. № 1. С. 20–29.
- Егорова — *Егорова К. Б.* Подкарпатская Русь в контексте культурного многоязычия первой Чехословацкой республики // Вестник С.-Петербургского ун-та. История. 2016. Вып. 4. С. 198–210.
- Иванова — *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. 608 с.
- Карамзин — *Карамзин Н. М.* Избранные труды / Сост. А. А. Ширинянц, А. Ю. Старостин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 486 с.
- Михайлова, Назарова — *Михайлова М. В., Назарова А. В.* Е. Н. Чириков о Достоевском // От Чехова до Бродского: Эстетические и философские аспекты русской литературы XX века: Кол. монография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 192–205.
- Нам, Наумова — *Нам И. В., Наумова Н. И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов: 1914–1920 гг. // Русин. Кишинев (Молдова), 2015. № 4 (42). С. 126–142.
- Неменский — *Неменский О. Б.* Восточнославянский этнический сепаратизм: Русины и казаки // Актуальные проблемы Европы: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. М., 2009. № 3: Сепаратизм в современной Европе. С. 149–174.
- Николаенко — *Николаенко А.* Учитель и его ученики // Русин. Кишинев (Молдова), 2006. № 3 (5). С. 158–168.
- Орлай 1804 — *Орлай [И. С.]*. История о Карпато-Россах, или О переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся // Северный вестник. 1804. Ч. 1, т. 2, № 9. С. 158–172, 261–276; Ч. 3. С. 265–294.
- Орлай 1825 — *[Орлай И. С.]* О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто об обучении языкам иностранным // Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб., 1825. Кн. 1. С. 323–324.
- Орлай 1826 — *Орлай И.* О Юго-Западной Руси (письмо из Нежина к секретарю Общества) // Труды и записки Общества истории и древностей Российских. М.: Университетская тип., 1826. Ч. 3, кн. 1. С. 225.
- Пашаева 2007 — *Пашаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.
- Пашаева 2008 — *Пашаева Н.* Карпаторусские интеллигенты в России в 1-й половине XIX века: Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // Русин. Кишинев (Молдова), 2008. № 3–4 (13–14). С. 130–132.
- Пинчук — *Пинчук С. П.* Ваврик В. Р. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 178.
- Свенцицкий — *Свенцицкий И. С.* Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов: Печатня Ставропигийского института, 1905. Т. 1: Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-й половине XIX века / Собрал И. С. Свенцицкий. 212 с.

- Слово о полку Игореве — Слово о полку Игореве, в 750-літню річницю его появи-
 ния, з вступним словом, поясненням тексту і переводом на галицько-руську
 народну мову [пер. В. Р. Ваврика]. Львів: Тип. Ставропігійського ін-та, 1937.
- Суляк 2006 — Суляк С. Г. Русины в период Первой мировой и русской смуты // Русин.
 Кишинев (Молдова), 2006. № 1 (3). С. 46–65.
- Суляк 2008a — Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. Кишинев (Мол-
 дова), 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
- Суляк 2008b — Суляк С. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. Кишинев
 (Молдова), 2008. № 3–4 (13–14). С. 69–75.
- Чириков — Чириков Е. Н. О прозрениях Ф. М. Достоевского // Младорусь: Периоди-
 ческий сборник / Под ред. В. Ильинского. Прага: Славянское издательство,
 1922. Кн. 1. С. 41–46.
- Шевченко — Шевченко К. В. Отражение репрессивной политики против русинско-
 го населения накануне и в годы Первой мировой войны в публицистике
 // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018.
 № 1 (10). С. 13–24.
- Шлепецкий — Шлепецкий И. В. Р. Ваврик: К 80-летию со дня его рождения // Свобод-
 ное слово Карпатской Руси. 1970. № 3/4. С. 10–13.

References

- Akhremenko, D. A. (2018). 'Dokumental'noe nasledie Vasiliya Romanovicha Vavrika kak is-
 toricheskii istochnik', *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*, 2 (11), 83–89.
- Aristova, T. F. (1971). 'V. R. Vavrik [Nekrolog]', *Sovetskoe slavyanovedenie*. Moscow, 1, 143.
- Baitsura, T. (1977). *Ivan Semenovich Orlai: Zhizn' i deyatel'nost'*. Bratislava; Pryashev: Slo-
 vatskoe pedagogicheskoe izdatel'stvo, otdelenie ukrainskoi literatury. 237 p.
- Barinov, I. (2016). 'Tri zhizni doktora Vavrika: k istorii odnogo mifa iz proshlogo Galitsii,
 1914–1956 gody', *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury. Russ-
 koe izdanie*, 1, 239–273. URL: [http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhal-](http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhal-truss25.html)
 truss25.html Data obrashcheniya: 05.11.2021.
- Blok, A. (1918). '[Interv'yu gazete «Petrogradskoe ekho»]', *Petrogradskoe echo*, 10, 18 Yanv., 2.
- Chirikov, E. N. (1922). 'O prozreniyakh F. M. Dostoevskogo', *Mladorus': Periodicheskii sbornik*.
 V. Il'inskii, ed. Praga: Slavyanskoe izdatel'stvo. Vol. 1, 41–46.
- Dulichenko, A. D. (2005). 'Karpatskie rusiny segodnya: nekotorye etnolingvisticheskie as-
 pekty', *Slavyanovedenie*, 1, 20–29.
- Egorova, K. B. (2016). 'Podkarpatskaya Rus' v kontekste kul'turnogo mnogoyazychiya pervoi
 Chekhoslovatskoi respubliky', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*,
 4, 198–210.
- Gryakalova, N. Yu. (2020). 'Poema-misteriya "Dvenadtsat'" i zhanr "gorodskikh videnii" v
 tvorchestve Aleksandra Bloka', in: N. Yu. Gryakalova, ed. *Aleksandr Blok. Issledo-
 vaniya i materialy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". Vol. 6, 5–25.
- S. A. Ipatova, ed. (2020). Vavrik, V. R. 'Kto takaya Ellis v "Prizrakakh" I. S. Turgeneva? (1919)',
 in: *Istoriya russkoi literatury XIX–XX vekov: Istoriya knizhnogo dela v Rossii v
 1917–1927 gody. Pamyati Anatoliya Ivanovicha Batyuto, 1920–2020: Sbornik
 statei i materialov*. Saint Petersburg: Skifiya-print, 326–336.
- Ivanova, E. (2012). *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni*. Saint Petersburg; Moscow: Rostok.
 608 p.

- Karamzin, N. M. (2010). *Izbrannye Trudy*. A. A. Shirinyants, A. Yu. Starostin, eds. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 486 p.
- Mikhailova, M. V., Nazarova, A. V. (2019). 'E. N. Chirikov o Dostoevskom', in: G. V. Zykova, S. I. Kormilov, eds. *Ot Chekhova do Brodskogo. Esteticheskie i filosofskie aspekty russkoi literatury XX veka. Kollektivnaya monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 192–205.
- Nam, I. V., Naumova, N. I. (2015). 'Istoricheskaya pamyat' i natsional'no-politicheskaya identifikatsiya rusinov. 1914–1920 gody', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 4 (42), 126–142.
- Nemenskii, O. B. (2009). 'Vostochnoslavianskii etnicheskii separatizm: Rusiny i kazaki', *Aktual'nye problemy Evropy*. Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 3. Separatizm v sovremennoi Evrope, 149–174.
- Nikolaenko, A. (2006). 'Uchitel' i ego ucheniki', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3 (5), 158–168.
- Orlai, I. S. (1804). 'Istoriya o Karpato-Rossakh, ili O pereselenii Rossiyan v Karpatskie gory i o priklucheniakh s nimi sluchivshikhsya', *Severnyi vestnik*. Saint Petersburg. Part 1, Vol. 2, 9, 158–172, 261–276; Part 3, 265–294.
- Orlai, I. S. (1825). 'O neobkhodimosti obuchat'sya preimushchestvenno otechestvennomu yazyku i nechto ob obuchenii yazykam inostrannym', *Zapiski, izdavaemye ot Departamenta Narodnogo prosveshcheniya*. Saint Petersburg. Vol. 1, 323–324.
- Orlai, I. S. (1826). 'O Yugo-Zapadnoi Rusii (pis'mo iz Nezhina k sekretaryu Obshchestva)', in: *Trudy i zapiski Obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 3, 1, 225.
- Pashaeva, N. M. (2008). 'Karpatorusskie intelligenty v Rossii v pervoi polovine XIX veka: Orlai, Balug'yanskii, Lodii, Kukol'nik, Venelin', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3–4 (13–14), 130–132.
- Pashaeva, N. M. (2007). *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vekov*. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya. 192 p.
- Pinchuk, S. P. (1995). 'Vavrik V. R.', in: L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev, eds. *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*. 5 vols. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 178.
- Shevchenko, K. V. (2018). 'Otrazhenie repressivnoi politiki protiv rusinskogo naseleniya nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny v publitsistike', *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*, 1 (10), 13–24.
- Shlepetskii, I. (1970). 'V. R. Vavrik. K 80-letiyu so dnya ego rozhdeniya', *Svobodnoe slovo Karpatskoi Rusi*, 3/4, 10–13.
- Slovo o polku Igoreve, v 750-litnyu richnitsyu ego poyavleniya, v vstupnim slovom, poyasneniyam tekstu i perevodom na galits'ko-rus'ku narodnu movu* [transl. V. R. Vavrik] (1937). L'viv: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta.
- Sulyak, S. G. (2008). 'Rusiny: uroki tragicheskoi istorii', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3–4 (13–14), 7–34.
- Sulyak, S. G. (2006). 'Rusiny v period Pervoi mirovoi i russkoi smuty', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 1 (3), 46–65.
- Sulyak, S. G. (2008). 'Talergof i Terezin: zabytyi genotsid', *Rusin*. Kishinev (Moldova), 3–4 (13–14), 69–75.
- Svetsitskii, I. S. (1905). *Materialy po istorii vrozozhdeniya Karpatskoi Rusi*. L'vov: Pechatnya Stavropigiiskogo Instituta. Vol. 1. Snosheniya Karpatskoi Rusi s Rossiei v pervoi polovine XIX veka. 212 p.

- Vavrik, V. (1930). *Galitskaya literatura "Slova o polku Igoreve"*. L'vov: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta. 16 p.
- Vavrik, V. R. (1923). *Karpatorossy v Kornilovskom pokhode i Dobrovol'cheskoi armii*. L'vov: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta. 47 p.
- Vavrik, V. R. (1973). *Kratkii ocherk galitsko-russkoi pis'mennosti*. Luven (Belgium): A. Rosseels Printing Co. 80 p.
- Vavrik, V. (1927). 'Narodnaya pesnya v povest'yakh N. V. Gogolya', *Nauka*, 5/6, 134–142; otдел'noe izdanie: L'vov, 1928.
- Vavrik, V. R. (1922). 'Pobeg iz plena generala Kornilova cherez Karpaty', in: *Mladorus': Periodicheskii sbornik*. V. Il'inskii, ed. Praga: Slavyanskoe izdatel'stvo. Vol. 1, 32–37.
- Vavrik, V. R. (1930). *Spravka o russkom dvizhenii v Galichine, s bibliografiei za 1929 god*. L'vov: Tipografiya Stavropigiiskogo instituta. 16 p.
- Vavrik, V. R. (2007). 'Terezin i Talergof', in: *Genotsid karpatorusskikh "moskvofilov" — namerenno zamolchannaya tragediya XX veka*. Moscow: Izdatel'stvo Konservativnogo kluba, 69–111.
- Vinogradov, I. A. (2014). 'N. V. Gogol' kak slavyanofil: slavyanskaya tema v nasledii pisatelya', in: V. N. Zakharov, ed. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XII–XXI vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 9, 202–205.
- Vinogradov, I. A. (2012). 'Gogol' o edinstve slavyan', in: V. P. Vikulova, ed. *Gogol' i traditsionnaya slavyanskaya kul'tura: Dvenadtsatye Gogolevskie chteniya. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk: Novosibirskii izdatel'skii dom, 20–27.
- Vinogradov, I. A. (2005). "'Neobyknovennyi nastavnik" I. S. Orlov kak prototip odnogo iz geroev vtorogo toma "Mertvykh dush"', in: *Gogolevedcheskie studii*. Kiev; Simferopol': Krymskii arkhiv. Vol. 2 (13), 14–57.

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Протоиерей Павел Хондзинский

ДВА ЭСТЕТИЗМА: БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН И К. Н. ЛЕОНТЬЕВ

Резюме

В научной литературе уже указывалось на сходство между некоторыми идеями блаженного Августина и К. Н. Леонтьева. В частности, отмечалось, что Леонтьев, вслед за Августином, исходит из понимания гармонии как единства противоположностей и таким образом оправдывает в том числе существование зла. Однако, сформулированное в общем виде, это сходство не было проанализировано более подробно и глубоко, тем более на фоне общего интереса к наследию Августина в леонтьевскую эпоху. Восполнить указанный недостаток ставит своей целью предлагаемая статья. Проведенный в ней анализ позволяет прийти к следующим выводам. И для блаженного Августина, и для Леонтьева действительно принципиальную роль играет представление о гармонии как сочетании противоположных по смыслу элементов, созидающих полноту того или иного явления жизни. И блаженный Августин, и Леонтьев распространяют «закон гармонии» как на явления исторического, так и на явления нравственного и эстетического порядка. Однако при этом Августин исходит из представления об абсолютной простоте Бога и вытекающей отсюда тождественности Истины, Блага и Красоты, чье обнаружение в несовершенном тварном мире определяется принципом гармонии. Для Леонтьева абсолютен скорее сам принцип гармонии, по причастию к которому истина, собственно, и становится истиной, благо — благом, красота — красотой. В то же время при всей оригинальности леонтьевского подхода можно считать, что он находится в русле общих тенденций эпохи, разными путями стремящейся к одной цели: найти оправдание самодостаточности земного града, уйдя от представлений о его вторичности по отношению к Граду Небесному.

Ключевые слова: блаженный Августин, К. Н. Леонтьев, эстетизм, гармония, два града

TWO TYPES OF AESTHETICISM: ST. AUGUSTINE AND KONSTANTIN LEONTIEV

Abstract

It has already been noted in the academic literature that some of Konstantin Leontiev's ideas are similar to those of St. Augustine. In particular, it was pointed out that following St. Augustine, Leontiev understood harmony as the unity of opposites and thus justified, among other things, the existence of evil. However, this similarity is formulated only in general terms and requires a more thorough and in-depth analysis, especially in the context of the great interest in the legacy of St. Augustine in Leontiev's time. This article aims to fill the gap and suggests the following conclusions. The idea of harmony as a set of opposing elements that ensure the completeness of this or that phenomenon of life really plays a fundamental role both in the teachings of St. Augustine and in the teachings of Leontiev. Both of them extrapolate the "law of harmony" to historical, moral, and aesthetic phenomena. However, St. Augustine proceeds from the concept of the absolute simplicity of God and the consequent identity of the Truth, the Goodness, and the Beauty, the discovery of which in the created imperfect world is determined by the rule of harmony. For Leontiev, the rule of harmony itself is absolute. It is by this rule that truth becomes the truth, goodness becomes the goodness, and beauty becomes the beauty. At the same time, for all its originality, Leontiev's approach can be considered as being in the context of the general tendencies of that era, which in various ways aimed at one goal: to find an argument in favor of the self-sufficiency of the Earthly City and abandon the idea that it is secondary to the Heavenly City.

Keywords: St. Augustine, Konstantin Leontiev, aestheticism, harmony, Earthly City, Heavenly City

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-133-144

1

Вопрос о возможном влиянии блаженного Августина на религиозно-философскую концепцию К. Н. Леонтьева не нов в литературе, посвященной русскому мыслителю. Его ставит, например, в монографии «„Ангельский доктор“ русской истории» (уже самим названием отсылающей к автору «Исповеди» и «Града Божия») Р. А. Гоголев. В параграфе «Характер соотношения христианства и эстетизма в теодицее К. Н. Леонтьева» исследователь указывает, что если, согласно Августину, зло — «это отсутствие или нарушение порядка, когда высшее находится в подчинении у низшего» [Гоголев, с. 94] и «выступает фоном, на котором, по закону контраста, выгоднее, рельефнее оттеняется добро» [Там же, с. 93], то Леонтьев, обосновывая свой «оптимистический пессимизм», не только прямо ссылается на

Августина [Там же], но и вслед за ним, «опиравшимся во многом на античное наследие, видит в красоте отражение Божественного установления, а в контрасте составляющих элементов — гармонию, но воспринимает эту гармонию не только как моральный закон, но и как эстетический феномен» [Там же, с. 94]¹. Отсюда следует важный для Леонтьева вывод, что «либеральная гуманность, которая устраняет действие Промысла, ведет к „воцарению“ среднего европейца — человека, который является идеалом и орудием всемирного разрушения» [Там же].

Не полемизируя с автором монографии, мы попробуем ниже прокомментировать леонтьевскую мысль, поставив ее как в более подробный контекст рассуждений отца Западной Церкви, так и в контекст восприятия Августина в эпоху самого Леонтьева.

2

Хорошо известно, что блаженный Августин исходил из представления об абсолютной простоте Бога, а вследствие этого и о тождественности усваиваемых Ему свойств (*De Trinitate*, 6. 6)². Отсюда не трудно заключить в общем виде о тождественности Истины, Блага и Красоты и прийти к частному выводу о том, что действия Промысла в истории, определяемые высшей Истиной и высшим Благом, отражают в себе также и высшую Красоту, которая вовсе не терпит ущерба, когда во главе, например, государства становится не мудрый и благой правитель, а тиран вроде Нерона, — ведь и тот и другой поставлены на свое место Промыслом (*De Civitate Dei*, 5. 19). Так происходит потому, что зло существует только по причастию к Истине, Благу, Красоте, а значит, и в себе содержит некоторую долю истины, блага, красоты. Но для нас, не способных проникнуть в сокровенный замысел Промысла (*Ibid.* 22. 2), а значит, и представить себе целостную картину мира (*Ibid.* 16. 8), — это сочетание явного добра и добра, скрытого в зле, предстает как сочетание антитез, противоположностей, образующих гармонию целого, и подобно тому, как в стихах противопоставления «служат наилучшим украшением речи (...) как взаимное сопоставление противоположностей

¹ «Поэзия земной жизни и условия загробного спасения, — цитирует далее Гоголев Леонтьева, — одинаково требуют не сплошной какой-то любви, которая и невозможна, и не постоянной злобы, а, говоря объективно, некоего как бы гармонического, в виду высших целей, сопряжения вражды с любовью. (...) Это гармония, примирение антитез, но не в смысле мирного и братского нравственного согласия, а в смысле поэтического и взаимного восполнения противоположностей и в жизни самой, и в искусстве» [Гоголев, с. 94].

² Здесь и далее сочинения блаженного Августина цитируются по web изданию. URL: <http://www.augustinus.it/latino/index.htm>

придает красоту речи, так из сопоставления противоположностей, из своего рода красноречия не слов, а вещей, образуется красота мира» (Ibid. 11. 16)³.

Сказанное определяет также отношения Града Небесного и града земного, которые различаются двумя родами любви, господствующими в сердцах их граждан: любовью к Богу (источнику блага) и любовью к себе (источнику зла). Будучи противоположен в этом смысле Граду Небесному, град земной существует (не подозревая об этом) в конечном счете только ради первого (Ibid. 15. 2). Поэтому блага земного града не суть блага, принадлежащие только ему, ведь политический мир, который наступает, например, вследствие победы в войне, является благом общим и для земного, и для Небесного Града, пока тот странствует на земле (Ibid. 19. 26).

При этом, поскольку «De civitate Dei» написан на падение Рима, постольку блаженный Августин немалое внимание уделяет непосредственно Римской империи как замечательному в своем роде образцу града земного. С одной стороны, Рим есть как бы «западный Вавилон» и в этом смысле олицетворяет «град нечестивых» (Ibid. 16. 11). С другой — он выполнял важную роль в замысле Провидения, ибо Бог «для обуздания тяжких злодеяний множества новых народов... предоставил власть таким людям, которые заботились об отчизне ради чести, хвалы и славы, при этом саму славу и благосостояние отчизны не колеблясь предпочитали собственному благосостоянию и ради этого одного порока, т. е. честолюбия, подавляли в себе жадность к деньгам и многие другие пороки» (Ibid. 5. 13). И хотя древние римляне поклонялись ложным богам, то есть демонам, более всего они желали доброй славы среди народов земли: «Эту славу они любили пламеннейшим образом, ради нее хотели жить, за нее не колеблясь умирали. Все другие страсти свои они подчиняли этой великой страсти» (Ibid. 5. 12).

Вследствие этого они получили свою награду на земле, создав превосходнейшее государство (*imperia excellentissima*) благодаря «своим добрым искусствам, то есть добродетелям (*bonis artibus eorum, id est virtutibus*)» (Ibid. 5. 15). И что, собственно, иное, кроме этой земной славы, «посредством которой они хотели и после смерти продолжить некоторым обра-

³ Ср.: «Сципион говорит о том, что как при игре на различных инструментах, равно как и при пении, должно соблюдаться определенное соотношение между высокими, средними и низкими звуками и интервалами между ними, из чего образуется их гармоническое сочетание и определенный строй, так же и из разумного сочетания разных слоев населения, их прав и обязанностей составляется гражданское общество; и то, что у музыкантов называется гармонией, то в государстве — согласием, которое есть прочное и наилучшее во всякой республике основание для благополучия и справедливости» (Ibid. 2. 21).

зом свою жизнь в памяти прославляющих их людей» (Ibid.), могли желать и иметь доблестные римляне, не знавшие вечной славы небесной? Однако разрушению Рима предшествовало падение нравов среди римлян, вследствие чего поклонение демонам уже не покрывалось их древними добродетелями и на место презрения к земным благам ради земной славы пришло желание «безнаказанности ради своей распущенности» (Ibid. 1. 33). Вследствие этого совершившаяся катастрофа, в которой римские язычники обвиняют христиан, не принесла им нравственной пользы, и, став самыми несчастными, они «в то же время остались и самыми дурными» (Ibid.).

Таким образом, блаженный Августин понятие гармонии как единства разнородных или даже противоположных элементов считает равно приложимым к истории, нравственности, искусству; иными словами — тоже рассматривает ее «не только как моральный закон, но и как эстетический феномен». Чем же тогда отличается — и отличается ли — его концепция от концепции Леонтьева, когда тот говорит о гармонии как о примирении антитез, «но не в смысле мирного и братского *нравственного согласия*, а в смысле поэтического и взаимного восполнения противоположностей и в *жизни самой*, и в искусстве» [Леонтьев, т. 9, с. 212]?

3

Хотя приведенная выше цитата взята из отклика Леонтьева на «Пушкинскую речь» Ф. М. Достоевского (статья 1860 г. «О всемирной любви»), ниже мы представим леонтьевский эстетизм по его известным письмам к о. И. Фуделю, опубликованным уже после смерти философа под заглавием «О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам)». Во-первых, здесь эстетическая концепция Леонтьева представлена, быть может, наиболее сжато и ярко; во-вторых, нас не может не заинтересовать появляющееся на страницах писем упоминание античного Рима, составляющее параллель (вероятно, непреднамеренную) к рассуждениям блж. Августина.

Чтобы наглядно представить свою идею, Леонтьев рисует четыре концентрических круга: религия, этика и политика, биология и физика (точные науки), эстетика, — число которых в интересах нашего сравнительного анализа мы можем безболезненно сократить до трех: религия, нравственность, красота. Различаются они тем, что подразумеваемая каждым из них аксиология определяется пределами своего круга. Так, религиозный критерий оценки релевантен только для единоверцев, этико-политический — только для человека, эстетический — для всего, см.: [Леонтьев, т. 12, кн. 2, с. 109]. Пусть это трудно объяснить рационально, но нельзя не видеть, что хотя Юлий

Цезарь был гораздо безнравственнее Акакия Акакиевича, в нем «в 1000 раз больше поэзии, чем в Акакии Акакиевиче» [Там же, с. 111]. Сказанное вовсе не противоречит тому, что «положительная религия» имеет полное право сказать: «да, это изящно, сильно, эстетично, *но это не душеспасительно*» [Там же, с. 112], — ведь религиозное и поэтическое (эстетическое) начала гораздо ближе друг другу, чем по виду не противоречащая религиозной морали «утилитарная этика» [Там же], — ближе в том числе и потому, что эстетика (как и религия) нередко «обречена вступать в антагонизм и борьбу» [Там же, с. 111] с моралью и житейской пользой, а кроме того, красота, по выражению Н. Я. Данилевского, есть «духовная сторона материи» [Там же, с. 130]. Этот тезис иллюстрируется словами некоего старца⁴:

«Однажды я спросил у одного весьма начитанного духовника-монаха: „отчего государственно-религиозное падение Рима, при всех ужасах Колизея, цареубийств, самоубийств и при утонченно-сатанинском половом разврате, имело в себе, однако, так много неотразимой поэзии; а современное демократическое разложение Европы так некрасиво, сухо, прозаично?“ — Никогда не забуду — как он восхитил и поразил меня своим ответом! „Бог — это *Свет* и духовный, и вещественный; свет чистейший и неизобразимый... Есть и ложный свет, обманчивый. Это свет демонов; существ Богом же созданных, но уклонившихся, — как вам известно. Классический мир и во время падения своего поклонялся хотя и ложному свету языческих божеств, *но все-таки свету*. — А современная Европа даже и демонов не знает... Ее жизнь даже и ложным светом не освещается!“» [Там же, с. 114].

В итоге Леонтьев приходит к выводу, что как усиление борьбы божественных (религиозных) и демонических (страстно-эстетических) сил ведет к появлению гениальных произведений искусства⁵, так и стремление к культурно-эстетическому идеалу («хотя бы с большими неизбежными пороками, страданиями, даже волей-неволей и с грехами») должно сопровождаться усилением мистических чувств, «*естественно-исторически присущих* нашему культурному типу», то есть «*усилением Православия*» [Там же, с. 115].

⁴ По предположению О. Л. Фетисенко, Леонтьев подразумевает здесь афонского старца о. Иеронима (Соломенцева) [Леонтьев, т. 12, кн. 2, с. 660].

⁵ «Будет жизнь пышна; будет она богата разнообразною борьбою сил божественных (религиозных) и с силами страстно-эстетическими (демоническими) — *придут и гениальные отражения* в искусстве. — Понизится в жизни уровень всех мистических сил — как божественных, так и сатанинских — понизится и художественная ценность *отражений*; — о которых нынче так много любят толковать (гораздо больше толкуют, чем о *жизни!*)» [Там же, с. 113].

Иными словами, жизнь как религиозная, так и культурная, чтобы реализовать себя в полноте, должна подчиняться универсальному закону, который гласит: «*разнообразие в единстве*» [Там же, с. 131], — то есть тому самому закону гармонии, о котором речь шла выше: примирению антитез в смысле «поэтического и взаимного восполнения противоположностей».

4

Описав вслед за Августиновым эстетизмом эстетизм Леонтьева, мы должны еще указать на своеобразие интеллектуального контекста второй половины XIX в., накладывающего на занимающую нас тему характерный отпечаток.

Августинов «*De civitate Dei*», с помощью которого мы реконструировали выше позицию блж. Августина, входит в русскую традицию в конце XVIII в., когда появляется его первый перевод на русский язык. Вероятно, его пафос казался русскому читателю вполне созвучным эпохе крушения европейских монархий и Наполеоновских войн. И хотя прямых откликов на эпопею епископа Гиппонского мы в литературе того времени не находим, но ее имплицитное влияние, очевидно, обнаруживало себя тогда двояким образом: в представлении об истории Церкви как стержне всемирной истории и в последовательном провиденциализме. Чтобы убедиться в этом, достаточно вчитаться в сочинения таких значимых для Александровской эпохи авторов, как свт. Филарет Московский [Филарет, т. 1, с. 192; ср.: т. 5, с. 40–41] и свт. Иннокентий Пензенский [Иннокентий, с. 305].

Позднее несколько неожиданные следы концепции «двух градов» мы находим в «Семирамиде» А. С. Хомякова, прослеживающей историю и борьбу двух общин: номической «кушитской» и нравственно-свободной «иранской» [Хомяков, с. 230], — которые в конечном счете репрезентируются романским миром (миром гордости и рационализма) и славянским миром (миром смирения и любви). Вследствие этого противоборствующие грады приобретают у Хомякова зримые культурно-этнические коннотации, не предусмотренные, конечно, их первым описателем.

Августиновой проблематикой «двух градов», а отчасти и хомяковской ее интерпретацией навеяно, очевидно, также известное место из «Дневника писателя» Достоевского, где говорится о столкновении империи и Церкви, когда «человекобог встретил богочеловека, Аполлон Бельведерский Христа» [Достоевский, с. 169–170].

Еще более оригинальную — и чреватую самими важными последствиями для будущего — интерпретацию Августинова провиденциализма

мы находим у ученика свт. Филарета, архим. Феодора (Бухарева). Признавая обязательным участие Божественной воли во всех, великих и малых, событиях мировой истории и человеческой жизни, Бухарев, по сути, упразднил различие между прямым действием Промысла и так называемым попусчением. В отличие от всех предшествующих авторов — начиная с блж. Августина и кончая свт. Филаретом, — рассматривавших попусчение как акт отложенного воздаяния за грехи, Бухарев из положения, гласящего, что Христос «стал человеком для того, чтобы *все человеческое* (курсив мой. — *Прот. П. Х.*) принадлежало Ему» [Бухарев, с. 89], делал неожиданный вывод: в *любом* акте человеческой деятельности следует усматривать «мысли Отца нашего Небесного, Сыном Его (положительно *или* (курсив мой. — *Прот. П. Х.*) попустительно) во всем осуществляемые» [Там же, с. 166]. Нетрудно догадаться, что снятие противопоставления между положительной и попустительной волей Божией снимало и противопоставление двух градов.

Наконец, не без влияния бухаревской концепции немного позднее формулируется и главная философская альтернатива «двум градам» — учение о богочеловечестве Вл. С. Соловьева. Достаточно заметить, что связь идей архим. Феодора и Владимира Соловьева, и именно в контексте критики учения о «двух градах», была отмечена уже современниками. Так, в начале XX в. прот. П. Светлов утверждал, что если даже благодаря Августину представление о Церкви как граде Божиим укоренилось в богословии, то оно глубоко ошибочно, поскольку, согласно ему, все, что находится за пределами Церкви, принадлежит царству дьявола [Светлов, с. 102], чем полностью уничтожается значимость человеческой культуры и творчества. Между тем «все естественное и человеческое должно быть проникнуто Божественным, смертное — бессмертным, материальное — духовным, чтобы сделаться *Богочеловеческим*», как это представлено в концепции богочеловечества Вл. Соловьева, имевшего своим предшественником «знаменитого архим. Федора Бухарева» [Там же, с. 287–288].

Параллельно с этим примерно со второй половины 60-х гг. XIX в. берет начало уже научно-критическое прочтение «*De civitate Dei*» как церковными, так и светскими исследователями. За недостатком места не останавливаясь на сочинениях первых, в большей или меньшей степени выступавших апологетами епископа Гиппонского⁶, заметим только, что в сочинениях таких авторов, как Б. Н. Чичерин, кн. Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, Л. П. Кар-

⁶ См., напр.: [Писарев; Красин].

савин, С. Н. Дурылин⁷, происходила постепенная смена коннотаций. Если традиционно «земной град» ассоциировался прежде всего с государством, то с течением времени он все более превращается в град цивилизации и культуры — град философов и творцов, град *богочеловечества*, — град, не нуждающийся, собственно, в граде Божием — Церкви — или уж, по меньшей мере, равнозначный ему (ср., например, у Бердяева мысль о двух легитимных путях к Богу — пути святости и пути творчества [Бердяев, с. 391–393]).

Как бы ни оценивать указанные процессы, несомненно одно: именно они питали собой тот «воздух эпохи», которым дышал К. Н. Леонтьев.

5

Вернувшись к сопоставлению августиновской и леонтьевской концепций, мы можем теперь с бóльшим основанием указать как на сближающие, так и на разделяющие их моменты.

Понимая гармонию как единство антитез, Августин склонен был придавать ей универсальный характер. Присущая ей антитетичность является следствием и способом присутствия в тварном мире тождественных между собой высшей Истины, высшего Блага и высшей Красоты. Благодаря этому из гармонического сочетания антитез складывается целостная картина мира, которая если и не воспринимается нами таковой, то лишь из-за ограниченности нашей точки зрения. Однако если образ жизни римлян может вызывать наше восхищение с эстетической точки зрения, несмотря на их поклонение демонам, то только до той поры, пока он является «добрым искусством», в силу этого сопряженным и с высшей истиной тоже.

Леонтьев, по-видимому, разделяет августиновский взгляд на гармонию, однако для него именно она первична по отношению к истине, благу и красоте (религиозному — нравственному — эстетическому), которые суть различные обнаружения гармонии, связанные друг с другом по своему причастию ей. Именно гармония является, так сказать, *центром* изображенных Леонтьевым в его схеме концентрических кругов. Вследствие этого проблема возникает не там, где разрушается тождественность, например, нравственного и эстетического (как для Августина во времена, предшествующие гибели Рима, поскольку распад общества, забывшего о *bonis artibus*, не может быть признан эстетичным), но там, где уничтожается напряжение между антитезами (утилитарная мораль).

⁷ См.: [Чичерин; Трубецкой; Булгаков; Карсавин; Дурылин].

Сказанное позволяет уточнить генезис мысли Леонтьева и в контексте прочтения русской традицией «*De civitate Dei*». Как ни резко выделяется его позиция на фоне позиции современников, мы можем указать по меньшей мере на ее парадоксальное сближение с позицией Бухарева (что, может быть, и не так удивительно в силу общей парадоксальности леонтьевского мышления). Действительно, при всей видимой противоположности подходов и у того и у другого мы можем обнаружить желание «спасти» град земной. У Бухарева — за счет отождествляющихся во всевластности Промысла прямой и попустительной воли Божией; у Леонтьева — за счет уравнивающей истину, благо и красоту всевластности гармонии. Но в обоих случаях эти попытки обнаруживают ту искреннюю скорбь, которую задолго до русских авторов выразил Данте:

«Что ж ты не спросишь, — молвил мой вожатый, —
Какие духи здесь нашли приют?
Знай, прежде чем продолжить путь начатый,
что эти не грешили; не спасут
одни заслуги, если нет крещения,
которым к вере истинной идут;
кто жил до христианского ученья,
тот Бога чтил не так, как мы должны.
Таков и я. За эти упущенья,
не за иное, мы осуждены,
и здесь по приговору Высшей воли
мы жаждем и надежды лишены».
Стеснилась грудь моя от тяжелой боли
при вести, сколь достойные мужи
вкушают в Лимбе горечь этой доли...
[Данте, с. 27–28]

Литература

- Бердяев — *Бердяев А. Н.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с. (Из истории отечественной философской мысли).
- Булгаков — *Булгаков С. Н.* Два града: исследование о природе общественных идеалов: В 2 т. М.: Путь, 1911.
- Бухарев — *Бухарев А. М.* [Феодор (Бухарев), архим.] О православии в отношении к современности. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о, 1860. 334 с.
- Гоголев — *Гоголев Р. А.* «Ангельский доктор» русской истории: Философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М.: АИРО-XXI, 2007. 160 с.
- Данте — *Данте Алигьери.* Собрание сочинений: В 5 т. СПб.: Азбука-Терра, 1996. Т. 1. 544 с.
- Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. 518 с.

- Дурылин — *Дурылин С. Н.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Изд-во журн. «Москва», 2014. Т. 2. 672 с.
- Иннокентий — *Иннокентий Пензенский, свт.* Полное собрание творений: В 10 т. Пенза: Изд-во Пензенской епархии, 2019. Т. 5. 574 с.
- Карсавин — *Карсавин Л. П.* Культура средних веков. Киев: Символ, 1995. 208 с.
- Красин — *Красин М.* Творение блаженного Августина *De civitate Dei* как апология христианства в его борьбе с римским язычеством. Казань: Унив. тип., 1873. 396 с.
- Леонтьев — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
- Писарев — *Писарев Л. И.* Учение бл. Августина, епископа Иппонийского, о человеке в его отношении к Богу. Казань: Типо-литография университета, 1894. [2], XIV, 360, VII с.
- Светлов — *Светлов П., прот.* Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905. 472 с.
- Трубецкой — *Трубецкой Е. Н.* Мирозерцание блаженного Августина. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892. VIII, 272 с.
- Филарет — *Филарет, митрополит Московский, свт.* Слова и речи: В 5 т. М., 1873–1885.
- Хомяков — *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Университетская тип., 1900. Т. 5. 614 с.
- Чичерин — *Чичерин Б. Н.* История политических учений: В 3 т. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. Т. 1. 720 с.
- Augustinus — *S. Aurelii Augustini opera omnia.* URL: <http://www.augustinus.it/latino/index.htm>. Дата обращения: 01.10.2021.

References

- Berdyayev, A. N. (1989). *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*. Moscow: Pravda. 608 p.
- Bukharev, A. M. [Feodor (Bukharev), arkhimandrit] (1860). *O pravoslavii v otnoshenii k sveremennosti*. Saint Petersburg: Tipografiya Torgovogo doma S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K°. 334 p.
- Bulgakov, S. N. (1911). *Dva grada: issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov*. 2 vols. Moscow: Put'.
- Chicherin, B. N. (2006). *Istoriya politicheskikh uchenii*. 3 vols. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskoi khristianskoi gosudarstvennoi akademii. Vol. 1. 720 p.
- Dante Alig'eri (1996). *Sobranie sochinenii*. 5 vols. Saint Petersburg: Azbuka-Terra. Vol. 1. 544 p.
- Dostoevskii, F. M. (1984). *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka. Vol. 26. 518 p.
- Durylin, S. N. (2014). *Sobranie sochinenii*: 3 vols. Moscow: Izdatel'stvo zhurnala "Moskva". Vol. 2. 672 p.
- Filaret, mitropolit Moskovskii, svyatitel' (1873–1885). *Slova i rechi*. 5 vols. Moscow.
- Gogolev, R. A. (2007). *"Angel'skii doktor" russkoi istorii. Filosofiya istorii K. N. Leont'eva: opyt rekonstruktsii*. Moscow: AIRO-XXI. 160 p.
- Innokentii Penzenskii, svyatitel' (2019). *Polnoe sobranie tvorenii*. 10 vols. Penza: Izdatel'stvo Penzenskoi eparkhii. Vol. 5. 574 p.

- Karsavin, L. P. (1995). *Kul'tura srednikh vekov*. Kiev: Simvol. 208 p.
- Khomyakov, A. S. (1900). *Polnoe sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 5. 614 p.
- Krasin, M. (1873). *Tvorenie blazhennogo Avgustina "De civitate Dei" kak apologiya khristianstva v ego bor'be s rimskim yazychestvom*. Kazan': Univesitetskaya tipografiya. 396 p.
- Leont'ev, K. N. (2000–2021). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko, eds. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Pisarev, L. I. (1894). *Uchenie blazhennogo Avgustina, episkopa Ipponiiskogo, o cheloveke v ego otnoshenii k Bogu*. Kazan': Tipo-litografiya universiteta. [2], XIV, 360, VII p.
- S. Aurelii Augustini opera omnia. URL: <http://www.augustinus.it/latino/index.htm>
- Svetlov, P., protoierei (1905). *Ideya Tsarstva Bozhiya v ee znachenii dlya khristianskogo mirosozertsaniya*. Sergiev Posad: Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. 472 p.
- Trubetskoi, E. N. (1892). *Mirosozertsanie blazhennogo Avgustina*. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. VIII, 272 p.

О. Л. Фетисенко

«ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»,
ИЛИ О ТОМ, ЧТО КОНСУЛ ЛЕОНТЬЕВ
УПУСТИЛ ИЗ ВИДУ НА ВОСТОКЕ

Резюме

Дипломатическая служба в греческих и славянских землях Турецкой империи сформировала Леонтьева и как писателя (выведя его на богатую «восточную» тему), и как политического мыслителя. Здесь родилась, например, его концепция «византизма». Однако, как показано в статье, целый пласт впечатлений остался для него незамеченным. Увлеченный турецким и греко-славянским миром, Леонтьев оказался совершенно равнодушен к другим культурным явлениям — к общению с европейскими коллегами, среди которых на его пути не раз встречались весьма интересные личности.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, биография, консульская служба, дипломатические донесения, отношение к европейцам, мемуарная и художественная проза

Olga L. Fetisenko

"PRIDE AND PREJUDICE",
OR WHAT CONSUL LEONTIEV OVERLOOKED
IN THE EAST

Abstract

The diplomatic service in the Greek and Slavic lands of the Ottoman Empire shaped Konstantin Leontiev as a writer and political thinker. His concept of "Byzantism" was born here. However, a whole layer of impressions remained unnoticed by him. Passionate about his studies, Leontiev remained indifferent to communicating with his European colleagues, among whom were very interesting people.

Keywords: Konstantin Leontiev, biography, consular activity, diplomatic reports, attitude towards Europeans, memoirs, novels

DOI DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-145-156

Середина земной жизни Константина Леонтьева (1831–1891) приходится на годы его дипломатической службы¹. Это и самые счастливые годы, наставшие после тяжелых «петербургских зим» 1861–1863 гг., и последовавшее за периодом разнообразных удач время нового духовного кризиса. К концу 1860-х гг. Леонтьев словно устал от своей «успешности» (он знал, что князь Горчаков с похвалой отмечает его донесения и что ему прочат генеральное консульство), почувствовал за ней суету сует. Его преследует странная тоска, которая разрешится тяжелой болезнью, искренним раскаянием в грехах и религиозным обращением, повлекшим за собой в дальнейшем выход в отставку.

География и хронология передвижений Леонтьева-дипломата выглядит так: Петербург, Азиатский департамент (1863) — Крит (Кандия, Халеппа; конец 1863 — июнь 1864) — Константинополь (июнь — сентябрь 1864), куда он был вызван фактически на негласный суд после инцидента с французским консулом², но был полностью оправдан и даже получил повышение, — Фракия, Адрианополь (1864–1866) — Константинополь (зима 1866/67, отпуск) — снова Адрианополь (1867) — Нижний Дунай, Тульча, вице-консульство (сентябрь 1867 — сентябрь 1868) — отпуск в Петербурге (октябрь 1868 — начало февраля 1869) — Эпир, Янина, консульство (1869 — май 1871) — Македония, Салоники (1871) — Афон — Константинополь, выход в отставку (конец 1872), жизнь на о. Халки (1873 — май 1874) — возвращение в Россию.

Яркие впечатления дипломатической службы отражены в художественных произведениях Леонтьева (в цикле «восточных повестей», романах «Одиссей Полихрониадес» и «Египетский голубь») и в его мемуарных очерках («Мои воспоминания о Фракии», циклы «Консульские рассказы» и «Из прежних встреч и знакомств за границей и в России»), статьях «Грамотность и народность», «Русские, греки и юго-славяне» и др.³

¹ Об этом периоде см.: [Коноплянцев, с. 58–92; Губастов; Косик; Жуков; Фетисенко 2017]. Значительная часть дипломатических донесений Леонтьева была издана (с неточностями) в 2003 г. [Дипломатические донесения], ряд донесений впервые был опубликован В. И. Косиком [Русия]. См. также отведенную им первую книгу т. 10 в Полном собрании сочинений и писем Леонтьева, вышедшую в 2017 г. [Леонтьев, т. 10, кн. 1].

² Леонтьев ударил хлыстом консула А. Дерше, уничижительно отозвавшегося о России.

³ См.: [Леонтьев, т. 3–8, кн. 1].

Леонтьев не только внимательно наблюдал, но, можно сказать, изучал Восток, и с особенным интересом — наших единоверцев, южных славян и греков⁴, но он не принадлежал к характерному типу консула-археолога, этнографа или консула-журналиста. Его взгляд — это прежде всего взгляд художника. Однако в греко-славянских землях Турции посещают его и озарения теоретические — зерно будущих работ («Византизм и Славянство», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения») возникает именно здесь. Именно в годы службы в Турецкой империи Леонтьев начинает формироваться как философ и политический мыслитель.

Усиленное внимание Леонтьев уделял тому, чтобы завязать неофициальные отношения с представителями турецкой власти — пашами и их ближайшими сотрудниками⁵, а также с наиболее интересными для него представителями коренного населения Балкан. К европейским же коллегам он относился свысока (может быть, и они так же третировали русских?), выделяя с явным интересом лишь сильных «врагов», с которыми надо было быть начеку (как Дж.-И. Блант⁶ в Адрианополе), или занятых чудаков — один из таких описан в «Одиссее Полихрониадесе» под именем англичанина-туркофила Корбета де Леси. В последние годы своей службы он и вовсе будет избегать встреч с европейцами, но ранее, в 1865 г., Леонтьев признавал необходимость личных контактов, сожалел, что в Адрианополе в консульской среде «нет тех случаев сближения и незаметных, но сильных влияний, которые не могут развиться при коротких деловых и официальных посещениях» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 38]. Если с кем-то он и сближался, то или с самыми «курьезными» и одновременно самыми несдержанными — теми, кто мог проговориться и невольно сообщить что-то ценное с политической точки зрения (таким был австрийский консул в Адрианополе, прусак по происхождению, Камерлохер, описанный под собственным именем в «Египетском голубе», а ранее — под именем Öстеррайхера в «Одиссее Полихрониадесе»), или с теми, кто был ему чем-то близок по характеру и вкусам.

Такие случаи были крайне редки. Одно из редких приятных для Леонтьева «европейских» знакомств — это далматинец (а на самом деле черногорец из г. Пераста⁷) Векослав Антонов (Луиджи) Вискович (1828—1891),

⁴ См.: [Косик; Фетисенко 2010; Фетисенко 2020].

⁵ Среди греков Янины Леонтьев даже прослыл «турколатрисом» (туркоугодником). См. об этом в письме его бывшего подчиненного, И. П. Крылова: [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 360–361].

⁶ В текстах Леонтьева — Блонт.

⁷ Сейчас в музее г. Пераста выставлен портрет видного земляка. В 2019 г. здесь устраивалась посвященная ему выставка. См.: <https://montenegrina.net/fokus/perast-izlozba-konte-luidi-paolo-marija-viskovic-1828-1891-znameniti-pomorski-kapetan-konzul-i-rodoljub>.

австрийский вице-консул в Тульче, бывший капитан, позднее — генеральный консул в Бриндизи. Леонтьев сделал его прототипом одного из героев романа «Одиссей Полихрониадес»; правда, эта линия осталась незавершенной, как и сам роман.

Сблизившись с русским вице-консулом, Вискович не раз выступал его информантом. 2 ноября 1867 г. Леонтьев докладывал в посольство (с копией в Азиатский департамент): «...Вискович (далматинец родом) сообщил мне (под величайшей тайной и с просьбой не обозначать никому его имени)⁸ подробности о человеке, который был главной и скрытой пружиной трагедии, разыгравшейся к стыду Австрии на пароходе „Германия“»⁹ [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 141]. В том же донесении далее говорится, что Вискович «под теми же условиями строжайшей тайны» поведал о том, что поляки-эмигранты отправили некоего Очковского в Руцук, предлагал «принять меры» [Там же, с. 142]. «Как объяснить эту последнюю откровенность г. Висковича? Как хитрость австрийского чиновника, желавшего выпытать от меня о каких-нибудь принятых мною мерах? Или как невольное движение прямого по природе и доброго далматинского моряка, в котором пробудилось славянское чувство? Я думаю, — как то и другое вместе...» — заключал Леонтьев [Там же].

Не исключено, что Вискович — тот самый «неизвестный» помощник, кто снабдил Леонтьева подробной картой Тульчинского каймакамыка [Там же, с. 135]. Леонтьев пользовался «природным добродушием» коллеги и, рассчитывая на «его славянское происхождение» [Там же, с. 143], видимо, не раз прибегал к его помощи.

Но подобные отношения коллег — это редчайшее исключение, и, конечно, славянское происхождение бывшего моряка сыграло здесь определяющую роль. Можно предположить, что консулы сторонились друг друга, чтобы не навлечь подозрений со стороны местных жителей, ревностно за всем следящих, или своих же подчиненных, которые могли донести начальству. Однако ничто ведь не мешало — не слишком сближаясь — хотя бы наблюдать коллег со стороны? Это, несомненно, принесло бы службе больше пользы, чем то затворничество, которое Леонтьев в своем «обрусении» предпринял (конечно, на привычку к «затвору» повлияла еще и болезнь горла, следствие развивавшейся в юности чахотки, — уже в Янине он

⁸ Получается, что Леонтьев не выполнил его просьбу.

⁹ Речь идет об убийстве при попытке сопротивления во время ареста 8 августа 1867 г. на австрийском пароходе «Германия» серба Цветко Павловича и болгарина Николы Ворбанова-Войводова, участников болгарского восстания против турецкого владычества.

не хотел зимой лишний раз выходить из комнаты). Среди европейских коллег Леонтьева были настолько интересные люди, что даже странно — как он (художник!) мог этого не заметить. Рассмотрим всё по порядку.

Адрианополь

Получив назначение в Адрианополь — заменить уходящего в долгий отпуск Михаила Игнатьевича Золотарева (нач. 1830-х — 1870), а в дальнейшем остаться у него же секретарем, Леонтьев застал во французском консульстве пожилого дипломата — консула Анри Гиза (1787–1878; полное имя: Пьер-Франсуа-Мари-Анри), получившего назначение в Адрианополь в том же 1864 г. Он прослужит здесь до апреля 1867 г. (но и Леонтьев вскоре тоже получит новое назначение). До Адрианополя Гиз служил консулом в Бейруте (1837), Алеппо (1838–1847), Могадоре (Марокко; 1858–1861), был награжден орденом Почетного легиона (1833). Он член Академии Марселя, автор книг «Un dervich algérien en Syrie» («Алжирский дервиш в Сирии»; Paris, 1854), «Esquisse de l'état politique et commercial de la Syrie» («Очерк политического и торгового положения Сирии»; Paris, 1860), «La nation druse» («Народ друзы»; Paris, 1863; впервые: Revue de Marseille. 1860. Août) и др. В романе «Египетский голубь» Гиз послужил прототипом консула де-Шервиля.

Леонтьев почтенного французского коллегу, в общем, ценит, даже с похвалой отзываясь о нем в донесениях к Н. П. Игнатьеву. Что же его располагает к себе? То, что француз «не стремится посмеяться над монахами-католиками» и даже приходит к Леонтьеву «искать защиты исторического величия Церкви Понтифика и услуг, которые Папство оказало человечеству». «Благородный характер г. Гиза, одновременно миролюбивый и прямой, мало готовый к интриге <...> живой ум <...> доброта <...> легкие манеры (в которых вовсе нет мещанской гордости, обнаруживающейся со всей неловкостью у большинства французских служащих)...» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 27].

С уверенностью можно сказать: когда Леонтьев впоследствии будет высмеивать и обличать современных французов, утративших всякое понятие о культуре, это не может относиться к Гизу, человеку, рожденному еще при «старом режиме». Возможно, он мысленно с ним и сравнивал тех, кого встречал раньше (как, например, Дерше на Крите) или позднее. В очерке «Мои воспоминания о Фракии» Леонтьев характеризует Гиза как «человека образованного и не лишённого вкуса» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 148]. Но в очерке ничего не говорится о его научной деятельности, ничто не свидетельствует и о каких-либо более теплых «личных контактах». Может быть,

Леонтьеву тогда в Адрианополе просто было неинтересно беседовать со стариком (о чем он потом мог пожалеть), или, возможно, он не хотел привлекать внимание греческих старшин, и прежде всего своего собственного драгомана Эммануила Сакелларио, очевидного франкофоба. Напротив, в сохранившихся донесениях почти ничего не говорится об австрийском консуле Камерлохере, между тем именно с ним Леонтьев проводил свободное время (как уже было сказано, для двух персонажей его романов этот колоритный консул стал прототипом).

18 апреля 1867 г. Леонтьев пишет в очередном донесении: «Французский Консул г. Гиз сменен. — Французское Пр(авитель)ство будет иметь здесь отныне Вице-Консульство без секретаря и с одним драгоманом. — Сюда прибудет из Эрзерума г. де-Куртуа, как слышно, весьма набожный Католик.

Нет сомнения, что г. Гиз удален отсюда за нерадение к делам Пропаганды и вследствие интриг известного поляка Подхайского» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 116].

Новым представителем Франции в Адрианополе действительно стал ревностный католик Жозеф-Альбер де Куртуа (1831—1922; его однофамилец или родственник Альфред де Куртуа (1828—1869), дипломат и писатель, был секретарем посольств в Гамбурге, Петербурге и Мадриде). Новый вице-консул прибыл в Адрианополь в конце мая 1867 г., служил здесь по крайней мере до 1871 г., а впоследствии был консулом в Льеже. Сменивший Леонтьева в адрианопольском консульстве К. А. Губастов писал о нем 30 января 1868 г.: «Что Вам сказать о Куртуа? Мне он нравится — веселый, талантливый (он рисует и играет на фортепьяно), не глупый и образованный француз; Приматам¹⁰ же он вовсе не по нутру» (цит. по: [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 446]). Леонтьев на это отвечал 29 февраля: «Не вижу я (...) чтобы мое влияние на Вас было сильно, уже потому, что Вам *Courtois* не претит, а мне претит всякий француз» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 257]. Позднейший отзыв Губастова о Куртуа в его мемуарах ближе к леонтьевской оценке: «О французе *Courtois* можно только сказать, что он был совершенное ничтожество»¹¹.

Де Куртуа был призван способствовать католическому миссионерству. Помогал же ему в этом Викторен Галабер (1830—1885), французский священник-миссионер из ордена ассомпционистов, основатель Восточной миссии в Константинополе (1862) и его отделения и школы Св. Андрея (*école primaire Saint-André*) для детей болгар-униатов в Адрианополе (1864), на-

¹⁰ *Приматы* — старшины греческой и болгарской общин.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 39.

чавший свою деятельность во Фракии еще при Гизе¹². В письме к филиппопольским братьям-ассомпционистам из Адрианополя от 23 апреля 1867 г. о. Викторен сообщал как верное известие, что консульство в Адрианополе станет вице-консульством и что этот пост займет де Куртуа, благоволящий к миссии, а Гиз уедет через два месяца [Galabert, p. 437]. Об искренней религиозности де Куртуа о. Викторен говорит в письме к о. Франсуа Пикару от 19 октября 1867 г. [Ibid, p. 481]. Галабер упоминается в леонтьевских донесениях [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 116, 122], однако о каких-либо личных встречах ничего не известно.

Тульча

Сюда, на Нижний Дунай, часто заезжали небезынтересные путешественники-«шпионы», в частности австрийские (например, некий «геолог» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 135]), но они мало занимают русского вице-консула. Леонтьев общается со старым Сулейманом-пашой, с греческим консулом Николаидисом и с уже упомянутым нами австрийским Висковичем. Он полностью занят крайне симпатичными ему старообрядцами-«липованами», проблемами русского пароходства на Дунае и порученной ему слежкой за поляками-эмигрантами. Мы даже не знаем, кто были другие его коллеги, за исключением Адриена Лангле (1840—1883), будущего консула в Иерусалиме. В 1867 г. тому было всего 27 лет, и он для Леонтьева, вероятно, не представлял ни малейшего интереса¹³.

Янина

Находясь в Петербурге в долгожданном отпуске, Леонтьев, вопреки своим ожиданиям, получает назначение в глухую албанскую Янину. Отдаление от европейцев у него к этому времени все больше нарастает. В донесении от 7 июля 1869 г. есть фрагмент, в котором высказывается соображение о пользе для русских консулов на Востоке держаться обособленно от западных коллег. В Азиатском департаменте эту фразу, удивившись, отчеркнули на полях. Вот этот фрагмент:

«Я твердо убежден, что даже при тех не совсем выгодных условиях, в которые ставит иногда нас зависть и злоба Запада, Русский Консул может во всяком городе Турции достичь влияния, за которым не угоняться ни английским джентельменам *(так!)*, большею частию довольно тупым, ни полити-

¹² Его письма адрианопольского периода см.: [Galabert].

¹³ Впрочем, какое-то внеслужбное общение у них существовало, свидетельством чему служит сохранившаяся записка Леонтьева с ответом Лангле на ней же [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 259—260, 645].

чески слабым, не имеющим здесь под ногами почвы Австрийским Консулам, ни тем азартно воинственным нахалам, которых посылает на Восток „Вторая Империя“. Для достижения этого личного влияния достаточно двух условий: хороших отношений с турецким начальством и умения угодить Христианам.

При этих двух условиях Русский Консул может держаться особняком, сохраняя с своими коллегами лишь наружную вежливость.

А чем более держится он особняком, тем более выигрывает в глазах населения» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 233–234].

Кроме того, Леонтьев в Янине слишком занят своими семейными делами. В это время у него дважды подолгу гостит М. В. Леонтьева, отношения с которой именно здесь переходят границы дружбы дяди и племянницы. Занятый своим семейным «треугольником», он упускает в этом городе очень интересное общение с западными коллегами. Даже замечание Губастова в одном из писем, что в Янине собрался цвет дипломатии (см. об этом ниже), не меняет его скучающего пренебрежения.

Австрийским консульством в Эпире управлял в 1866–1870 гг. Юлиус Цвидинек фон Зюденхорст (1833–1918), позднее получивший баронский титул. Ничего в нем, может быть, и не было интересного для славянофила, кроме того, что он моравского происхождения. Вот бы Леонтьеву случая изучать западных славян, которые, по его мысли, теперь стали лишь «переводом с немецкого»¹⁴, и попытаться приобрести союзника, подобного Висковичу. Но, возможно, характер коллеги к тому не располагал.

Леонтьев сообщает начальству 7 июля 1869 г.: «...прибыл сюда г. д'Озон, Французский Консул в Эпире» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 232]. Его не нужно смешивать с известным ориенталистом Мураджей Д'Оссоном (1740–1807), и он не менее интересен. Огюст Дозон (Dozon; 1822–1890) — французский дипломат, лингвист, фольклорист, переводчик; консул в Белграде (1854–1863), Мостаре (1863–1865, 1875–1878), Филиппополе (1865–1869), Янине (1869–1875), на Кипре (1878–1881), в Салониках (1881–1885). Губастов 23 сентября 1869 г. спрашивал Леонтьева: «Как Вы довольны Вашими коллегами? Судя по слухам, Консульского тела¹⁵ в Янине такое, какого нигде нет: у Вас знаменитый Хан, не менее славный Дозон (которого я немного знаю; если он меня помнит, то faites lui mes compliments¹⁶)» — цит. по: [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 518]. Саму дипломатическую карьеру Дозон выбрал потому, что испытывал страстный интерес к редким иностранным языкам. К описываемому времени он уже выпустил сборник сербских на-

¹⁴ Ср.: [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 337].

¹⁵ Консульский корпус, *болг.*

¹⁶ Передайте ему мои поздравления, *фр.*

родных песен (L'épopée serbe. Chants populaires héroïques; 1859), а позднее издал сборники болгарских песен (Chansons populaires bulgares inédites; 1875), албанских легенд (Contes albanais; 1881), составил учебник албанского языка (Manuel de la langue chkiye, ou albanaise; 1879).

Упомянутый Губастовым Иоганн-Георг фон Хан (1811—1869), австрийский дипломат и лингвист и фольклорист, основатель албанистики как научной дисциплины¹⁷, служил вице-консулом в Янине значительно раньше — в 1847—1857 гг.; в 1869 г. он был генеральным консулом в Афинах. Если Губастов датировал свое письмо новым стилем, то дата его написания приходится как раз на день смерти консула Хана в Иене. Интересно, что именно под руководством Хана О. Дозон начал изучать албанский язык.

Леонтьев приобрел стойкое предубеждение к Дозону после первого же известия о нем — о том, как француз «уехал отсюда в Превезу, возмущенный тем, что Паша принимал его в *туфлях*». В своем донесении русский консул поясняет: «...вскоре после этого Паша жаловался мне на скучное церемониевство европейцев, и я сказал ему на это, что „смотреть на них нечего и что ни русские, ни турки не обязаны в дни не торжественные рабски владеть за их условными приличиями“» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 233]. Правда, его несколько примирило с коллегой то, что француз «женится на молодой гречанке из Св. Мавры»: «Я думаю, что этот брак повлияет хоть немного на его личные симпатии и принесет, быть может, при случае какую-нибудь пользу здешним единоверцам нашим. Г. д'Озон терпеть не может турок и служит, кажется, лишь по нужде» [Там же, с. 235].

Еще один янинский коллега Леонтьева — это «честный и ограниченный британский агент г. Стюарт» [Там же, с. 233]. Ирландец Роберт Стюарт (1812—1901), майор британской армии, ветеран Крымской войны, вице-консул в Воло (с 1858), консул в Янине (с 1861), генеральный консул в Одессе (1873), на Гаити (1874); член Королевского Географического общества. В 1856 г., например, он принял участие в экспедиции на г. Арарат. Странно, что Леонтьев, с таким интересом присматривавшийся в Крыму — после заключения мира — к английским офицерам, здесь при возможности частых встреч не испытывает никакого желания узнать поближе одного из них.

Но вот янинское «консульское тело» получает интересное и неожиданное пополнение. В донесении от 8 октября 1869 г. Леонтьев сообщает: «...Итальянское Правительство открыло здесь Консульство» [Там же, с. 235]. До 1869 г. в Янине действовали только итальянские консульские агенты (в романе «Одиссей Полихрониадес» описан такой агент — ловкий

¹⁷ См. о нем: [Grimm].

и обходительный портной Какачио). Леонтьев докладывает, что консулом Италии будет «г. de Gubernatis» [Там же], который в момент написания этого донесения еще не прибыл в Янину. Леонтьев пишет фамилию нового коллеги на французский манер, правильное итальянское написание: De Gubernatis. Энрико де Губернатис (1836–1914) — итальянский дипломат и ученый, консул в Тунисе (1860-е), Янине (1869–1875) — происходил из славной семьи. Это брат педагога и феминистки Терезы де Губернатис (1832–1893) и известного востоковеда Анджелино де Губернатиса (1840–1913); автор книг «Lettere sulla Tunisia e specialmente sulle Province de Susa e Monastir» («Письма о Тунисе и особенно о провинциях Суса и Монастир»; Firenze (Флоренция), 1867; в приложении были помещены два «археологических письма» Орацио Антинори), «L'Epiro: Relazione d'un viaggio da Janina a Valona del socio Enrico De Gubernatis» («Эпир: Отчет о путешествии из Янины в Валлону», 1872), «Aidoneo e San Donato: studio di mitologia epirotica» («Аидоней и Сан Донато: исследование по эпирской мифологии»; [Milano], 1874¹⁸), «Memorie Italiane nelle isole Jonie» («Итальянские памятники на Ионических островах»; Milano, 1908); составитель атласа Эпира: Carta d'Epiro compilata dietro gli studi fatti negli anni 1869–75 dal R^o Console De Gubernatis («Атлас Эпира, составленный в результате исследований, проведенных в 1869–1875 гг. королевским консулом де Губернатисом»; Roma, 1879; 2-е изд.: Roma, 1880), пояснения к этой работе содержатся в книге «Cenno sull'Epiro e sulla nuova Carta» («Заметки об Эпире и новом атласе»; Roma, 1880); издатель сборника «Turchia. Il Libano dal 1825 al 1892. Rapporto del region console generale in Beirut» («Турция. Ливан с 1825 по 1892. Донесения генеральных консулов в Бейруте»; Roma, 1894).

Вот как Леонтьев отозвался о нем в донесении Игнатьеву от 1 января 1871 г.: «Г. Губернатис — человек, не лишенный ума и познаний; он очень хороший и сговорчивый товарищ; но несчастье в том, что он никак не может удовлетвориться тем положением *пассивного наблюдателя*, которым удовлетворяются, сообразуясь с нынешними обстоятельствами, все другие Консула в Эпире» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 290].

Это написано как комментарий к сообщению о том, что Губернатис предложил греческой гимназии «выхлопотать от своего Правительства довольно значительное денежное вспомоществование этому учебному заведению и выписать для него одного учителя» [Там же, с. 289–290]. Ограничив-

¹⁸ Аидоней (Невидимый; одно из имен бога Аида) — мифический царь молоссов в Эпире, муж богини Персефоны; священномученик Донат (? — ок. 362) — епископ Ареццо, особо почитаем на севере Италии, откуда родом был туринец де Губернатис.

шись констатацией «ума и познаний» коллеги, Леонтьев, видимо, мало что почерпнул из их встреч. Так мимо него прошла богатая тема греко-итальянских взаимовлияний.

Салоники

В леонтьевских донесениях из столицы Македонского вилайета вовсе нет упоминаний о западных коллегах. Но и каких-либо дел «политического» характера там тоже не было. Там преобладала рутинная консульская служба в прямом смысле слова (выдача виз, дела по наследству и оформление финансовых документов и т. п.)¹⁹, а для нее у Леонтьева «не было ни бюрократических способностей, ни выдержки, ни вожделений» [Губастов, с. 226]. М. В. Леонтьева запомнила, что ее дядя общался только с молодым английским консулом, ценя его, «потому что он был на Афоне и хвалил богослужение в Русском Пантелеймоновском монастыре», — цит. по: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 107]. «Визитами служебными к нему европейских Консулов, турецкого Паши и некоторых греков-коммерсантов — он очень тяготился и бывал только тем доволен, что „разносил Европу“ (по его выражению) — европейским же Консулам и турецкому Паше, — который по этому поводу решил, что Русский Консул как будто помешан» [Там же, с. 109]. Дипломатическая карьера Леонтьева в это время завершалась, как завершается и мой рассказ.

Литература

- Губастов — Губастов К. А. Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 185–234.
- Дипломатические донесения — Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872). М.: РОССПЭН, 2003. 528 с.
- Долгов — Долгов К. М. Восхождение на Афон: Жизнь и миросозерцание Константина Леонтьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Отчий дом, 2008. 719 с.
- Жуков — Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 228 с.
- Коноплянцев — Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 1–142.
- Косик — Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 240 с.
- Леонтьев — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

¹⁹ Ряд подобных документов приведен в издании: [Долгов].

- Русия — Русия и българското национално-освободително движение, 1856–1876: Документи и материали. София, 1990. Т. 2. 507 с.
- Фетисенко 2010 — *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев: «Турецкий игумен» в «славянском монастыре» // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6. С. 165–196.
- Фетисенко 2017 — *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев на коронной и частной службе // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.]. СПб.: Владимир Даль, 2017. Т. 10, кн. 1. С. 319–383.
- Фетисенко 2020 — *Фетисенко О. Л.* «Наследники Византии» глазами друзей и недругов: (Русская государственность как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева) // Два века русской классики. 2020. № 4. С. 250–259.
- Galabert — *Lettres du P. Victorin Galabert*. Rome, 2014. Т. 3: 1865–1867. 565 p.
- Grimm — *Grimm G. Johann Georg von Hahn (1811–1869): Leben und Werk*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1964. 385 S. (Albanische Forschungen; Vol. 1).

References

- Dolgov, K. M. (2008). *Voskhozhdenie na Afon. Zhizn' i mirosozertsanie Konstantina Leont'eva*. 3 ed. Moscow: Otchii dom. 719 p.
- Fetisenko, O. L. (2017). 'Konstantin Leont'ev na koronnoi i chastnoi sluzhbe', in: Leont'ev, K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 17, 1, 319–383.
- Fetisenko, O. L. (2010). 'Konstantin Leont'ev: "Turetskii igumen" v "slavyanskom monastyre"', in: *Khristianstvo i russkaya literatura*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 6, 165–196.
- Fetisenko, O. L. (2020). '"Nasledniki Vizantii" glazami druzei i nedrugov. (Russkaya gosudarstvennost' kak skvoznaya tema "vostochnykh povestei" K. N. Leont'eva)', *Dva veka russkoi klassiki*, 4, 250–259.
- Grimm, G. (1964). *Johann Georg von Hahn (1811–1869). Leben und Werk*. Wiesbaden: O. Harrassowitz. 385 p. (Albanische Forschungen; Vol. 1).
- Gubastov, K. A. (1911). 'Iz lichnykh vospominanii o K. N. Leont'eva', in: *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya "Sirius", 185–234.
- Konoplyantsev, A. M. (1911). 'Zhizn' K. N. Leont'eva v svyazi s razvitiem ego mirosozertsaniya', in: *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya "Sirius", 1–142.
- Kosik, V. I. (1997). *Konstantin Leont'ev: razmyshleniya na slavyanskuyu temu*. Moscow: Zertsalo. 240 p.
- Konstantin Nikolaevich Leont'ev. Diplomaticheskie doneseniya, pis'ma, zapiski, otchety (1865–1872)* (2003). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 528 p.
- Leont'ev, K. N. (2000–2021). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. V. A. Kotelnikov, O. L. Fetisenko, eds. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Lettres du P. Victorin Galabert* (2014). Vol. 3: 1865–1867. Rome. 565 p.
- Rusiya i bylgarskoto natsionalno-osvoboditelno dvizhenie, 1856–1876: Dokumenti i materialii* (1990). Sofiya. Vol. 2. 507 p.
- Zhukov, K. A. (2006). *Vostochnyi vopros v istoriosofskoi kontseptsii K. N. Leont'eva*. Saint Petersburg: Aleteiya. 228 p.

В. А. Котельников

**«ИМЕЕТ ДОСТОИНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЕ»
(К. Н. ЛЕОНТЬЕВ И Б. М. МАРКЕВИЧ)**

Резюме

В статье рассматривается отношение мыслителя и литературного критика К. Н. Леонтьева к творчеству писателя Б. М. Маркевича. Приводятся сведения об участии Леонтьева в создании образа Троекурова в романе Маркевича «Перелом», в конфликте между Маркевичем и И. С. Тургеневым.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, Б. М. Маркевич, романы Маркевича, их герои и прототипы, историзм

Vladimir A. Kotelnikov

**«IT HAS THE MERIT OF A HISTORICAL WORK»
(KONSTANTIN LEONTIEV AND BOLESLAV MARKEVICH)**

Abstract

The article examines the attitude of the thinker and literary critic Konstantin Leontiev to the work of the writer Boleslav Markevich. The article provides information about Leontiev's role in the creation of the image of Troekurov in Markevich's novel *Perelom* and in the conflict between Markevich and Ivan Turgenev.

Keywords: Konstantin Leontiev, Boleslav M. Markevich, Markevich's novels, literary characters and prototypes, historicism

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-157-166

«Имеет достоинство историческое» — так оценил К. Н. Леонтьев роман Болеслава Михайловича Маркевича (1822—1884) «Перелом», входящий в его знаменитую трилогию: «Четверть века назад», «Перелом», «Бездна» (1878—1884).

У Леонтьева были весьма веские причины для такого суждения о романе. По этим же причинам он вывел Маркевича из того литературного гетто, в которое его вместе с прочими дворянскими писателями — «ретроградями», «обскурантами», «реакционерами» — заключила радикально-демократическая критика, учинявшая «аристократам» нещадную экзекуцию. Леонтьев выдвинул Маркевича в первый ряд гораздо решительнее и убедительнее, чем ранее это сделал в своей статье о «Переломе» П. К. Щебальский [Щебальский], будущий коллега Леонтьева по редакции «Варшавского дневника».

Во-первых, Леонтьев нашел в романах Маркевича подлинный *историзм*, указал на тесную связь его творчества (уже на основании первого романа трилогии) с былой и настоящей жизнью общества. Во-вторых, поставил его в этом качестве рядом с Л. Толстым. В статье «Еще о „Дикарке“ гг. Соловьева и Островского» (1880) Леонтьев писал: «Соловьев может стать для русской сцены почти тем, чем граф Л. Толстой и г. Маркевич (особенно в последнем великолепном произведении своем „Четверть века тому назад“) стали для русского романа, т. е. не то, чтобы реакционером, а почти что так... *напоминателем забытого, но еще существующего*» [Леонтьев, т. 9, с. 124]. «Забытое существующее» — это жизнь, переходящая из одних исторических форм в другие, меняющаяся и сохраняющаяся в людях и вещах.

Кроме того, как верно замечает О. Л. Фетисенко, «в Маркевиче Леонтьев нашел собеседника, который разделял его культ „эстетики жизни“ и ненависть к „либеральщине“ и „европеизму“» [Фетисенко, с. 350]. И что было особенно дорого Леонтьеву — именно с этих позиций освещались изображаемые Маркевичем события и лица русской жизни, сопровождаемые точной и подробной обрисовкой социально-политической и бытовой их обстановки.

По поводу «Четверти века назад» Маркевич в письме помощнику Каткова Николаю Алексеевичу Любимову (1830—1897) от 14 июля 1878 г. из Красного Рога (имения А. К. Толстого) писал: «Роман мой имеет предметом изображение московского общества 25 лет тому назад с теми интересами, идеалами, побуждениями, какими жили люди той эпохи; герой мой имеет совершенно определенный оттенок мнений известной тогдашней партии». И негодовал, что в редакции «Русского вестника» «все это вон, похерено, изрезано! Славянофил мой превращается в бесцветнейшего водевильного

героя (...) весь колорит времени стерт!... (...) Но этого мало. Не только весь политический оттенок в характере героя безжалостно уничтожен, но при этом не пощажен и разговор двух главных лиц, не имеющий ничего политического, как бы нарочно для того, чтобы этих лиц именно совершенно уже обесцветить. (...) Безжалостная рука прошла таким образом по всему написанному»¹.

Этот-то «колорит времени», это, как позже скажет Леонтьев, «веяние известным духом времени или среды» [Леонтьев, т. 9, с. 243] — вот что высоко ценит он у Маркевича, как и у Толстого. Выражение такого «колорита» и «веяния» у последнего он находит в том числе в светских сценах «Войны и мира», «так красиво, так тонко и как бы благоуханно» изображенных Толстым, — и восклицает: «У кого мы это еще найдем! — Только у Маркевича в „Четверти века“ и „Переломе“» [Там же, с. 260].

Однако в этих романах Маркевич отнюдь не только «напоминатель» и живописатель той жизни дворянства, столичного и поместного, правительственных и придворных кругов, которую он во всех подробностях знал изнутри, не только собиратель ушедших «типов прошлого» (название его романа 1867 г.), — он, в сущности, эпик-драматург, работающий с материалом этой жизни, придающий ее изображению форму тяжелой социально-политической драмы, трагическую развязку которой ничто и никто уже не может предотвратить. Показательно, что основное действие «Четверти века» разворачивается в ходе подготовки и постановки на домашнем театре трагедии «Гамлет»; между участниками спектакля возникают напряженные драматичные отношения, которыми управляет Шекспир, а завершается роман смертью исполнявшей роль Офелии княжны Лины и самоубийством старого князя Шастунова.

С похвалой, хотя и не без едких замечаний о языке, отозвался о романе Леонтьев. Вскоре по выходе романа он писал Вс. С. Соловьеву 14 декабря 1878 г.: «Как Вы находите, прав ли я или нет, если я Вам скажу, что *сюжет*, по-моему, гораздо интереснее и даже серьезнее „Анны Карениной“ и есть места восхитительные по силе и поэзии (напр(имер), хоть *представление* Гамлета или кутёж и политический спор после бала); но какая разница в *чистоте исполнения*! Герои всё „взвизгивают“, „всхлипывают“, всё „невольнo“ оглядывают(ся) (это *невольно*!). Еще что? — Ах! Да... „Недоумело“, не „наильно улыбаясь“, и даже не „наильственно“, а „наильованно“... Что за язык! — Очень немного есть нынешних писателей, которых приятно и *не стыдно* громко читать. (...) Но зато князь Ларион, граф Анисьев, Аглая

¹ РО ИРЛИ. Ф. 160. Ед. хр. 2. Л. 222.

и некоторые второстепенные лица до того хороши, что так бы хотелось выскоблить ножичком все эти шероховатости языка» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 281]. А в письме К. А. Губастову от 4—19 июля 1885 г. он вспомнил о времени, когда впервые прочел роман и еще не был знаком с его автором, который тогда «вдруг составил себе имя романом „¼ века тому назад“. Роман прелестен, и весь Тургенев — одной главы этого романа не стоит!» [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 116—117].

Никаких перспектив, которые намечены образами Пьера Безухова, Платона Каратаева, Константина Левина, у Маркевича, конечно, нет и быть не может — болезнь слишком глубоко захватила общество, и прогноз неутешителен. Посылая И. С. Аксакову только что вышедшее отдельное издание «Перелома» 21 февраля 1882 г., Маркевич, не желая раздражать адресата-славянофила пессимистическими предвидениями, весьма сдержанно определял авторскую цель своей «правдивой истории»: «В прилагаемом при сем романе я, по мере сил, старался изобразить патологические состояния нашего общества вслед за реформами 19-го февраля»².

Историзм в романах Маркевича поддерживается и конкретизируется в персонажах, имеющих прототипическое происхождение, которое было очевидно для современников автора. Не упустил его из виду и Леонтьев.

Правда, А. П. Чехов, познакомившийся с Маркевичем летом 1883 г. и читавший его произведения, писал Н. А. Лейкину 30 января 1884 г., что «знает и автора, и его друзей, которых он нещадно третирует своей сплетней в „Безднах“ и „Переломах“» [Чехов, с. 100]. Но в такой оценке молодого Чехова отозвалось прежде всего мнение либеральной журнальной среды, с которой он уже был тесно связан. Маркевич же отнюдь не «третировал» лиц, послуживших прототипами его персонажей, а лишь использовал их черты, принадлежавшие времени, чтобы дать им литературное существование в романах. Хотя в обрисовке иных персонажей, представлявших деятелей высшей бюрократии, сатирические оттенки, безусловно, присутствуют.

В образе Ашанина (действующего во всех трех романах) он воспроизводит некоторые черты внешности и характера Владимира Петровича Бегичева (1828—1891) — драматурга, чиновника в разных учреждениях; с октября 1864 г. он служил в должности инспектора репертуара московских Императорских театров, с октября 1881 г. недолго был управляющим этими театрами, возглавлял Московскую театральную контору. В его драматургии преобладали переводы французских пьес, в 1853 г. в Малом театре был поставлен водевиль «Китайская роза», написанный в соавторстве с Маркевичем, с ко-

² РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 31. Л. 1 об.

торым Бегичев поддерживал дружеские отношения. Овдовев после женитьбы на «перезрелой деве», очаровавшей его исполнением романсов, он женился на артистке-любительнице М. В. Шиловской; но брак не мешал ему быть в московском обществе одной из весьма заметных и колоритных фигур благодаря как талантам, так и многочисленным любовным увлечениям. Его называют прототипом Ашанина А. П. Чехов [Чехов, с. 100] и А. Г. Фомин³. Свойственное Бегичеву легкомыслие при всей симпатии к приятелю иногда повергало Маркевича в отчаяние, о чем он писал Н. А. Любимову (в недатированном письме), когда пропала его рукопись, доверенная «этому шелопаю» Бегичеву для передачи в редакцию «Русского вестника»⁴.

В образе Гундунова отразились некоторые стороны личности, воззрений и деятельности идеолога славянофильства Юрия Федоровича Самарина (1819–1876) и Александра Николаевича Попова (1819, или 1820, или 1821 — 1877), историка, законоведа, публициста, который под влиянием А. С. Хомякова усвоил и развивал славянофильские идеи. Оба окончили Московский университет, и оба были знакомы Маркевичу. Леонтьев писал о Гундунове, что «политическая роль его похожа на ту, которую играл Юрий Федорович Самарин в деле освобождения крестьян» [Леонтьев, т. 9, с. 151]⁵.

По основательному предположению А. Г. Фомина, в образе графа Анисьева отразились некоторые черты личности князя Василия Андреевича Долгорукого (1804–1868), сделавшего блестящую военную и придворную карьеру⁶. Под именем «графа» в романе представлен в некоторых характерных чертах широко известный в Москве и Петербурге граф Арсений Андреевич Закревский (1783–1865), военный и государственный деятель. С 1848 по 1859 г. он был московским военным генерал-губернатором, проявив на этом посту худшие свойства администраторов николаевской эпохи. На этот прототип персонажа указывает, на основании некоторых источников, А. Г. Фомин⁷.

По признанию самого Маркевича, личность его домашнего учителя с «фотографической верностью» запечатлена в образе Василия Григорьевича Юшкова.

Единственный (и наиболее близкий автору) герой, который в области своих убеждений, в практической деятельности и как нравственно и умствен-

³ РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 386.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 160. Ед. хр. 2. Л. 216–217.

⁵ Ср. в письме Маркевича к Леонтьеву от 12 августа 1880 г.: «...Гундунов, славянофил (я имел прототипом Самарина)...» [цит. по: Фетисенко, с. 345].

⁶ См.: РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 157.

⁷ Там же. Л. 143.

но здоровая натура противостоит всей общественной «патологии», — это Борис Васильевич Троекуров, который в романе по-леонтьевски героичен, эстетичен и патриотичен. Гундунов же, не способный занять такую позицию, вполне чужд Маркевичу, о чем он писал П. К. Щебальскому 23 июля 1880 г., в разгар работы над романом: «Доктринерство Гундунова не только не владеет моими сочувствиями, — оно, как говорится, *pretit* всем моим инстинктам (оно не *эстетично*, уже прежде всего). Но я — *русский* художник (*passer moi cette forfanterie* (простите мне это бахвальство, *фр.*)); чувство правды берет у меня верх над всеми моими соображениями. Если у меня Гундунов говорит „умнее“ Наташанцева, то это потому, что, увы, в действительности это было так. Я знал оба лагеря тех времен. {...} Гундунов „умен“ не столько *an sich* (*здесь*: сам по себе, *нем.*), как теми фактами истории, на которых сидит он верхом...» [Маркевич, с. 149].

Что касается главного героя этого и третьего романов, то Маркевич в письме к Щебальскому от 4 апреля 1882 г. решительно утверждал, что ни с кого «не списывал Троекурова», как не списывал и фигуру Киры Кубенской [Маркевич, с. 167]. Примечательно, что некоторую роль в создании образа Троекурова сыграл Леонтьев, который в письме к К. А. Губастову от 4–19 июля 1885 г. вспоминал о Маркевиче: «Он всякий раз, когда бывает в Москве, заезжает ко мне, сидит, советуется даже (в создании *Троекурова* — я, похваюсь, принял немалое участие; — я говорил ему: „Ради Бога — никому и ничему не приносите в жертву достоинства Троекурова; — пожалуста, не подчините его как-нибудь *сильной* женщине... Хоть бы этой Кире — чтоб не вышел он у вас слабым Тургеневским героем... Это ужасно! Это ложь... С какой стати... я буду какой-то этой „сильной“ женщине подчиняться... Бросить ее к чорту, если не можешь преобладать!“ и т. д.). Относительно некоторых мест в романе „Перелом“ он прямо извинялся передо мной, что „воспользовался“ моими идеями и даже моими выражениями. — (Напр(имер), когда Троекуров верхом катается с Княжн(ой) Кубенской и развивает ей *почти то*, что развивается отчасти явно, отчасти между строчками в моем „Византизме“ и т. п.; или выражение „соединение чего-то великобританского с лезгинским“ (в Троекурове); — это прямо из Варш(авского) Дневника). — Я говорил ему на это, что я очень рад, пусть пользуется, лишь бы вести пропаганду правильных идей и вкусов...» [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 117]⁸. Указывая на «живых действительных людей» в русских литературных персонажах, то есть на воплощенные в них крупные

⁸ Указывая на «Варшавский дневник», Леонтьев подразумевал фрагмент из своей статьи в защиту Маркевича [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 31]. См. также: [Фетисенко, с. 348–350].

человеческие типы, Леонтьев выше всех ставит троих: Андрея Болконского, Вронского и Троекурова [Леонтьев, т. 9, с. 241].

У романа были и литературные источники. В образе Овцына-отца в его отношениях к сыну Иринарху очевидна близость к образу Степана Трофимовича Верховенского в его отношениях к сыну Петруше, они в романе Достоевского «Бесы» выступали один — как носитель идей сороковых годов и тип идеалиста той эпохи, а второй — как порожденный ею же идеолог и практик нигилизма и радикального разрушения. Надо заметить, что именно этот роман повлиял на появление черт саркастической иронии в развитии социально-критической темы в трилогии и к нему восходит нарастающий пессимизм писателя в романной трактовке общественно-политической жизни России в 1860–1870-е гг.

Но некоторые персонажи, несомненно, имели своих современных прототипов, что обостряло читательский интерес к произведению.

Актуальная в 1859–1860-х гг. тема крестьянской реформы занимает в романе значительное место. Маркевич в нескольких персонажах с вымышленными именами нарисовал без труда узнаваемые фигуры реальных деятелей той эпохи. Это прежде всего (героиня называет его «monstre») Яков Иванович Ростовцев (1803–1860), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1859 г. возглавлявший Редакционные комиссии по подготовке реформы, деятельность которых он направлял в соответствии с правительственной программой. Идентичность персонажа поддерживается и хронологией романских событий: Ростовцев скончался 6 февраля, сцена с упоминанием о его смерти отнесена к началу февраля. Под именем Линютина фигурирует товарищ министра внутренних дел Николай Алексеевич Милютин (1818–1872), представитель либеральной бюрократии, к которой Маркевич относился критически, активный участник подготовки реформы. В лице Бековича выведен государственный и общественный деятель князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), с либеральных позиций участвовавший в подготовке реформы. Под именем Вилина в романе фигурирует государственный деятель граф Виктор Никитич Панин (1801–1874), в 1841–1861 гг. министр юстиции. Как член Секретного, затем Главного комитетов по крестьянскому делу он препятствовал отмене крепостного права и проведению реформ, а став в 1860 г. председателем Редакционных комиссий, ревностно отстаивал интересы дворян-землевладельцев. Под именем Данского в романе подразумевается государственный деятель Сергей Степанович Ланской (1787–1862) — член Государственного совета, в 1855–1861 гг. министр внутренних дел, член Секретного комитета по крестьянскому делу; еще в 1857 г. представил записку, в которой предлагал лич-

ное освобождение крестьян. Ряд черт в образе Паванова указывает на государственного деятеля графа Петра Александровича Валуева (1814–1890), в 1858–1861 гг. директора департамента Министерства государственных имуществ, с 1861 по 1868 г. министра внутренних дел, который в период подготовки освобождения крестьян от крепостной зависимости занимал правые позиции. В четвертой части романа появляется в кабинете Паванова Ягин, в образе которого представлен государственный деятель Александр Васильевич Головин (1821–1886), возглавлявший с декабря 1861 г. по апрель 1866 г. Министерство народного просвещения, способствовавший проведению некоторых реформ в образовательных учреждениях, склонный к либеральным решениям в своей деятельности, хотя и противодействовавший влиянию Герцена в русском обществе. За образом генерала Бахратидова просматривается фигура государственного деятеля графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова (1825–1888); наряду с административным противодействием революционному движению он пытался привлечь на свою сторону оппозиционную часть общества. Вполне правдоподобны предположения, что в образе «меломана-фанатика» Топыгина изображен известный эстет критик Василий Петрович Боткин (1811–1869), в образе Самурова — Иван Сергеевич Тургенев, который еще прежде (и впоследствии) крайне неблагоприятно отзывался о творчестве и личности Маркевича. Между этими персонажами при встрече с ними Троекурова появляется некто Гаврилкин с его «совершенно французским благёрством», в котором можно усмотреть черты Д. В. Григоровича; на него намекает К. К. Арсеньев в статье «Роман — орудие регресса» [Арсеньев, с. 836].

Леонтьев в своей рецензии «„Перелом“ Б. М. Маркевича»⁹ утверждал, что появляющиеся в «Переломе» новые лица, «очень умно задуманные и художественно изображенные», «чуть-чуть не прямо списаны с весьма известных особ». Он заявлял: «За сходство ненадежного „художника“ Самурова и непоколебимого, угрюмого графа Вилина с их действительными оригиналами пишуций эти строки может ручаться, так как ему пришлось видеть и знать несколько и того и другого» [Леонтьев, т. 9, с. 152]. Тургенева Леонтьев знал достаточно хорошо. «Действительным оригиналом» Вилина был упомянутый выше граф В. Н. Панин, о знакомстве с которым («бывшим министром») Леонтьев писал Н. Н. Страхову 19 ноября 1870 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 292]. В цитируемой рецензии Леонтьев, сравнивая Маркевича с ним же самим, полагал, что «Перелом» «выше всех прежних его сочинений, за исключением „Четверти века назад“... Роман „Четверть века“

⁹ Московские ведомости. 1882. № 90, 2 апр.

написан с необычайною теплотой, удивительною искренностью и правдой поэзии» [Леонтьев, т. 9, с. 153]. «Перелом» же, в котором «есть страницы, полные чувства и глубокого драматизма: таковы сцены смерти Ольги Ранцевой и сцена прощанья севастопольского героя с несчастным мальчиком-сыном, которого совратил гнусный Овцын в нигилизм», по мнению Леонтьева, «имеет достоинство *историческое*. Автор близко знаком с жизнью высшего петербургского круга, и многие *действительные* драматические черты той эпохи, которая на этот раз избрана г. Маркевичем, будут, благодаря его блестящему произведению, сохранены для потомства» [Там же].

В связи с образом Самурова либеральная журналистика подняла громкий шум, не скрывая негодования за непочтительное отношение к их кумиру — Тургеневу. Н. К. Михайловский в «Журнальном обозрении» своих «Записок современника»¹⁰ говорит о «пасквиле» на «одного нашего известного писателя», а позже в заметке «О крокодиловых слезах» уже прямо указывает, что «Самуров есть пасквиль на Тургенева»¹¹, и обвиняет Маркевича в лицемерии, так как он, по мнению критика, оплакивает «помрачение солнца» «эффиопами» (то есть отрицание искусства нигилистами), а сам пишет пасквиль на великого художника. Тургенев еще до появления «Перелома» считал, что Маркевич в своих писаниях мстит ему за то, что был шаржирован в романе «Новь» в образе Ladislas'a, о чем писал М. М. Стасюлевичу 25 (13) января 1877 г. [Стасюлевич, с. 110].

Леонтьев вступился за Маркевича в его столкновении с Тургеневым, когда многие писавшие об этом газеты встали на сторону последнего. Распря началась с фельетона Маркевича, опубликованного в «Московских ведомостях» (1879. № 313, 9 дек.) под псевдонимом «Иногородний обыватель», в котором было приведено (в переводе с французского) предисловие Тургенева к воспоминаниям революционера-народовольца И. Я. Павловского и содержался упрек Тургеневу в симпатиях к нигилизму. Разгорелась газетная перепалка, в адрес Маркевича и Каткова раздавались обвинения в доносительстве¹². Леонтьев в передовице «Варшавского дневника» «Варшава, 19 января» (1880) отвергает такие обвинения и видит в выступлениях литераторов консервативного лагеря законное выражение их гражданских убеждений. Он создает апологию охранительного направления, стремящегося удерживать прекрасное в жизни и изображать его в искусстве, для чего необходима честность мысли и честность творчества. Заключение статьи

¹⁰ Отечественные записки. 1882. № 1.

¹¹ Северный вестник. 1882. № 10. С. 172.

¹² См. об этом в подробном комментарии О. Л. Фетисенко к статье Леонтьева: [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 803–808].

замечательно по своему пафосу: «*Указывая* людям на это прекрасное, писатель служит родине. Такого рода должна быть честность художника, и, вероятно, именно отсутствие подобной-то честности у г. Тургенева раздражает и г. Маркевича, и г. Каткова, и многих других» [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 33].

Литература

- Арсеньев — *Арсеньев К. К.* Роман — орудие регресса: Полное собрание сочинений Б. М. Маркевича. СПб., 1885 // Вестник Европы. 1882. № 2. С. 823–848.
- Леонтьев — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
- Маркевич — Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и друг(им). СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. 369 с.
- Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб.: [б. и.], 1912. Т. 3. 790 с.
- Фетисенко — *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
- Чехов — *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974. Т. 1: Письма, 1874–1886. 584 с.
- Щербальский — *Щербальский П. К.* Роман из эпохи освобождения крестьян: *Перелом*, правдивая история Б. Маркевича // Русский вестник. 1882. № 3. С. 350–383.

References

- Arseniev, K. K. (1886). 'Roman — orudie regressa', *Vestnik Evropy*, 2, 823–848.
- Chekhov, A. P. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 12 vols. Moscow: Nauka. Vol. 1. 584 p.
- Fetisenko, O. L. (2012). "Geptastilisty": Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 784 p.
- Leont'ev, K. N. (2000–2021). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. V. A. Kotelnikov, O. L. Fetisenko, eds. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Pis'ma B. M. Markevicha k grafu A. K. Tolstomu, P. K. Shchebalskomu i drugim* (1888). Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 369 p.
- Shchebalskii, P. K. (1882). 'Roman iz epokhi osvobozhdeniya krest'yan. *Perelom*, pravdivaya istoriya B. Markevicha', *Russkii vestnik*, 3, 350–383.
- M. M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske (1912). 5 vols. Saint Petersburg: [s. n.]. Vol. 3. 790 p.

В. А. Фатеев

125-Я ГОДОВЩИНА КОНЧИНЫ Н. Н. СТРАХОВА

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-167-174

Среди памятных дат, отмеченных в 2021 г., следует выделить 125-ю годовщину со дня кончины литературного критика, философа и публициста Н. Н. Страхова. Это событие произошло внешне почти незаметно и было отмечено разве что специалистами, которые посвятили скромному, но незаурядному мыслителю заочные интернет-конференции в Белгороде, на родине писателя, в Институте мировой литературы в Москве и в Санкт-Петербургской Духовной академии. В то же время никак нельзя сказать, что личность и творчество Страхова отошли на задний исторический план или по-прежнему преданы забвению. Скорее наоборот: интерес к творческому наследию критика и мыслителя второй половины XIX в. в наши дни растет, о чем свидетельствуют продолжающиеся вокруг его имени литературно-философские споры, и особенно выход в свет в 2021 г. сразу нескольких посвященных ему книг. Еще одним отрадным событием года стало завершение к дню рождения писателя реставрации его надгробного памятника.

* * *

Литературный критик, философ и публицист Николай Николаевич Страхов прожил в Петербурге почти всю жизнь, хотя родился он 16 (28) октября 1828 г. в уездном городке Курской губернии Белгороде в семье священника. Страхов приехал в Петербург пятнадцатилетним подростком в 1874 г. из Костромы, где учился в духовной семинарии, горя желанием заниматься науками. После окончания Главного педагогического института

он год преподавал в Одесской гимназии и затем вернулся в столицу, где прожил до конца своей жизни. Но к Петербургу Страхов так и не привязался — ему не по нутру была казенная суетливая атмосфера столицы, но прежде всего он тяготился сырым балтийским климатом града Петрова, недостатком в нем тепла и света.

В промозглую петербургскую погоду он вспоминал родной солнечный Белгород и каждый год к осени с неохотой возвращался домой после пребывания в гостях у своих ближайших друзей — из Ясной Поляны, усадьбы Льва Толстого, своего рода страховской «Мекки», из не менее гостеприимной Воробьевки А. А. Фета в Курской губернии, но особенно из Мшатки — сказочно красивого, залитого южным солнцем имения Н. Я. Данилевского в Крыму.

Немаловажной причиной грустного настроения Страхова при возвращении домой, помимо климата, было еще и то, что семейного тепла он так и не испытал, и его холостяцкая петербургская жизнь прошла по съемным квартирам, из которых дольше всего он прожил у Торгового моста через Крюков канал. Холостяк Страхов поселился в этой квартире возле Императорского Мариинского театра в 1875 г. вместе с семьей писателя Д. И. Стасеева, и именно оттуда он отправился в свой последний путь на кладбище Новодевичьего монастыря.

Страхов жил уединенно и скромно, почти по-монашески, посвятив себя целиком наукам и литературе. Единственным его увлечением было собирание книг, которые занимали почти всё пространство обеих его комнат и уже выбирались даже в прихожую. Страхов не только был страстным собирателем книг, но за чтением в кабинетной тиши он проводил большую часть своего времени. Писатель Стасеев ярко описал образ жизни своего необычного соседа по квартире в повести под характерным названием «Пустынножитель». Умудренный знанием Страхов был, по общему признанию, одним из просвещеннейших людей России.

Но никак нельзя сказать, что Страхов был в Петербурге совсем уж одинок. Как критик и публицист он активно участвовал в литературно-общественной жизни Петербурга. Правда, со временем отошли в прошлое бурные времена, когда он спорил с радикальной оппозицией в почвеннических журналах «Время» и «Эпоха» братьев Достоевских, отстаивал славянофильски-патриотические идеалы в журнале «Заря», защищал в печати идеи своего покойного друга Данилевского от несправедливых нападок на них философа Владимира Соловьева. Однако Страхов до конца своих дней принимал участие в литературной деятельности. В декабре 1895 г. вышло в свет последнее прижизненное издание Страхова — третий, заключительный том

его философской публицистики под боевым названием «Борьба с Западом в нашей литературе».

Страхов был связан незримыми интеллектуальными узами с кругом самых умных и талантливых людей России. Он вел активную переписку с многочисленными друзьями, и теперь, когда его эпистолярное наследие в основном опубликовано, выяснилось, что оно представляет собой огромную культурную ценность. С годами ряды духовно близких Страхову людей всё редели, но сохранялось дружеское общение с тоже уже пожилыми, умудренными жизненным опытом почтенными «старцами» отечественной культуры вроде историка К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Майкова, М. И. Голенищева-Кутузова, П. А. Кускова.

Не только забот, но и бодрости добавляло Страхову его общение с молодым талантом Василием Розановым, перебравшимся в Петербург за три года до кончины его литературного учителя или, скорее, «литературной няньки».

После онкологической операции летом 1895 г. Страхов терпеливо и с достоинством принял к концу года рецидив болезни. До последних дней своей жизни он сохранял присутствие духа и внутреннее спокойствие. Последние слова его были: «Ну, я отдохнул, теперь поработаю». Стахеев в воспоминаниях свидетельствовал: «Страхова, кстати сказать, иначе нельзя себе и представить, как с улыбкой, и не только в то время, когда он, хлороформированный, лежал под ножом оператора в Николаевском сухопутном госпитале (...) на лице его оставалось обычное добродушное выражение улыбки, но даже и тогда, когда он был разлучен со своими книгами и уложен в гроб, — на лице его сохранилась улыбка...»

Страхов скончался 24 января (5 февраля по новому стилю) 1896 г. в возрасте 68 лет. По тем временам это был уже преклонный возраст, и Страхов достойно встретил свою кончину. Розанова в эти беспокойные дни волновали две вещи. Во-первых, он так и не успел расплатиться за свою первую книгу, «Легенда о Великом инквизиторе Достоевского», изданную на средства вовсе не богатого Страхова, нередко выступавшего в роли его «опекуна». Во-вторых, ему очень хотелось, чтобы Страхов перед кончиной исповедовался и принял Причастие. Распространено мнение, будто скептик Страхов причащаться не хотел, но присутствовавший при его кончине Д. И. Стахеев настойчиво утверждал, что в ночь перед кончиной он слабым голосом попросил вызвать священника. Священник приходил, однако к этому времени писатель уже умер.

Похоронная процессия от Крюкова канала до далекого Новодевичьего монастыря шла в сопровождении небольшого числа верных друзей покой-

ного. Похороны писателя на Новодевичьем кладбище, как и вся его жизнь, были скромными. Присутствовали лишь близкие ему люди, в том числе В. В. Розанов, П. А. Кусков, Б. В. Никольский. Речей было сказано не много, но они были проникновенны и искренни.

В ближайшие дни после кончины Страхова почти все петербургские периодические издания откликнулись на смерть писателя теплыми некрологами. Пусть Страхова как литературного критика, философа и публициста ценили немногие и он не был при жизни знаменит, однако все знавшие его отмечали благородство и готовность помогать ближним. В особую заслугу писателю ставили то, что он положил много сил на издание трудов и увековечение памяти своих близких друзей — литературного критика и поэта Ап. А. Григорьева и натуралиста, мыслителя и публициста Н. Я. Данилевского.

В. В. Розанов, который был не слишком надежным преемником литературно-философских позиций Страхова, все-таки отдал ему должное, написав о своем учителе в литературе множество статей и поистине увековечив его память замечательной книгой «Литературные изгнанники».

Уже в наше время, и особенно именно в этом году, мы наблюдаем новую волну интереса к творческому наследию Н. Н. Страхова. В 2021 г. был издан двухтомник философских статей основателя Русского общества памяти Н. Н. Страхова Н. П. Ильина «Моя борьба за русскую философию», где в доброй половине работ с почтением упоминается имя Страхова как одного из основоположников русской философии. Издательством «Пушкинский Дом» выпущена монография В. А. Фатеева «Н. Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха». Наконец, в издательстве РХГА вышла книга «Н. Н. Страхов: pro et contra», что само по себе свидетельствует об определенной популярности мыслителя.

К числу памятных событий юбилейного года следует, бесспорно, отнести и успешное завершение реставрационных работ на могиле Н. Н. Страхова. Надгробный памятник давно находился поистине в плачевном состоянии. Сама территория кладбища в этом дальнем углу, в отличие от «парадных» захоронений при входе, поражает своей неухоженностью и навеивает мысли о нашем постыдном равнодушии к памяти предков. Даже найти могилу Страхова в последние десятилетия было трудно. На большом информационном щите у входа на кладбище со схемой расположения мест захоронений фамилия Страхова не значится. Те, кто постарше, могли помнить, что лет тридцать назад могила Страхова еще была на прежней схеме обозначена.

Сама могила писателя со временем заросла кустарником, выгравированная на памятнике надпись почти стерлась. Из-под памятника выросло

Могила Н. Н. Страхова на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге после реставрации. Фото 2021 г.

Могила Н. Н. Страхова на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге. Фото 2019 г.

довольно большое дерево, под давлением мощной корневой системы которого сам памятник угрожающе наклонился. При падении какая-то часть его неминуемо бы разбилась, да и расположение самой могилы тогда бы стерлось из памяти.

Но этого, слава Богу, не случилось. После безуспешных попыток решить вопрос о реставрации с администрацией кладбища напрямую группа энтузиастов решила пойти официальным путем. Было составлено прошение о необходимости срочной реставрации памятника по ходатайству представителей культурной общественности России. Среди участников акции были сотрудники ИРЛИ (Пушкинского Дома), Педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского университета, Государственного музея Л. Н. Толстого и ИМЛИ РАН в Москве, Научно-исследовательского центра памяти Н. Н. Страхова в Белгороде, а также другие специалисты по творчеству мыслителя и литературного критика. При содействии известного общественного деятеля М. Ю. Лермонтова письмо было передано в Министерство культуры Российской Федерации, которое приняло решение о восстановлении могилы видного деятеля русской культуры. К 28 (16) октября 2021 г., дню рождения Н. Н. Страхова, реставрационные работы были завершены.

Итак, памятник спасен от разрушения, а сама запущенная могила — от неминуемого забвения. Это событие вызывает особенно радостные чувства потому, что приложенные коллективные усилия не остались втуне, а принесли столь редко достигаемый в подобных случаях конкретный положительный результат. Выражаем искреннюю благодарность всем, кто принял участие в этом хорошем и нужном деле.

Список сокращений

ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Наши авторы

Баршт Константин Абрекович — д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). konstantin.barsht@gmail.com

Боева Галина Николаевна — д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института бизнес-коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. g_boeva@rambler.ru

Быстров Вячеслав Николаевич — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). bysvn@mail.ru

Игошева Татьяна Васильевна — д-р филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). tigosheva@mail.ru

Ипатова Светлана Алексеевна — научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). ipatovas@rambler.ru

Котельников Владимир Алексеевич — д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). vladiko@VK9485.spb.edu

Фатеев Валерий Александрович — канд. филол. наук, эксперт Издательства «Пушкинский Дом» (Санкт-Петербург). vfateyev@gmail.com

Фетисенко Ольга Леонидовна — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). betsy98@mail.ru

Хондзинский Павел Владимирович — протоиерей, д-р богословия, канд. теологии, декан богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва). paulum@mail.ru

Authors

Konstantin A. Barsht

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Galina N. Boeva

Institute of Business Communications, St. Petersburg State University of Industrial
Technology and Design
St. Petersburg, Russia

Vyacheslav N. Bystrov

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Valery A. Fateyev

Pushkinskij Dom Publishers
St. Petersburg, Russia

Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Tatyana V. Igosheva

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Svetlana A. Ipatova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Father Pavel Khondzinskii

St. Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russia

Vladimir A. Kotelnikov

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-778000 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Адрес редакции: 199034 Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д. 4
Телефон +79213354409
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста З. Н. Исидорова
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

Подписано к печати 10.01.2022.
Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 14,26. Тип. зак. №

Отпечатано в типографии «АртПроект»
Санкт-Петербург, Выборгская наб., д. 29